

Воронежский государственный университет
Центр коммуникативных исследований
Центрально-Черноземное региональное отделение
НМС по иностранным языкам

**Язык
и национальное сознание**

Вып. 9

Продолжающееся научное издание

**Воронеж
2007**

Очередной, девятый, выпуск межвузовского научного сборника «Язык и национальное сознание» посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения соотношения языка и различных форм сознания.

Для филологов, преподавателей русского языка, иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области когнитивных исследований и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

к.ф.н. Лапотько А.Г., к.ф.н. Рудакова А.В. – ответственный секретарь, д.ф.н. Попова З.Д., д.ф.н. Стернин И.А. – научный редактор, д.ф.н. Стернина М.А., д.ф.н. Чарыкова О.Н.

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В. Рудакова, И.А. Стернин

Язык и национальное сознание. Вып. 9 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2006. – 214 с. 200 экз.

От редакции

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций «Язык и национальное сознание», выпускаемую совместно кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ, Центром коммуникативных исследований ВГУ, кафедрой русского языка и методики его преподавания Борисоглебского ГПИ и Центрально-Черноземным региональным отделением НМС по иностранным языкам Федерального агентства по образованию РФ. Данный выпуск является девятым в серии продолжающихся изданий. Предыдущие выпуски (1-8) вышли в Воронеже в период с 1998 по 2006 гг.

Сборник отражает результаты совместных исследований коллективов-учредителей в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка.

Редакция приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения языка и сознания.

Электронный адрес редакции: sternin@phil.vsu.ru.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

З.Д. Попова

Субъект-пациенс в русской языковой картине мира

Под языковой картиной мира мы понимаем совокупность концептов (квантов мысли), получивших выражение в системе языковых знаков. Известно, что языковые знаки далеко не полностью представляют ту когнитивную картину мира, которая есть в сознании людей; в ней могут «застыть» наивные представления народов, впоследствии преобразованные научными знаниями (ср. *солнце всходит и заходит*). Тем не менее, какие-то особенности мировосприятия народа в языковой картине мира обнаружить можно (подробнее об этом см.: Попова, Стернин 2006, с. 35-40).

Одной из таких особенностей, обнаруживаемых в системе русских синтаксических структур, является концепт *субъекта-пациенса*, то есть лица, пассивно претерпевающего направленное на него воздействие, приписываемое ему состояние (в отличие от *субъекта-агенса*, то есть активно действующего по своей воле лица).

Любое высказывание передает ту или иную пропозицию – набор смыслов, содержащихся в мыслях говорящего. Эти смыслы выражаются специализированными словоформами, образующими позиционную схему высказывания (подробнее об этом см. Попова 1996). В большинстве случаев словоформа, заполняющая ту или иную позицию, соответствует по своей лексической семантике пропозиционному смыслу, такому как *деятель, действие, признак, объект действия, место, время действия* и др. В таких случаях образуются изосемичные структуры (термин Г.А. Золотовой). Но в системе синтаксических структур бывают и структуры неизосемичные, то есть такие, позиции которых заполняются словоформами с лексической семантикой, не соответствующей пропозиционному смыслу данной позиции.

Вот несколько таких русских структурных схем простого предложения, которые, на наш взгляд, отражают одну из особенностей русского национального сознания.

Позиционная схема **кто слышит что** является изосемичной выражаемым в ней пропозиционным смыслам *деятель – действие – объект действия*. А позиционная схема **кому слышится что** будет неизосемичной. В ней форма именительного падежа подлежащего в качестве *агенса* представляет *объект; действие восприятия*, названное глаголом-сказуемым, благодаря согласованию приписано *объекту*. Реальный *агенс* (человек) обозначен формой дательного падежа, которая в

изосемичных структурах специализируется на передаче смысла *адресат/получатель*.

В русском синтаксисе можно найти целую серию таких инвертированных неизосемичных структур: **кому вспоминается что, кому видится/ чудится/ мерещится что, кому было видно/ слышно что, кому нужно что** (людям нужна передышка, их семье нужны деньги, мне нужен отдох), **кому нравится что/ кто, кому было сколько лет** и некоторые другие.

Асимметрия между мыслительными образами пропозиции и семантикой представляющих их словоформ хорошо разъясняется в рамках теории синтаксических концептов. Синтаксическими мы называем концепты (мыслительные сущности, типовые пропозиции), получившие закрепление в синтаксических структурах (подробнее см.: Волохина, Попова 1999).

В русской синтаксической системе есть структура **кому есть каково**, представляющая типовую пропозицию *субъект-пациенс претерпевает состояние*. Человек представлен в этой структуре как лицо пассивное, вынужденное претерпевать ниспосланное ему как бы откуда-то извне состояние. Чаще всего это некое модально-волевое состояние (*нам надо идти, ей нужно было увидеть подругу, вам пора расставаться, путешественникам предстояли тяжелые испытания*), состояния, вызванные окружающими обстоятельствами (*всем было жарко, тесно, душно*), физиологические состояния (*бабушке нездоровилось, ей стало легче*), психологические и эмоциональные (*детям хотелось есть, всем было весело, мне очень приятно вас видеть, тебе будет здесь удобно*) и некоторые другие состояния.

Сформировавшийся и закрепившийся в такой структуре концепт стал втягивать в свое поле и те ситуации, в которых человек фактически является агенсом, то есть он думает, воспринимает окружающее органами чувств, испытывает определенные эмоции. Но структура **кому есть каково** позволяет в этих ситуациях представить человека как пассивного субъекта, как бы претерпевающего свои собственные восприятия, мысли и чувства, как будто бы не он сам их порождает, а только «принимает» их как идущие извне.

«Второстепенность» лица-субъекта восприятия столь очевидна, а его «значимость» для говорящего столь мала, что в речевых реализациях структуры **кому есть каково** словоформа дательного падежа одушевленного лица сплошь и рядом опускается. Например: *Вдруг послышался детский голос* (Марков). *Иногда мерещилась она в быстром танце* (Зайцев). *Сейчас же предстоит прорыв через линию фронта* (Русский характер). *Пора восстановить справедливость по отношению к Ван-Гогу...* (Паустовский). *Из-за камня все уже можно было разглядеть* (Куклин) и др.

Однако семантика глаголов и наречных предикативов в таких высказываниях содержит в себе сему *лица*, которое *слышит, мысленно*

видит тот или иной объект, принуждено выполнить предписанные ему действия и т.д. Не будучи названо, это лицо уходит в подтекст, получает статус наблюдателя за кадром. Таким наблюдателем может быть автор текста, который пишет: *Было темно. Было шумно и ветрено*, или персонаж повествования, от лица которого передается его восприятие: *Загудел лес, и стало в нем темно, как вечером* (Рассказы о природе). Позиция кому в таких высказываниях сохраняется, и при необходимости она может быть легко заполнена (*вдруг – нам/ему/мне... – послышался детский голос*).

На основе этой же структурной схемы (**кому есть каково**) создалась, видимо, и формула для обозначения возраста человека: **кому есть сколько лет**: *Тане было тогда лет двадцать. Мне исполнилось тридцать лет. Малышу уже два года. Дедушке скоро будет семьдесят лет.* Отсюда же и шутливая фраза: *кому стукнуло сколько лет*.

Человек изображается как пациент, вынужденный принимать свой возраст пассивно по мере течения времени своей жизни. Впрочем, в данной ситуации такое толкование субъекта-пациенса кажется вполне изосемичным. Неизосемична только словоформа, обозначающая возраст, который изображается как *деятель-агенс*.

Субъект-пациенс – своеобразный концепт русского языкового сознания, закрепленный в синтаксической структуре. Эта структура неоднократно привлекала внимание синтаксистов как отечественных, так и зарубежных. Речевые реализации этой структуры без словоформы дательного падежа типа *Морозно, тепло, пора* и т.п. получили статус самостоятельных структур и именуются *безличными*. Однако есть и понимание того, что лицо в этих структурных схемах скрывается «за кадром» (подробнее об этом см.: Копров 2002).

Известно толкование таких конструкций польской исследовательницей Анной Вежбицкой, которая видит в «безличности» некую «неконтролируемость» и «иррациональность» русского менталитета, определяющего «общую пациентивную ориентацию русского синтаксиса» (Вежбицкая 1996). Полагаем, однако, что «неконтролируемость», «иррациональность» и «общая пациентивная ориентация русского синтаксиса» в толковании А. Вежбицкой явно преувеличены.

Во-первых, структура **кому есть каково** личная, лицо в ней названо словоформой дательного падежа, а если в речевой реализации эта словоформа опущена в силу её коммуникативной невостребованности, то присутствие её всегда проецируется самой синтаксической структурой. Другое дело, что это лицо является *пациенсом, вынужденным претерпевать те состояния и обстоятельства, которые от него не зависят, а предписываются ему другим человеком, природой или общественными установками*. И вряд ли можно отрицать реальность денотативных ситуаций, в которых человек оказывается *пациенсом*. То, что на основе такого синтаксического концепта человек представляется *пациенсом* и в других ситуациях (когда он мыслит, воспринимает, ощущает и т.п.), – это уже своеобразная языковая игра, объясняемая

различными коммуникативными интенциями и коннотациями, в частности, желанием подчеркнуть значимость объекта своего восприятия или размышления, иногда неуверенностью в адекватности своих ощущений. Не случайно в этих высказываниях используются глаголы *мерещится, чудится* и им подобные.

Во-вторых, по сравнению с синтаксическим концептом *агенс* *воздействует на объект* концепт *пациенс претерпевает состояние* формируется достаточно поздно (его синтаксическая структура отмечается в текстах XVI-XVII веков), занимает в речевых произведениях по сравнению с другими синтаксическими концептами не так много места и общую ориентацию русского синтаксиса явно не определяет. Однако осознание того, что человек в ряде ситуаций вынужден принимать направляемые на него извне состояния и переживать их, структура **кому есть каково** чётко вербализует и свидетельствует о том, что концепт *субъект-пациенс* в концептосфере русского народа присутствует.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. – С. 55-76.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: Истоки, 1999. – 196 с.

Копров В.Ю. Подлежащность / бесподлежащность и личность / безличность в сопоставительной типологии предложения // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 141-151.

Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. М.: Азбуковник, 1996. – С. 255-268.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

И.А. Стернин

Вариативность структурной организации концептов

Обобщение ряда проведенных исследований отдельных концептов позволяет сделать некоторые выводы об особенностях структуры концептов разных типов.

Образ и информационное содержание выделяются во всех типах концептов, но их объем может существенно различаться в разных типах концептов. В некоторых концептах образ занимает значительную часть содержания концепта, может быть много когнитивных образов, в других

когнитивные образы могут совершенно отсутствовать, а выявляются лишь перцептивные образы.

Интерпретационное поле также обнаруживается во всех типах концептов, но при этом оно может иметь разную зонную организацию.

В концептах разных типов выделяются следующие зоны интерпретационного поля.

1. **Энциклопедическая зона** – объединяет когнитивные признаки, характеризующие признаки концепта, требующие знакомства с ними на базе личного опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта и т.д.

К примеру, для концепта **Москва** это такие признаки, как древний город, основан в 1147 г., место расположения оптовых рынков для членоков, мэр Лужков, мишень для терактов, много иностранцев, долго строился, захватывали французы, не захватили немцы, город-герой и т.д.

Концепт **Ярославль** – древний, богатая история, Золотое Кольцо, провинциальный, волжский, промышленный, деревня, развивающийся, маленький, раньше мыслился как вторая столица, набережная, лесной, северный, алкоголики, большой, спортивный.

Для концепта **гроза** это такие признаки, как опасна для человека, наиболее опасна шаровая молния, бывает обычно летом, губит самолеты, препятствует полетам, нарушает работу электроприборов, нельзя прятаться под высокими деревьями, вызывает страх у детей и др.

Концепт **вода** – в воде можно утонуть, вода бывает голубая, воды часто не бывает, без воды и не туды и не сюды, за воду дорого платить, в воде приятно купаться, зимой вода холодная и т.д.

Концепт **русский язык** – огрубляется, широко распространен, древний, много заимствований, известный, деградирует.

Концепт **брать** – существует в разных языках, является неприличной в общественном употреблении, является средством самокритики, является обыденным средством общения, расстраивает отношения между людьми, переходит в драку, является постоянным средством общения отдельных людей, является неприличной при детях, является неприличной при женщинах, противоположна мирным отношениям.

Энциклопедических признаков обычно выделяется много, но часто они имеют ярко выраженный групповой и индивидуальный характер.

2. **Утилитарная зона** – объединяет когнитивные признаки, выражющие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями использования денотата концепта для каких-либо практических целей – его функции, для чего он нужен, чего с его помощью можно достичь, какие последствия для человека несет его использование или применение и т.д. Например:

концепт **автомобиль** – много хлопот, дорого эксплуатировать, удобно ездить летом на дачу, зимой не нужен;

концепт **русский язык** – сложный, нужный, необходимый, трудно выучить; большой объем словарного состава, доступный, интересный, необходимый, точный, безграничность тематики;

концепт **английский язык** – сейчас без него никуда, необходимый современному человеку;

концепт **собака** – дорого обходится содержание, от нее шерсть везде валяется, с большой собакой дома спокойнее;

концепт **кошка** – лечит болезни, приятно гладить;

концепт **счастье** – во многом зависит от везенья;

концепт **брань** – используется при осуждении, используется при оскорблении, служит для начала диалога, используется для насмешки, используется в позитивной критике, используется для подбадривания, используется в негативной характеристики высокопоставленных лиц, используется в речи взрослых для критики детей;

концепт **Москва** – агрессивная, огромная, многолюдная, суевая, шумная, богатая, активная, высокомерная, чужая, утомительная, интересная, сильная, место, где есть работа, большая деревня, златолюбивая, незнакомая, политическая, хмурая, модная, дорогой город;

концепт **Ярославль** – родной, тихий, душевный, уютный, зеленый, грязный, отсталый в информационных технологиях, современный, интересный, суевый, скучный, компактный, удобный, шумный.

3. Общеоценочная зона – объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку (хороший, плохой, великолепный, гадкий и т.д.), например:

концепт **русский язык** – хороший, красивый, выразительный;

концепт **Москва** – отвратительная (не люблю), чарующая, гламурная;

концепт **Ярославль** – красивый, любимый.

4. Регулятивная зона – объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать в сфере, «покрываемой» концептом. Например:

концепт **русский язык** – его надо учить, надо говорить культурно;

концепт **закон** – надо охранять, надо соблюдать, наказывать нарушителей, нельзя нарушать;

концепт **быт** – надо поддерживать, должен быть удобным;

концепт **зуб** – надо вовремя лечить;

концепт **собака** – нужно кормить, выводить два раза в день;

концепт **автомобиль** – надо ездить по правилам;

концепт **улица** – надо переходить по переходу;

концепт **брань** – после браны необходимо мириться, в брань между близкими родственниками не должен вмешиваться посторонний человек, не следует бранить за глаза, не следует обращать внимание на брань пьяного человека.

5. Социально-культурная зона – объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, историей, достопримечательностями, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами и под.

Ср.: концепт *гроза*: ей посвящены литературные произведения (Островский, пьеса «Гроза», Катерина, люблю грозу в начале мая);

концепт *русский язык* – на нем говорят известные люди (Пушкин, Лермонтов, Есенин, Ленин), на нем написаны известные литературные произведения («Война и Мир», «я русский бы выучил только за то...»), любимые книги, язык любимых книг, чтение книг, «Ночь на Ивана Купала»), источник фольклора (частушки, песни), на нем говорят страдающие люди (бедность, нищета, революции, войны, на нем говорят в деревенской России (луг, поле, березки, деревня, сарафан, кокошник);

концепт *брань* – характерна для повседневной речи мужчин, рабочих, уголовников, пьяных, тюремных охранников, несвойственна женскому коммуникативному поведению;

концепт *Москва* – стадион «Лужники», есть метро, Кремль, центр – Красная площадь, есть ГУМ и ЦУМ, Большой театр, многогранная, культурная, бездуховная, политическая, публичная;

концепт *Ярославль* – многочисленные церкви, исторические памятники, памятники искусства, Стрелка.

Социокультурные признаки часто трудно отграничить от энциклопедических, четкой грани между ними нет.

6. **Мифологическая зона** – зона, объединяющая когнитивные признаки, сформировавшиеся под влиянием мифологических представлений о денотате концепта, приписываемые денотату концепта стереотипным, мифологическим сознанием. Например:

концепт *русский язык* – великий, могучий, свободный;

концепт *Москва* – великая, третий Рим;

концепт *Ярославль* – Ярослав Мудрый, медведь, великий, величественный.

Мифологические зоны обычно выявляются у небольшого количества общественно-значимых концептов.

7. **Идентификационная зона** – зона, объединяющая когнитивные признаки, индивидуализирующие концепт, то есть иллюстрирующие типичное материальное воплощение концепта в реальной действительности.

Например, в концепте *женщина* в идентификационную зону войдут такие признаки, как Диана, Дашикова, Екатерина II, Елизавета; в концепте *гроза* – Иван Грозный; в концепте *свободная страна* – это не Россия и др.

Идентификационная зона есть в небольшом количестве концептов, допускающих персонифицированное представление.

8. Отдельно выделяется паремиологическая зона концепта.

Паремиологическая зона – совокупность когнитивных признаков концепта, объективируемых пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом, в национальных паремиях. Например:

концепт *труд* – достижение результата в труде предполагает значительные усилия (без труда не вынешь рыбку из пруда);

концепт ***брань*** – *брань помогает в физической работе* (не выбравившись, и замка в клети не откроешь);

концепт ***любовь*** – *время позволяет людям привыкнуть друг к другу* (стерпится-слюбится);

концепт ***внешность*** – *не следует доверять внешнему впечатлению* (внешность обманчива) и т.д.

Паремиологическая зона – особая, в значительной степени автономная зона в структуре концепта, поскольку она чаще всего отражает преимущественно исторические представления об отношении народа к концепту и понимании народом различных сторон этого концепта. При этом отдельные когнитивные признаки, имеющие паремиологическую объективацию, могут «признаваться» современным сознанием, входить в него: к примеру, в концепте ***брань*** таких признаков оказалось 8 из общего числа около 60 паремиологически объективированных признаков. В принципе «современность» паремиологически объективированных признаков требует отдельной проверки.

Объективированные паремиями когнитивные признаки концепта внутри паремиологической зоны могут быть упорядочены по принципу поля с учетом частотности выражения того или иного смысла в паремиологическом фонде языка (то есть по количеству паремий, объективирующих один и тот же когнитивный признак).

Отметим, что регулятивные, мифологические идентификационные, паремиологические зоны выделяются не у всех типов концептов. Может существенно различаться объем энциклопедических зон.

В ряде концептов отчетливо выделяются ***когнитивные слои***. Под когнитивным слоем концепта понимается совокупность когнитивных признаков, отражающих членение содержания концепта по определенному когнитивному признаку. Можно говорить о современном и историческом когнитивных слоях, а также об оценочном и неоценочном когнитивных слоях.

Исторический когнитивный слой включает когнитивные признаки, которые некогда широко обсуждались и имели поэтому языковые обозначения, которые постепенно вышли из широкого употребления и представляют собой лишь исторический срез концепта, отражают своего рода когнитивную память народа.

Исторический когнитивный слой обычно составляют когнитивные признаки, объективируемые устаревшими паремиями или устаревшими словами и фразеологизмами.

Так, в концепте ***жене*** устарел признак *жену надо бить* (люби жену как душу, тряси ее как грушу), в концепте ***брань*** – *надо терпимо относиться к брани* (брать не дым, глаза не выест) и др.

Оценочный слой включает все оценочные признаки – как из зоны общей оценки, так и конкретные признаки из других зон, имеющие оценочный характер (например, отражающие эстетическую (красивый/некрасивый),

эмоциональную (приятный/неприятный), интеллектуальную (умный/ глупый), нравственную (добрый/злой, законный/незаконный, справедливый/ несправедливый).

Значительное количество когнитивных признаков, образующих оценочный слой концепта, позволяет говорить об оценочности данного концепта. Можно также говорить об оценочной акцентуации концепта – положительной или отрицательной, в зависимости от преобладания отрицательной или положительной оценки.

Так, в концепте *брань* оценочных когнитивных признаков из общего количества – 118 – выявлено 58; индекс оценочности концепта составляет 0,49. Индекс историчности содержания концепта *брань* составил 0,4.

Описав структуру концептов, можно сравнить концепты по всем структурным параметрам. Например, сравним концепты *Москва* и *Ярославль*:

Параметры концепта	«Москва»	«Ярославль»
Объем ядра	40%	56%
Объем ближней периферии	25%	18%
Объем дальней периферии	23%	12%
Объем крайней периферии	12%	18%
Объем образного содержания	14 %	13,8%
Объем информационного содержания	5,2%	1,4%
Объем интерпретационного поля	80,8%	84,8%
Энциклопедическая зона	18,3%	29,6%
Мифологическая зона	9,6%	4,1%
Социокультурная зона	6,1%	15,8%
Утилитарная зона	60,2 %	38,6%
Общеоценочная зона	6,1%	8,9%
Регулятивная зона	-	-
Паремиологическая зона	-	-
Идентификационная зона	-	-
Количество неоценочных признаков	28%	32%
Количество позитивно-оценочных признаков	22%	50,5%
Количество негативно-оценочных признаков	50%	17,5%
Оценочная акцентуация	негативная	позитивная

Сравнение концептов по объему структурных компонентов позволяет делать выводы об особенностях концептуализации действительности, отраженной в этих концептах.

Таким образом, при сохранении макроструктуры концепта – образ, информационное содержание и интерпретационное поле – объем и структура каждого из этих компонентов варьирует в зависимости от конкретного типа описываемого концепта. Это позволяет сравнивать концепты по структуре и устанавливать их когнитивную специфику, выявлять особенности когнитивной картины мира народа.

Катуков С.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта *брань* в русском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт *русский язык* в русском языковом сознании: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.

Фисенко О.С. Концепт *гроза* в русском языковом сознании: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.

Г.П. Стуколова

Теоретические проблемы изучения синтаксической фразеологии

В современной синтаксической науке имеется большое количество работ, посвященных изучению и описанию синтаксических построений свободного типа (словосочетаний, простых и сложных предложений), в то время как разнообразные несвободные образования, несмотря на длительную традицию их изучения, до сих пор не получили целостного освещения ни в научной, ни в учебной литературе, относясь к тому кругу вопросов, по которому в синтаксической науке нет единого мнения.

Сегодня уже нет необходимости доказывать существование несвободных синтаксических конструкций, как это было, например, лет десять-двадцать назад. Несвободные синтаксические конструкции (или синтаксические фразеологизмы) – единицы, которые строятся по определенным устойчивым схемам и обладают целым набором признаков, отличающих их от лексических фразеологизмов, с одной стороны, и свободных синтаксических конструкций – с другой.

Основные положения теории фразеологизации на уровне синтаксиса уже нашли свое отражение как в академических грамматиках, так и в целом ряде научных статей.

Однако, несмотря на многочисленность исследований, большой объем описанного материала, многие вопросы, касающиеся теории и анализа несвободных синтаксических конструкций, остаются нерешенными или решаются неоднозначно.

Во-первых, до сих пор не выработан общепринятый термин для названия несвободных синтаксических и лексико-синтаксических

образовании; во-вторых, не определен их статус: обычные ли это единицы синтаксиса, единицы ли особого уровня языка – фразеологии, или промежуточные конструкции, занимающие место между фразеологией и синтаксисом; в-третьих, нерешенными остаются вопросы о границах этого явления, объеме, путях и способах образования несвободных синтаксических единиц; в-четвертых, не определено их место в практике вузовского преподавания.

Анализ научной лингвистической литературы показывает, что в трудах ученых XVIII, XIX и начала XX века (М.В. Ломоносова, Н.И. Гречи, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Д.Н. Овсянникова-Куликовского, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы) не упоминается о таком явлении, как синтаксическая фразеология. Лишь А.М. Пешковский в своей работе «Русский синтаксис в научном освещении» указывает на существование конструкций, части которых соединены союзами **лишь только – как, едва – как, только что – как** и т.д.: *Крестьянин ахнуть не успел, как на него медведь насыпал; Только что он вошел, как началась музыка.*

Своебразие таких конструкций, по мнению А.М. Пешковского, заключается в том, что при их анализе решить, какая часть какой части подчинена, невозможно. А.М. Пешковский подобные конструкции предлагает поставить вне подчинения и сочинения как особый вид связи и условно называет такое соединение «взаимным подчинением».

Изучение несвободных синтаксических конструкций начинается лишь в 50-е годы XX века и тесно связано с интенсивным изучением фразеологии. Первыми обратились к анализу несвободных синтаксических образований Н.Ю. Шведова и Д.Н. Шмелев.

Заслугой Н.Ю. Шведовой, положившей начало подробному систематическому исследованию фразеологизированных конструкций, свойственных русской разговорной речи, является научное описание большого количества несвободных синтаксических построений и выяснение их отличия от свободных синтаксических конструкций, с одной стороны, и от лексических фразеологизмов – с другой.

При обосновании этого разграничения внимание Н.Ю. Шведовой было сосредоточено в основном на конструкциях, специфика которых заключается в том, что «они строятся не по живым, действующим в языке правилам, а представляют собой изолированные структуры – следы когда-то свободных и расчленяемых построений».

Интересна точка зрения Д.Н. Шмелева, который, пытаясь определить специфику структуры и отличительные признаки несвободных образований, считал, что фразеологизированные конструкции отличаются от свободных синтаксических конструкций тем, что они связаны с определенной интонацией, и в них становится ограниченной или невозможной синонимическая замена опорных слов, так как у слов, реализуемых в несвободных построениях, может возникать новое значение. При этом «значение конструкции не вытекает из значения грамматической формы, а как бы строится на основе определенной и

устойчивой «модели». Д.Н. Шмелев вводит новые термины для обозначения подобных конструкций – «связанные» синтаксические конструкции», а позже – «фразеологизированная схема», или «фразеосхема».

Шестидесяти-семидесятые годы – время интенсивного развития учения о несвободных синтаксических конструкциях, когда обсуждаются прежде всего проблемы общей фразеологии, решается вопрос о необходимости признания особого фразеологического уровня и выделения фразеологии в особую самостоятельную дисциплину, определяются задачи фразеологии. Предметом споров и обсуждений становится вопрос об отличительных признаках и системе фразеологических единиц в современном русском языке, на фоне которого рассматриваются и вопросы о синтаксических фразеологизмах: все ли устойчивые сочетания слов представляют собой явления одного ряда; к какой группе отнести конструкции, основанием которых является не словосочетание, а предложение; можно ли говорить о фразеологизации на уровне синтаксиса; каково место синтаксических фразеологизмов в системе фразеологических единиц?

В эти годы складываются две теории – так называемые «узкая» и «широкая» ориентации при анализе фразеологических единиц. Сторонники «узкой» и «широкой» ориентации не только по-разному решают вопросы о границах фразеологического состава языка и объекте фразеологии, но и по-разному рассматривают понятия «фразеологизм» и «фразеологизация».

Если первые представляют фразеологизацию как процесс образования фразеологизмов – устойчивых, воспроизводимых единиц, то есть делают акцент на фразеологизме, выводя фразеологизацию из фразеологизма, что, по мнению сторонников «широкой» ориентации, равносильно выведению причины из следствия, то вторые видят во фразеологизации первопричину образования фразеологизмов, а фразеологизм рассматривают как результат фразеологизации, естественного диахронического процесса развития языка. Отсюда и разное понимание места фразеологии в системе языка.

Наряду с общетеоретическими вопросами, в эти годы исследуются и описываются отдельные виды несвободных синтаксических конструкций: фразеологизированные словосочетания, инфинитивные мнимоотрицательные конструкции, фразеологизированные инфинитивные конструкции в составе сложноподчиненного предложения, конструкции с союзом **чем**, конструкции со сравнительными союзами **как, как будто, точно, словно, чем**, конструкции с лексическим повтором, конструкции сложноподчиненных предложений со стабильными структурными компонентами и другие.

В 80-90 годы изучение несвободных образований продолжается и в плане углубления теории, и в плане накопления конкретного языкового материала.

«Русская грамматика» дает определение синтаксических фразеологизмов и фразеологизированных структурных схем простого предложения,

подчеркивая при этом, что это такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми, поскольку компоненты связываются друг с другом идиоматически.

В «Русской грамматике» по сравнению с «Грамматикой русского литературного языка» значительно увеличилось количество описываемых фразеологизированных простых предложений, отчасти за счет тех типов, которые «Грамматика русского литературного языка» относила к специальным конструкциям. Увеличилось и количество несвободных предложений, соотносимых по структуре со сложноподчиненными предложениями. Но, как и в «Грамматике русского литературного языка», синтаксические фразеологизмы выделяются только на уровне простого и сложного предложений, хотя бытуют они и на уровне словосочетания, и на уровне текста.

Во всех перечисленных работах особый статус фразеологизированных конструкций не подвергается сомнению. Однако единства, особенно в трактовке общетеоретических вопросов синтаксической фразеологии, в них нет. Высказывания ученых о фразеологизированных конструкциях были и остаются весьма противоречивыми. Нет общепринятого термина синтаксических и лексико-синтаксических образований, которые единодушно признаются учеными как своеобразные явления языка. Исследователи называют эти образования и «фразеосхемами», «связанными синтаксическими конструкциями» (Д.Н. Шмелев), и «фразеологизированными конструкциями» или «предложениями фразеологического типа» (Н.Ю. Шведова, В.А. Белошапкова), и «своеобразными идиоматическими построениями» (А.Н. Кожин), и «фразеологическими единицами на расстоянии», «дистантными фразеологизмами», «грамматическими идиоматизмами» (В.В. Виноградов), и фразеологическими «зачинами» и «концовками» (С.Г. Гаврин), и «типовыми образованиями», «устойчивыми словесными комплексами» (Л.И. Ройзензон), «жесткими моделями» (Л.Ю. Максимов), «синтаксическими фразеологизмами» (Н.А. Янко-Триницкая, Т.А. Тулина), «фразеологизированными моделями» (Г.Я. Солганик) и т.д.

Существуют разные мнения и о специфике таких построений, об их связи с фразеологией в общепринятое понимании. Так, сторонники «узкой» ориентации, отмечая своеобразие ряда синтаксических конструкций, их отличие от соотносительных свободных построений, не видят, однако, их связи с собственно фразеологизмами и оставляют большинство из них за переделами фразеологии, хотя и включают часть таких конструкций во фразеологизмы. Сторонники же «широкой» ориентации не только находят черты, объединяющие рассматриваемые конструкции с так называемыми лексическими фразеологизмами, но и четкое определенное место для тех и других фразеологизмов в общей системе фразеологии.

Одни сужают границы фразеологизированных конструкций до конструкций, в которых имеются устойчивые сочетания или постоянные лексические компоненты типа «что касается ... то...», «не успел ... как ...» (С.Г. Гаврин, А.Н. Кожин), другие же относят к ним только фразеологизированные схемы (Д.Н. Шмелев, Л.Ю. Максимов), а третьи включают и то и другое, и даже союзы фразеологического типа (В.И. Кондухов, Р.Д. Оганесова).

В чем причина такой разноречивости в оценке фразеологизированных конструкций?

Главная причина, из которой вытекают другие, состоит в недостаточной изученности фразеологии и фразеологизмов и в малом сроке изучения синтаксических фразеологизмов. Вопрос о выделении синтаксических фразеологизмов как особого явления языка и определении их статуса и места в системе языка связан с проблемой границ фразеологического состава русского языка. В науке же до сих пор остается дискуссионным вопрос и о специфических признаках фразеологизмов вообще, и о границах фразеологии, и о ее месте в системе языка, и о связи фразеологии и фразеологизацией.

Точка зрения ученых, включающих синтаксические фразеологизмы в систему фразеологии, на наш взгляд, представляется более аргументированной: фразеологические единицы существуют как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях языка. На синтаксическом уровне фразеологизмы представлены несвободными конструкциями – конструкциями фразеологического типа, которые, как и другие фразеологизмы, являются результатом фразеологизации – сложного естественного диахронического лингвистического процесса, сущность которого состоит в обособлении, изоляции единиц разных уровней от соотносительных свободных построений и в структурном сдвиге в них. Самым общим отличительным признаком фразеологических единиц (в том числе и синтаксических) является единичность, немоделируемость, или обособленность, изолированность от соотносительных свободных построений, все же остальные признаки (воспроизводимость, устойчивость, образность, семантическую цельность и т.д.) следует рассматривать как производные от него или его составляющие.

Изоляция, или обособление, происходит прежде всего за счет нарушения системных, регулярных связей между структурой, лексическим наполнением той или иной единицы, с одной стороны, и ее семантикой (лексической и грамматической) – с другой, то есть своеобразной асимметрии этих двух сторон языковой единицы. В свободных конструкциях регулярные связи не нарушены ни по горизонтали, ни по вертикали. В несвободных же очевидно такое нарушение как по горизонтали (ограничение – зависимое слово только во мн. ч. *смотать удочки* или тавтологично *дом как дом, столб столбом*), так и по вертикали (зависимое слово не называет ни объекта действия, ни

предмета, с которым сравнивают другой предмет, а вместе с глаголом или существительным в им. п. формирует новое значение).

Если в так называемых лексических фразеологизмах асимметричны главным образом лексическое наполнение и семантика конструкций, то в несвободных синтаксических конструкциях асимметрия наблюдается, как правило, в отношениях структуры (туда могут входить и отдельные лексические элементы) и грамматической семантики. Такие семантические образования, как *гора горой; из номера в номер; достаточно ~ чтобы; закон есть закон; мне чай не в чай* и др., являются только потому синтаксическими фразеологизмами, что существуют соотносительные свободные конструкции (*платье коробом; усы щеточкой; перенесли из сарая в дом; дом как дворец; прямоугольник есть многоугольник; хотим (надо), чтобы; не успели до того, как* и т.д.; ср. также: *смотал удочки и положил в сумку – смотал удочки из нашего города*), от которых они отличаются немотивированностью грамматических связей внутри конструкции и немотивированностью значения, ограниченной парадигмой, структурной и смысловой неразложимостью, то есть признаками, которые считают обычно признаками фразеологизмов.

Несвободные синтаксические конструкции имеют те же пути и способы фразеологизации, что и лексические фразеологизмы. Это те естественные диахронические процессы развития, совершенствования языка (например, метафоризация, эллипсис, трансформация, интеграция, субSTITУЦИЯ и др.), которые охватывают все уровни языка и которые, по сути своей, как справедливо считает В.Н. Мигирин, одинаковы, только называются по-разному и имеют разные результаты на разных уровнях. Так, наиболее часто участвует в образовании несвободных синтаксических конструкций эллипсис, который сопровождается обязательным семантическим сдвигом (метафоризацией) и зачастую десемантизацией отдельных элементов предложения, фиксированием его структурных элементов. Его следы можно найти во многих синтаксических фразеологизмах, если попытаться восстановить мотивированные грамматические связи внутри конструкции и мотивированные отношения семантики и структуры. Ср.: *дом как дом – дом такой же, как любой другой дом; не успели мы закрыть окна, как началась гроза – мы успели закрыть окна до того, как началась гроза*.

Сдвиг значения при фразеологизации обязательно сопровождается десемантизацией (полной или частичной) и лексикализацией десемантизованных элементов. Десемантизацию и лексикализацию можно наблюдать в несвободных синтаксических конструкциях: *смотря кому; столб столбом; не успел – как; достаточно – чтобы; лучше – чем* и т.д. (выделенные слова утрачивают свое значение, но в сочетании с другими приобретают новое значение, чаще выполняя функцию союза, зерина, ввода, концовки и т.д.).

Например: Что касается меня, то я всегда рад помочь товарищам;
Если говорить начистоту, то вы мне сначала не понравились.

Фразеологизация синтаксических конструкций образует в них особую семантическую емкость значения и особую выразительность. Ср.: *Кто это сказал? – Да кто его презирает?! Где ему проехать? – Где ему проехать! Есть об чем жалеть! И без них тоска смертная!* А в конструкциях типа *Я тебе не ровесница, чтобы со мной так разговаривать* выражен не только силлогизм, но и эмоция гневного возражения, особая побудительная модальность. Поэтому несвободные синтаксические конструкции, как и большинство фразеологических оборотов, являются принадлежностью разговорной речи и языка художественной литературы.

Несколько слов следует сказать и об объекте фразеологизации. В любой значимой единице языка есть форма (внешнее, способ выражения) и содержание (лексическое и грамматическое значения). Фразеологизироваться может: а) только модель какой-то единицы (ее форма); б) модель и лексическое наполнение (форма и содержание); в) модель и один (несколько) лексический компонент. В зависимости от объекта фразеологизации и различают обычно виды фразеологизмов: а) фразеосхемы (несвободные синтаксические конструкции) – *закон есть закон; дом как дом*; б) лексические фразеологизмы (собственно фразеологизмы) – *спустя рукава, шито белыми нитками*; в) лексико-синтаксические фразеологизмы (промежуточные между фразеосхемами и лексическими фразеологизмами – *мало кто; кому где; не успел выйти, как...; если говорить о..., то...; всем пирогам пирог*). Лексико-синтаксические фразеологизмы все-таки ближе к фразеосхемам, поэтому и фразеосхемы и лексико-синтаксические фразеологизмы можно объединить в один тип – несвободные фразеологизированные конструкции, или синтаксические фразеологизмы.

Исходя из изложенного выше, можно сделать следующие выводы о статусе, отличительных признаках, объеме и месте синтаксических фразеологизмов в системе языка.

1. Обладая признаками фразеологизмов (индивидуализация, немоделируемость и др.), несвободные синтаксические конструкции в то же время сохранили и структурные, и семантические признаки именно синтаксических единиц: это фразеологизированные схемы либо словосочетаний (*столб столбом, начало начал*), либо простых предложений (*север есть север; дети как дети*), либо сложных предложений (*новоселье новосельем, а район живет своими буднями*).

2. Отличительными признаками несвободных синтаксических конструкций являются: а) немотивированность грамматических связей между компонентами модели; б) немотивированность грамматической семантики. Немотивированность грамматических связей и грамматической семантики появляется вследствие нарушения системных связей в языке, обособленности, изолированности от соотносительных свободных построений. Таким образом, несвободные синтаксические конструкции (или синтаксические фразеологизмы) – это синтаксические единицы, но

особого фразеологического типа, и рассматриваться они должны в соответствующих разделах синтаксиса, потому что входят в систему языка как лексические фразеологизмы – в лексико-фразеологическую, а словообразовательные и морфологические – соответственно в словообразовательную и морфологическую системы.

3. Несвободные синтаксические конструкции могут быть на разных уровнях синтаксиса: на уровне словосочетания (*из года в год*), на уровне предложения (*всем пирогам пирог* – простое предложение; *я слишком много знаю, чтобы верить книгам* – сложное предложение), на уровне сложного синтаксического целого (*что касается меня, то я живу в Ялте*).

4. В несвободных синтаксических конструкциях фразеологизирована только модель синтаксической единицы или модель и закрепленный в ней лексический компонент, но не лексическое наполнение модели, как в лексических фразеологизмах. В соответствии с этим выделяются две разновидности фразеологизированных конструкций: чистые фразеосхемы (*дом как дом; столб столбом*) и лексико-синтаксические фразеологизмы (*Тоже мне учитель! Достаточно ветру подуть, чтобы...*).

Одной из актуальных проблем синтаксической фразеологии является проблема классификации несвободных синтаксических конструкций. В синтаксической науке до сих пор не выработано общепринятой универсальной классификации не только несвободных, но и свободных конструкций, и главная причина, очевидно, в том, что большие трудности вызывает выделение самого принципа, который бы лег в ее основу.

Таким образом, учение о несвободных синтаксических конструкциях находится пока на стадии становления. Ученым предстоит большая работа по систематизации исследований в этой области и дальнейшее изучение и описание синтаксических фразеологизмов русского языка.

Ж.И. Фридман

О некоторых дифференциальных характеристиках психологически реального значения слова

Термин *психологически реальное значение* слова был предложен И.А. Стерниным (Стернин 1981). В понимании ученого психологически реальное значение слова – это то значение, которое существует в сознании человека, то есть значение как психологическая реальность.

«Психологически реальное значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его

семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психологически реальное значение структурировано по полевому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости» (Стернин 2005, с. 5).

И.Н. Горелов, К.Ф. Седов тоже говорят о психологически реальном значении слова, но используют термин «смысл» (Горелов 2001, с. 59). Термин *психологически реальное значение* слова используют в своих работах и другие исследователи (Грищук 2002, Рудакова 2003).

Слово в сознании человека многозначно. Как считает В.В. Виноградов, «вне зависимости от данного его употребления, слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» (Виноградов 1986, с. 14). Особенности репрезентации слова в лексиконе человека исследуют многие ученые (И.Н. Горелов, А.А. Залевская).

Психологически реальное значение является теоретическим конструктом. А.А. Залевская отмечает, что «...весьма наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка... Мы можем лишь строить *определенные предположения, модели и подобное* в отношении того, что не поддается прямому наблюдению» (Залевская 2003, с. 32).

Психолингвистическое значение слова можно изучить, проанализировав все контексты употребления слова или экспериментальными методами. «В сущности, психолингвистика и есть не что иное, как экспериментальная лингвистика» (Леонтьев 1976а, с. 5).

Экспериментальная методика не отрицает контекстуального и логического анализа значений. Как указывает И.А. Стернин, «экспериментальные методы исследования значений требуют больших затрат, чем логический анализ значения, но они оказываются несравненно более эффективным и экономным путем определения психологически реального значения слова, чем контекстуальный анализ» (Стернин 1981, с. 122). Большое значение эксперименту в исследовании значения отводили В.П. Белянин (Белянин 1999), А.А. Залевская (Залевская 2005), Е.Ю. Мягкова (Мягкова 1986), Н.В. Уфимцева (Уфимцева 1977, 2001).

Одним из наиболее распространенных приемов изучения психологически реального значения слова является ассоциативный эксперимент, поскольку он выступает одним из способов «овнешнения языкового сознания» (Тарасов 2000, с. 3), а получаемые в результате ассоциативные поля позволяют описывать образы, существующие в сознании носителей языка.

Моделью сознания человека является ассоциативный тезаурус. Как отмечает Н.В. Уфимцева, эта модель существенно отличается от других предметных представлений образов, «слово не определяет образ сознания, а только указывает на него с помощью тела знака» (Языковое сознание 2004, с. 4).

Существует несколько видов ассоциативных экспериментов.

1. Свободный ассоциативный эксперимент, при котором испытуемого просят реагировать первым приходящим в голову словом.

2. Направленный ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому предлагается давать ассоциации определенного грамматического и семантического класса (например, реагировать прилагательным или глаголом).

3. Цепочечный, в ходе которого испытуемому предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями – например, дать в течение 20 секунд 10 реакций (Белянин 1999, с. 77).

В нашем исследовании в качестве метода мы используем свободный ассоциативный эксперимент.

Ассоциативный эксперимент является одним из способов доступа к сознанию человека. Исследование языкового сознания с помощью данного вида эксперимента дает возможность выявить системность содержания образа сознания и системность сознания носителя языка. Ассоциативный эксперимент позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в процессе понимания, хранения и порождения речевых произведений.

Нами были проанализированы психологически реальные значения 30 слов. Проведенное исследование позволило выявить несколько существенных параметров, релевантных для описания психологически реального значения слова.

Одной из важных характеристик психологически реального значения слова является индекс его оценочности (см. таблицу 1). Индекс оценочности вычисляется как отношение числа оценочных ассоциатов к общему количеству ассоциативных реакций на каждый стимул.

Таблица 1

Индекс оценочности (ИО) слов

Слово	ИО (%)	Слово	ИО (%)
Благородство	3	Несправедливость	7,8
Борьба	0	Обязанность	12,2
Война	13,4	Ответственность	9,5
Гость	0	Помощь	10,7
Грех	3,4	Правда	15,5
Долг	12,4	Преступник	5,6
Жадность	10,2	Признание	0,6
Жалость	5,6	Родина	2
Жертва	1	Самостоятельность	2
Зависимость	1	Семья	2,4
Закон	16,7	Слава	2,4
Ложь	19	Совесть	19,4
Наказание	9,8	Справедливость	27,2
Насилие	21,8	Труд	19,6
Независимость	1	Уважение	1,6

Как видно из таблицы, наиболее оценочными словами являются *справедливость* (ИО 27,2%) и *насилие* (ИО 21,8%). Наименее оценочными выступают такие слова, как *жертва* (ИО 1%), *зависимость* (ИО 1%), *независимость* (ИО 1%), *признание* (ИО 0,6%). Слова *борьба*, *гость* являются неоценочными. Говоря об оценочности, следует иметь в виду различия между обыденным сознанием и рефлексивным. Те слова, которые выступают как неоценочные в обыденном сознании, могут быть оценочными в рефлексивном, и наоборот. Мы исследуем обыденное сознание.

Другая важная характеристика психологически реального значения – индекс его эмоциональности (см. таблицу 2). Индекс эмоциональности вычисляется как отношение числа эмоциональных ассоциатов к общему количеству ассоциативных реакций.

Таблица 2

Индекс эмоциональности (ИЭ) слов

Слово	ИЭ (%)	Слово	ИЭ (%)
Благородство	1,7	Несправедливость	45,7
Борьба	1,7	Обязанность	7,7
Война	19,3	Ответственность	4,6
Гость	15,5	Помощь	5
Грех	20	Правда	8,7
Долг	3,9	Преступник	23,7
Жадность	19,4	Признание	3,1
Жалость	60,4	Родина	5
Жертва	17,3	Самостоятельность	0,6
Зависимость	12,2	Семья	13,5
Закон	6,9	Слава	6,5
Ложь	22,9	Совесть	11,5
Наказание	11,6	Справедливость	2,2
Насилие	37,3	Труд	5,2
Независимость	3,3	Уважение	4

Как видно из таблицы, наиболее эмоциональными являются слова *жалость* (ИЭ 60,4%), *несправедливость* (ИЭ 45,7%) и *насилие* (ИЭ 37,3%). Наименее эмоциональными выступают такие слова, как *благородство* (ИЭ 1,7%), *борьба* (ИЭ 1,7%) и *самостоятельность* (0,6%). В результате эксперимента неэмоциональных слов не обнаружено.

Индекс оценочности и индекс эмоциональности показывают, что слово может быть оценочным, но с низким индексом эмоциональности (например, *долг*, *справедливость*, *труд*); эмоциональным, но неоценочным или с низким индексом оценочности (например, *гость*, *грех*, *жалость*, *жертва*, *зависимость*, *несправедливость*, *преступник*, *семья*); эмоциональным и оценочным (например, *ложь*, *наказание*, *насилие*).

Важной характеристикой психологически реального значения слова является индекс семантической противоречивости (см. таблицу 3). Индекс семантической противоречивости вычисляется как отношение числа противоречивых ассоциативных ответов к общему количеству ассоциативных реакций.

Таблица 3

Индекс семантической противоречивости (ИСП) слов

<i>Слово</i>	<i>ИСП (%)</i>	<i>Слово</i>	<i>ИСП (%)</i>
Благородство	18,8	Несправедливость	0
Борьба	19	Обязанность	12
Война	0	Ответственность	4,3
Гость	23,6	Помощь	10,2
Грех	3,4	Правда	0
Долг	0	Преступник	19
Жадность	10,2	Признание	2,2
Жалость	0	Родина	0
Жертва	0	Самостоятельность	0
Зависимость	0	Семья	0
Закон	0	Слава	0
Ложь	0	Совесть	21
Наказание	10,2	Справедливость	0
Насилие	0	Труд	19,6
Независимость	0	Уважение	0

Наиболее высокий индекс семантической противоречивости наблюдается у слов *гость* (ИСП 23,6%) и *совесть* (ИСП 21%). Нулевой индекс противоречивости имеют слова: *война, долг, жалость, жертва, зависимость, закон, ложь, насилие, независимость, несправедливость, правда, родина, самостоятельность, семья, слава, справедливость, уважение*.

Психологически реальное значение характеризуется также наличием индекса субъективности (см. таблицу 4). Индекс субъективности вычисляется как отношение числа индивидуальных (не поддающихся объяснению) реакций к общему количеству ассоциаций.

Таблица 4

Индекс субъективности (ИС) слов

<i>Слово</i>	<i>ИС (%)</i>	<i>Слово</i>	<i>ИС (%)</i>
Благородство	12,6	Несправедливость	16,2
Борьба	13,6	Обязанность	10,8
Война	5,6	Ответственность	11,3
Гость	18,6	Помощь	8,5
Грех	11	Правда	11
Долг	8,5	Преступник	8
Жадность	9,4	Признание	12,8

Жалость	11,2	Родина	8,6
Жертва	18,4	Самостоятельность	11,8
Зависимость	8,6	Семья	7,4
Закон	9,3	Слава	13,6
Ложь	12,3	Совесть	9,3
Наказание	10,4	Справедливость	10,6
Насилие	10	Труд	11,8
Независимость	13,2	Уважение	8,8

Наиболее высокий индекс субъективности наблюдается у слов *гость* (ИС 18,6%) и *жертва* (ИС 18,4%); наименьший – у слов *семья* (ИС 7,4%) и *война* (ИС 5,6%).

Важным признаком психологически реального значения является индекс образности (см. таблицу 5). Индекс образности вычисляется как отношение количества образных реакций к общему числу ассоциативных ответов.

Таблица 5
Индекс образности (ИО) слов

Слово	ИО (%)	Слово	ИО (%)
Благородство	1,5	Несправедливость	1,2
Борьба	0,6	Обязанность	0
Война	2,2	Ответственность	0,1
Гость	0	Помощь	0,1
Грех	0,4	Правда	2
Долг	0	Преступник	0,6
Жадность	0,8	Признание	0
Жалость	0,4	Родина	1,2
Жертва	0	Самостоятельность	0,8
Зависимость	0,2	Семья	0,7
Закон	1,3	Слава	7,4
Ложь	2	Совесть	2,3
Наказание	0,6	Справедливость	1
Насилие	0	Труд	4,6
Независимость	0	Уважение	0

Как видно из таблицы, наиболее высокий индекс образности у слова *слава* (ИО 7,4). Нулевой индекс образности имеют слова: *гость, долг, жертва, насилие, независимость, обязанность, признание, уважение*.

Итак, оценочность, эмоциональность, противоречивость, субъективность и образность являются яркими дифференциальными характеристиками психологически реального значения слова.

- Белянин В.П. Введение в психолингвистику. – М.: ЧеРо, 1999. – 128 с.
- Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.
- Горелов И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
- Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании школьников (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): Дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 238 с.
- Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 202 с.
- Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. – С. 26-34.
- Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
- Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – 379 с.
- Мягкова Е.Ю. Психолингвистическое исследование эмоциональной нагрузки слова: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1986. – 17 с.
- Рудакова А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка: Дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 213 с.
- Стернин И.А. Психологически реальное значение слова и его изучение / И.А. Стернин // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: межвузов. тематич. сб. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. – С. 116-122.
- Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып. 7. – Воронеж: Истоки, 2005. – С. 4-10.
- Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М: ИЯ РАН, 2000. – С. 3.
- Уфимцева Н.В. Грамматический аспект ассоциаций // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: МГУ, 1977. – С. 33-36.
- Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 71.
- Языковое сознание: Теоретические и прикладные аспекты: сб. статей / [под общ. ред. Н.В. Уфимцевой]. – М., Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. – 295 с.

Грамматическая категоризация концепта в национальном языковом сознании

В настоящее время активно разрабатываются различные аспекты соотношения ментальных и языковых структур, в частности выявление связей между концептами и их представлением в языке. Нередко утверждают, что центральные для человеческой психики концепты отражены в грамматике языков и что именно грамматическая категоризация создаёт ту концептуальную сетку, тот каркас распределения всего концептуального материала, который выражен лексически (Кубрякова, Демьянков и др. 1996, с. 91).

На современном этапе развития науки бесспорным представляется тот факт, что эмпирическая категоризация внеязыковых сущностей объективируется в грамматической категоризации слов и осуществляется при её посредстве (Болдырев 1995). В частях речи отразился процесс первичной категоризации совокупности представлений, которые получает человек при освоении мира. Характеристики этих категорий обусловливаются в первую очередь тем, для отражения какой структуры знаний они были созданы и какие концепты стоят за ними.

Когнитивно-дискурсивный подход к проблеме частей речи, представленный в работах Е.С. Кубряковой, помогает постичь те основания, на которых строится эта категоризация, те принципы, на которые она опирается в естественных человеческих языках. Данный подход предполагает, что части речи трактуются, с одной стороны, как категории, объективирующие и называющие определённые когнитивные структуры (соответствующие фрагментам воспринятой действительности), а с другой – рассматриваются в плане выполняемых ими функций в составе высказывания и текста.

В своём взаимодействии с окружающим миром человек как биологический вид и как член социума встречается с общими для всех жителей Земли факторами и ситуациями, определившими как общие черты восприятия и членения внешнего мира, так и общечеловеческую потребность в языке как средстве коммуникации. То, что мыслительные процессы у всех людей, даже говорящих на разных языках, протекают сходным образом, обусловлено физической природой человека и функциями его головного мозга. Следовательно, можно утверждать, что процессы категоризации имеют универсальный характер, обусловленный единством отражаемого в сознании материального мира и общими в своей основе закономерностями мышления и когниции.

При рассмотрении данного вопроса в диахроническом аспекте бесспорным (по крайней мере для индоевропейского сознания) признаётся, что из окружающего древнего человека нерасчленённого континуума

первым был выделен предмет, объект, то есть некая субстанциональная сущность. Поэтому имя явилось той диффузной базисной категорией, которая синтетически совмещала в себе идеи собственно объектности, количественности и признаковости.

Е.С. Кубрякова считает исходным в порождении речи как в филогенезе, так и онтогенезе процесс номинации. На ее взгляд, акты речи начинаются с обозначения определенных элементов будущего высказывания. В качестве довода в пользу выделения актов номинации как явлений, примарных для речевой деятельности в целом и для феноменов, связанных с предикацией, она приводит факт существования на ранних этапах развития языка односоставного предложения. О генетическом приоритете номинативного компонента свидетельствуют и исследования развития речи ребенка. Он начинает говорить «названиями» (Кубрякова 1984, с. 16, 20).

Затем внутри имени начинают выделяться собственно *объект*, его *признаки*, а также *число*. На такой порядок формирования языковых категорий указывают, например, данные, приведённые в работе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова (Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 278), согласно которым в индоевропейском прайзыке функцию определения первоначально выполняло имя в препозиции к другому имени. В современном русском языке сохранилисьrudиментарные формы такого типа: *жар-птица*, *бой-баба*, *огонь-девка*, *душа-человек* и др.

Чрезвычайно важным в картине мира представляется концепт «действие», поскольку именно через действие человек вступает в активные отношения с реальностью. В лингвистике понятие действия ассоциируется, прежде всего, с глаголом, его семантическими типами и грамматическими категориями. В традиционной грамматике термин «действие» обычно употребляется как обобщенное наименование для всех значений, выражаемых глаголом.

Информация, передаваемая глаголом, имеет, как и вся концептуальная картина мира, гносеологические корни в определенных когнитивных структурах, порождаемых пространственным опытом. Обыденное сознание воспринимает объекты окружающего мира в пространственном отношении к другим объектам, автоматически противопоставляя фигуру и фон. Как только визуальное восприятие фиксирует изменения в пространственном соотношении фигуры и фона, наблюдатель трактует данную ситуацию как ситуацию перемещения.

А.В. Кравченко считает, что «предмет» и «место» являются теми исходными (первичными) концептами, из которых затем развиваются все остальные, образуя концептуальную систему языка (Кравченко 1997, с. 41). Глагол же, становясь носителем идеи непрерывности, отражает связи между отдельными субстанциями, названными именами, он не только указывает на отношения между предметами, но и называет эти отношения.

«Глагол рождался как единица хронотопная, совмещающая в своем значении как идею траектории движения в пространстве, так и идею

процессуальности и причинности, течения во времени с разными его фазовыми характеристиками» (Кубрякова 1996, с. 222). Таковы когнитивные основания становления данных категорий в диахроническом аспекте.

Следует отметить, что в ходе исторического развития происходит постепенный процесс усиления позиции глагола в языковой картине мира, что обусловлено постепенным расширением практического познания и теоретического осмысливания свойств объектов окружающей действительности, процессов их взаимодействия между собой, а также (вероятно, в первую очередь) процессов взаимодействия между субъектом и объектами внешней среды. В результате эволюции глагол приобретает способность свертывать информацию о времени, о пространстве, включать в обозначение процесса представление о субъекте действия, его объекте и/или инструменте, т. е. имплицировать ситуацию.

Таким образом, система частей речи создаётся как результат коллективного опыта на основе дифференциации структур сознания. Такая дифференциация становится результатом выделения и разграничения в окружающем человека мире 1) объектов, 2) их признаков и качеств, 3) действий, процессов, состояний. Всё высказанное позволяет говорить, что существуют некоторые базовые когнитивные структуры, представляющие собой отправную точку категоризации действительности в естественном языке. Эти онтологические сущности представляют собой базовые когнитивные концепты, лежащие в основании картины мира всего человечества. Об универсальности данных концептов свидетельствует то, что они имеют знаковую представленность практически во всех человеческих языках.

Но как осуществляется грамматическая категоризация общечеловеческой ментальной сущности в языках разных этносов, какие факторы её обуславливают? Какая онтологическая сущность является наиболее релевантной для той или иной языковой общности?

Представляется, что носитель языка при репрезентации концепта в конкретном речевом акте выбирает ту форму его грамматической категоризации, которая в наибольшей степени отвечает реализации коммуникативной интенции. В коммуникативном акте одна и та же ментальная сущность может быть представлена как предмет мысли или как качество, признак, действие, приписываемое предмету мысли. Соответственно, концепт будет, как правило, объективирован в первом случае посредством существительного, во втором – посредством прилагательного или глагола. Именно фактор коммуникативной интенции говорящего определяет, в какой грамматической ипостаси будет объективирован актуализируемый им в данном речевом акте концепт.

Поскольку в диахронии происходит бесчисленное повторение однотипных ситуаций общения, а типичность той или иной ситуации в жизни данного социума по сравнению с жизнью других социумов, как правило, определяется конкретными факторами окружающей его материальной среды (природа, климат, пейзаж и т.д.), то это может

обуславливать закрепление в языковом сознании этноса определённых форм грамматической категоризации объективируемого концепта как приоритетных.

Например, в работе В.А. Калугиной (Калугина 2006), посвящённой исследованию языковой объективации концепта «температура», был проведён анализ частеречной принадлежности лексем исследуемого поля, который показал, что в языковом сознании обоих этносов анализируемый концепт может быть представлен как субстантивная, акцидентная или атрибутивная сущность. При сопоставлении репрезентации ментальной сущности «холод» в русском и английском языках выявляется пропорциональность соотношения существительных и прилагательных в структурах исследуемых лексических полей анализируемых языков.

Национальная специфика категоризации данного фрагмента концептосферы в русском языке по сравнению с английским заключается в приоритете для русского языкового сознания категориального признака «действие». Это может быть связано с различием климатических условий существования данных этносов. Более суровый климат определяет этноприоритетность фактора воздействия низких температур на жизнедеятельность русских, что находит адекватное выражение в языке.

Таким образом, грамматическая категоризация концепта в национальном языке определяется не только собственно лингвистическими причинами, но и обусловливается совокупностью ряда экстравалингвистических факторов.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: Монография. – СПб., Тамбов, 1995.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Калугина В.А. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991.

Кубрякова Е.С. О номинативном компоненте речевой деятельности // ВЯ. – 1984. – № 4. – С.13-22.

Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. Сб. статей. – М.: Наука, 1996. – С.218-224.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов (под ред. Е.С. Кубряковой). – М., 1996.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

В.Г. Бурцева

Гендерная дифференциация значений по данным ассоциативного эксперимента

Одно из наиболее ярких явлений в гуманитарных науках XX века – появление гендерных исследований как принципиально нового методологического подхода к исследованию не только мужских и женских социальных ролей, но и культуры в целом.

В последнее время приобрело широкое распространение использование эксперимента в ходе работы над языковым материалом. Эксперимент – средство проверки той или иной рабочей гипотезы, которая формулируется на базе определенной теории. В соответствии с теорией и с конкретными задачами исследования производится выбор конкретного исследовательского приема, ведется подготовка материала и отбор испытуемых, а также обсуждаются полученные результаты.

В данной статье ставится цель – экспериментальными методами выявить гендерные особенности ассоциирования. Материалом была избрана наиболее частотная лексика современного русского языка.

Для исследования гендерных особенностей ассоциативной структуры слова был проведен свободный ассоциативный эксперимент, который представляет собой фиксацию первых ответов испытуемых на предъявляемые им слова – стимулы. Испытуемым разрешалось реагировать любым словом, их реакция ничем не ограничивалась. Эксперимент проводился в письменной форме. Испытуемым был предъявлен список стимулов, в качестве которых были выбраны 30 самых частотных гендерно неспецифицированных прилагательных и 30 аналогичных глаголов из «Частотного словаря» Л.Н. Засориной (рядом со словом указана частотность по данному словарю).

Прилагательные: большой 2066, другой 1895, новый 1722, каждый 922, рабочий 913, старший 726, великий 692, последний 664, американский 618, молодой 608, высокий 551, хороший 535, важный 521, полный 515, русский 514, главный 509, военный 485, черный 473, белый 471, старый 468, огромный 404, общий 401, нужный 386, красный 371, крупный 349, разный 341, известный 339, общественный 331, основной 329, народный 322.

Глаголы: сказать 2909, знать 2192, идти 1818, стать 1549, видеть 1504, хотеть 1295, думать 1094, пойти 1027, дать 935, есть 933, стоять 922, жить 853, иметь 846, смотреть 818, казаться 768, взять 763, понимать 734, сделать 732, значить 708, уходить 684,

работать 666, любить 632, писать 578, слышать 569, спросить 553, начать 540, сидеть 572, вести 485, оставаться 481, молчать 432.

Было опрошено 200 человек, из них 100 мужчин (в возрасте от 17 до 63 лет) и 100 женщин (в возрасте от 17 до 57 лет). Среди опрошенных – студенты, рабочие и служащие, пенсионеры.

При обработке эксперимента каждое слово-реакция записывалось и учитывалось отдельно, даже если оно было близко по смыслу другому слову или являлось его вариантом. Затем было составлено ассоциативное поле каждого стимула, выстроенное от наиболее частотной реакции к наименее частотной.

Полученная от испытуемого ассоциативная реакция позволила судить о том, какой признак исходного слова оказался наиболее актуальным и послужил основанием для включения этого слова в ту или иную систему связей.

В ходе обработки результатов эксперимента были выявлены следующие гендерные особенности ассоциативных полей.

При анализе ассоциаций на прилагательные самыми многочисленными оказались реакции – антонимы на заданный стимул (*большой – маленький; новый – старый*).

Самая частотная ассоциация на заданные стимулы – *человек*.

У женщин среди реакций часто были существительные, обозначающие лиц или профессии человека (*большой – политик; рабочий – инженер*).

У женщин чаще, чем у мужчин, встречались реакции, основанные на сравнении, а также реакции словами с переносным значением.

При анализе ассоциаций на глаголы у мужчин в ассоциациях чаще встречались абстрактные понятия, у женщин – более конкретные.

Среди мужских ассоциаций чаще, чем среди женских, встречались антонимы.

Среди женских ассоциаций доминировали существительные с предлогами, среди мужских – наречия образа действия.

Общие гендерные различия на материале ассоциативных статей глаголов и прилагательных могут быть сведены к следующему:

1. У женщин ассоциации более яркие, детальные и их было больше, чем у мужчин. Женщины чаще увязывают исходное слово с неким объектом окружающего мира, реагируют мысленными образами (*важный – индюк*).

2. Среди женских ассоциаций чаще, чем у мужчин, встречаются известные выражения, устойчивые сочетания, особенно это касается прилагательных (*молодой – да ранний, сказать – отрезать*).

3. Мужские ассоциации чаще относятся к словам сниженной и разговорной лексики (*полный – беспредел, оставаться – в дураках*).

4. Часто в основе ассоциаций лежало явление паронимии, а также (у мужчин) звукоподражания (*высокий – Высоцкий*).

Данное исследование показало, что, во-первых, ассоциации имеют гендерную специфику, что проявляется в наличии ассоциаций, свойственных только одному полу; в наличии ассоциаций, отличающихся

по яркости у разных полов; в отсутствии тех или иных ассоциаций у разного пола.

Наиболее яркие гендерные различия были выявлены у следующих слов (индекс обозначает долю ассоциатов, для которых выявлена гендерная специфика):

- среди прилагательных: *военный* (0,71), *другой* (0,50), *разный* (0,45), *полный* (0,42), *большой* (0,39), *крупный* (0,38), *важный* (0,34), *огромный* (0,34), *общий* (0,34), *красный* (0,33);
- среди глаголов: *работать* (0,61), *думать* (0,60), *понимать* (0,49), *молчать* (0,48), *взять* (0,44), *казаться* (0,43), *слышать* (0,42), *пойти* (0,40), *стать* (0,38), *сделать* (0,38).

Наименее яркие гендерные различия выявлены у слов:

- среди прилагательных: *последний* (0,21), *молодой* (0,18), *общественный* (0,17), *каждый* (0,13), *старший* (0,13);
- среди глаголов: *иметь* (0,25), *начать* (0,23), *писать* (0,22), *дать* (0,19), *сказать* (0,15).

Таким образом, с помощью эксперимента были выявлены наиболее характерные связи слов, свойственные мужскому и женскому языковому сознанию.

A.B. Книга

К проблеме контрастивного анализа наименований явлений природы

Нами была поставлена задача провести контрастивный анализ наименований явлений природы в русском и английском языках.

Первым этапом контрастивного анализа является составление исходного списка русских лексем, которые впоследствии будут использованы для составления контрастивных пар (Контрастивная лексикология и лексикография 2006). Данная статья посвящена этому этапу исследования.

В качестве материала для контрастивного анализа была избрана лексическая группировка « явления природы », при этом исходным языком исследования был определен русский. При составлении базового списка данной группы использовался русско-испанский словарь ассоциативных норм, который был разработан авторским коллективом в составе: Ю.Н. Карапулов, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Исходный список стимулов на русском языке состоял из 112 слов, из которого были выбраны 12 слов, относящиеся к лексической группе « явления природы ». Ими оказались *ветер, вечер, вода, гора, день, земля, лес, ночь, огонь, река, свет, утро*.

Далее все лексемы базового списка были просмотрены по словарям синонимов русского языка (Словарь синонимов русского языка 2004;

Словарь синонимов русского языка 1999), в результате чего произошло расширение базового списка.

Так, к лексеме *ветер* добавились следующие единицы: *бриз, ветр, вихрь, ураган, буря, легкое дуновение, сильный порыв, буря, шторм, шквал, тайфун*; к лексеме *вечер* – *сумерки, конец дня, наступление ночи*; к лексеме *гора* – *холм, холмик, дюна, утес, возвышенность, возвышение*; к лексеме *земля* – *почва, грунт, суши, пахотный слой, дерн*; к лексеме *лес* – *лесистая местность, кустарники, роща, джунгли, лесонасаждение, парк*; к лексеме *ночь* – *ночное время, темнота, сумерки*; к лексеме *огонь* – *пламя, пламень*; к лексеме *река* – *течение, поток, ручей*; к лексеме *свет* – *рассвет, сияние, освещение, солнечный свет, зарево*; к лексеме *утро* – *восход солнца, рассвет, утренняя заря, солнечный свет*.

Далее полученный список был разбит на смысловые группы:

1. *Вода* – река, течение, поток, ручей.
2. *Ландшафт, рельеф* – гора, холм, возвышение, холмик, утес, возвышенность, возвышение.
3. *Земля* – почва, грунт, суши, пахотный слой.
4. *Лес* – лесистая местность, кустарники, парк, роща, джунгли, лесонасаждение.
5. *Световые периоды и явления* – вечер, сумерки, конец дня, день, ночь, темнота, полночь, утро.
6. *Огонь* – пламя, пламень.
7. *Свет* – восход солнца, рассвет, утренняя заря, солнечный свет, сияние, освещение, зарево.
8. *Ветер* – бриз, ветр, вихрь, ураган, буря, легкое дуновение, сильный порыв, шторм, шквал, тайфун.

Затем были выявлены значения исследуемых слов. Из одноязычных толковых словарей выписывались определения к выделенным лексемам, после чего составлялась интегральная дефиниция каждого значения.

ВЕТЕР

Естественное движение потока воздуха в горизонтальном направлении.

ВЕЧЕР

1. Время, часть суток от окончания дня до наступления ночи, сменяющая день и переходящая в ночь.
2. Вечернее общественное собрание приглашенных гостей, посвященное чему-либо; вечернее представление.
3. Встреча друзей, знакомых, близких в вечернее время для общения, развлечения, празднования чего-либо.

ВОДА

1. Прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручья, реки, озера, моря и представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода. // Напиток или водный раствор какого-либо вещества,

применяемый для утоления жажды, а также в лечебных, косметических и иных целях. // Пустые бессодержательные фразы, многословие при бедности содержания.

2. мн.ч. Минеральные источники; курорт с такими источниками.

3. Водное пространство моря, реки и т.п., его поверхность, уровень. // Водная масса моря, реки и т.п., ее потоки, струи, волны. // Водные пространства, участки морей, рек, каналы и т.п., принадлежащие прибрежному государству, региону и т.п.

4. в знач. нар. водой, водою. Водным путем.

5. Чистота окраски, блеска, прозрачности драгоценного камня.

6. Питательная жидкость, заполняющая защитную оболочку плода.

ГОРА

1. Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей.

2. Множество, большое количество чего-нибудь, сложенного в кучу, нагроможденного, сваленного кучей.

3. Гористая местность.

4. Горнопроходческая выработка.

5. в знач. нареч. Высокой кучей.

6. Естественное или специально сооруженное возвышение для спуска на лыжах, санках и т.п.

ДЕНЬ

1. Часть суток от восхода до захода Солнца, от утра до вечера, между утром и вечером.

2. Сутки, промежуток времени в 24 часа, составляющий седьмую часть недели, отведенный, предназначенный для чего-либо, занятый чем-либо.

3. Календарная дата; число месяца, посвященное какому-нибудь событию, связанное с каким-либо событием, с празднованием его.

4. мн. ч. Время, пора, период.

ЗЕМЛЯ

1. Третья планета солнечной системы, обитаемая нами, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг Солнца, орбита которой находится между Венерой и Марсом.

2. Место жизни и деятельности людей.

3. Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства).

4. Верхний, поверхностный слой земной коры нашей планеты; а также ее более глубокие слои; почва, грунт.

5. Рыхлое вещество темно-бурого цвета, входящее в состав земной коры нашей планеты.

6. Территория, находящаяся в чем-либо владении, управлении, пользовании; обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва.

7. Страна, государство; вообще какая-либо большая территория Земли.

8. *устар.* Поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок.

9. *только ед.* В составе названий красок.

10. В Австрии, в Германии: крупная административно-территориальная единица.

ЛЕС

1. Множество дикорастущих деревьев, расположенных на большом пространстве; пространство, обильно поросшее деревьями.

2. *собир.* Срубленные деревья как строительный, поделочный и т.п. материал.

3. О множестве, большом количестве чего-нибудь, поднятого, устремленного вверх.

НОЧЬ

1. Часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра, между вечером и утром.

2. Темнота, мрак во время этой части суток.

ОГОНЬ

1. *только ед.* Раскаленные светящиеся газы, образующиеся при горении вокруг горящего предмета; пламя.

2. Свет от осветительных приборов.

3. Боевая стрельба, обстрел.

4. Чувство, с силой овладевшее кем-либо, охватившее кого-либо и т.д.

5. Страстность, живость, творческий, душевный подъем, пыл. О сильных, сжигающих как пламя, чувствах, стремлениях, желаниях и т.п.

6. О ком-либо, отличающемся горячем пылким нравом, порывистостью.

7. Светящаяся точка, пятно света.

8. Блеск глаз (обычно как отражение какого-либо внутреннего состояния человека), душевный подъем.

9. *только ед.* Повышенная температура тела, жар.

РЕКА

1. Естественный значительный и непрерывный водный поток, питающийся поверхностным или подземным стоком с площадей своих бассейнов и текущий в разработанном им русле.

2. *перен.* Поток, большое количество, масса.

3. *в знач. наречия рекой* Широким потоком, обильно, в большом количестве.

СВЕТ

1. Электромагнитное излучение, лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир.
2. Место, откуда исходит освещение, освещенное место, пространство, где светло.
3. Источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах.
4. Рассвет, восход солнца.
5. Светлое место, пятно на картине, передающее наибольшую освещенность какого-либо участка изображаемого.
6. Блеск глаз под влиянием какого-либо чувства, радостное, ясное выражение лица.
7. Символ истины, разума, просвещения или радости, счастья.
8. нар.-поэт. Ласковое, приветливое обращение к кому-либо.

УТРО

1. Часть суток от окончания ночи до наступления дня; время восхода солнца, рассвета, начало дня, первые часы дня.
2. книжн. Начало чего-либо (обычно какого-либо периода в жизни, начального этапа развития какого-либо явления, чувства и т. п.).
3. устар. Концерт, зрелище, представление, литературное или музыкальное собрание в первой половине дня, в утренние часы до обеда и т.д.

Были выявлены лексемы, которые входят в многочисленные фразеологизмы (*ветер, вода, гора, день, земля, огонь, свет*), а также слова, список фразеологических единиц с которыми которых достаточно скучен (*вечер, лес, ночь, река, утро*).

ОГОНЬ

Антонов огонь – народное название гангрены, заражения крови.

Блуждающие огни – перен. появляющиеся и исчезающие.

В огне – 1) в жару, в горячечном состоянии; 2) в бою, в сражении.

В огонь и в воду (готов, пойду и т.д.) – о готовности совершить самоотверженный поступок, пожертвовать собой.

Глаза горят огнем – перен. о страсти.

Из огня да в полымя – из одной неприятности в другую, еще большую.

Междудвух огней – в положении, когда опасность грозит с двух сторон.

Нет дыма без огня; дыма без огня не бывает – нет следствия без причины.

Огнем и мечом – с беспощадной жестокостью, уничтожая все.

Бояться как огня – очень бояться.

Днем с огнем не найти (или не сыскать) – никак не найти.

Играть (или шутить) с огнем – делать то, что может повлечь за собой неприятные, опасные последствия.

Подлить масла в огонь – перен. обострить неприязненные отношения.

Пройти огонь и воду (и медные трубы) – многое испытать в жизни; иметь сложное небезупречное прошлое.

НОЧЬ

Белые ночи – о летних ночных на севере, когда сумерки не переходят в темноту.

Варфоломеевская ночь – организованная жестокая расправа с беззащитными людьми.

Полярная ночь – часть года за Полярным кругом, в течение которой солнце не всходит.

Доброй (покойной, спокойной) ночи – пожелание на ночь хорошего сна, отдыха.

На ночь – перед сном, перед тем как лечь спать.

На ночь глядя – поздно вечером.

Не к ночи будет сказано что, не к ночи будет помянут кто – о ком-, чем-либо странном, крайне неприятном.

РЕКА

Река забвения – в античной мифологии: река подземного царства, в которой души умерших пили забвения своего земного существования.

Молочные реки, кисельные берега – в сказках: о сытой, привольной жизни.

Реки крови льются на войне – на войне проливается много крови.

В результате проделанного анализа были выделены наиболее многозначные лексемы – из базового списка это *вода, гора, день, земля, огонь, свет* – и единицы с небольшим количеством значений (*ветер, вечер, ночь, река, утро*).

Следующим этапом исследования является установление межъязыковых соответствий каждому из выявленных русских слов и фразеологизмов.

Контрастивная лексикология и лексикография / Под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж: Истоки, 2006.

Алиева Т.С. Словарь синонимов русского языка. – М., 1999.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2002.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1987.

Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981.

Словарь синонимов русского языка / Авт.-сост. М.А. Ситникова. – Ростов н/Д., 2004.

Прилагательные со значением «национально-территориальные параметры» в русском и немецком сознании

Е.А. Земская отмечает, что «специфической чертой русского языка является наличие в нем особой ...категории – относительных прилагательных, выражающих широкое недифференцированное значение отношения» (Грамматические исследования 1991, с. 132). Данный лексико-грамматический разряд имен прилагательных используется для выражения ограниченного круга отношений (посессивность, часть и целое, материал, назначение, отношение к лицу, животному, действию, отвлеченному понятию, месту и времени и др.).

Современный русский язык, как и немецкий, дает нам сложную и интересную картину функционирования относительных прилагательных. Многие ученые отмечают неравномерность употребления относительных прилагательных в разных сферах литературного языка.

В текстах политического дискурса, в рамках которого функционирует также и политическая реклама, количество относительных прилагательных (55,8%) значительно превосходит число качественных прилагательных (30,6%).

Материалом анализа послужили тексты политических обращений и предвыборные материалы кандидатов в воронежскую городскую Думу, а также тексты газет.

В рамках политического дискурса на материале русского и немецкого языков зафиксирована довольно большая по количеству лексем (русских – 128, немецких – 81) группа со значением «Национально-территориальные параметры». В состав этой группы входят отсубстантивные относительные прилагательные.

Ситуация в области политики характеризуется обширными контактами между странами, процессами интеграции, установлением делового сотрудничества. Учитывая, что «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации» (Конституция РФ 2003, с. 4), в контексте всего перечисленного вполне объяснимо, почему политический дискурс изобилует относительными прилагательными, характеризующими что-либо по отношению к месту.

С понятием *город* связаны понятия, касающиеся самого устройства города, его управления и функционирования. Наиболее употребительным (36 употреблений) является прилагательное *городской*. Интересно, что в проанализированном материале данная лексема является более частотной, чем лексема *российский* (22). Возможно, это связано с тем, что чаще всего

данное прилагательное встречается в обращениях кандидатов в депутаты местных органов управления, ведь использование этого прилагательного оказывает воздействие на избирателей: *Из-за разногласий губернатора и мэра не должно страдать городское население* (Обращение А. Сергеева).

Заметим, что прилагательное *городской* имеет следующие значения:

1. Относящийся к городу; связанный с ним:

...сохранить льготный проезд для пенсионеров, инвалидов ...на транспорте городского и пригородного сообщения... (Обращение А. Сергеева); Я намерен добиться создания бесперебойного сообщения между микрорайонами городской черты и районами города... (Обращение А. Сергеева).

2. Находящийся в ведении, собственности города; осуществляемый, устанавливаемый городом:

Надоело наблюдать по телевидению нескончаемые бои местного значения городской исполнительной и представительной власти за передел городской собственности и сфер влияния ... (Обращение Корнеева и Морозовой); ...чтобы меньше денег оседало в карманах коррумпированных чиновников и больше поступало в городскую казну (Обращение А. Сергеева).

3. Связанный с функционированием города, управлением города:

Так что, иду на выборы в городскую Думу потому, что пусть здесь высота полета пониже, зато дел конкретных больше, избиратели ближе и им видней – кто есть кто (Обращение Корнеева и Морозовой); Он уверен: в городе есть деньги на все, по поводу чего городская администрация долгие годы повторяет: «Нет денег» (Обращение А. Сергеева).

4. Имеющий значение для всего города; отражающий, учитывающий интересы города:

Нужно просто приложить опыт и умение грамотно вести городское хозяйство (Обращение А. Сергеева).

Употребительными сочетаниями являются *городская Дума* и *городская администрация, городская власть*. Столь частое употребление лексемы *городской* указывает на важность проблем, связанных с жизнью в городе. Употребление данного прилагательного «идентифицирует» политического деятеля и сближает его с избирателем, обозначая явления, одинаково важные как для самого депутата, так и для его потенциального избирателя.

Часто используются такие сочетания с относительными прилагательными, которые выражают отношение к единичному лицу или предмету. Это значение часто выражают производные от имен собственных – фамилий (Ленинский район), географических названий и т.п.

В обращениях кандидатов в депутаты часто встречаются названия городов, таким образом они подчеркивают свою причастность к этому (зачастую родному) городу, перечисляя проблемы, существующие именно в этом городе и предлагая варианты их решения:

А в 1990 г. вместе с мамой работал на ТЭЦ – Воронежские тепловые сети (Обращение А.М. Дубинина).

Я член партии «Родина», баллотироваться меня побудили воронежские промышленники, с которыми мы тесно сотрудничаем (Обращение А.М. Дубинина).

...в бюджете города остается лишь пятая часть средств от налогов воронежских налогоплательщиков, а область забирает более трети их... (Обращение Корнеева и Морозовой).

В текстах политической рекламы наиболее частотными являются прилагательные *городской, районный, областной, местный, региональный*, поскольку именно эти прилагательные тесно связаны в понимании избирателя с тем, что его окружает в повседневной жизни. Именно в этих прилагательных «воплощается» его жизнь и проблемы.

Прилагательное *местный* (14 употреблений) является своего рода синонимом к *городской*, так как значения сочетаний с данным прилагательным похожи:

Количество органов местного самоуправления увеличится в 2,5 раза... (АиФ №20/2005).

Если местная исполнительная и законодательная власти будут проводить ее (реформу) без учета мнения организаторов медицины..., ничего хорошего они не сделают (Обращение А.А. Шевченко).

В рамках такого понятия, как *страна*, реализуются многочисленные локальные обозначения, касающиеся территориального деления страны, управления и т.д.

Естественно, что самым употребительным в этой группе является прилагательное *российский* (22). Приведем некоторые наиболее типичные и интересные примеры, значения которых можно классифицировать по аналогии с лексемой *городской*:

1) лексема *российский* употребляется в официальном названии нашей страны, по аналогии с этим называют и такой государственный орган управления, как Дума:

В 90-е гг. Российская Дума приняла три закона по борьбе с коррупцией, ...но ни один из них так и не был подписан Президентом Российской Федерации (Обращение А.М. Дубинина).

Использование прилагательного *российский* для обозначения географических границ – *российская* сторона – государство – Россия:

В ответ российская сторона может попросить премьер-министра Шарона «подсобить» с выдачей указанного человека, обвиняемого на родине в уголовных преступлениях (АиФ №17/2005).

2) употребление лексемы *российский* непосредственно связано с существительным *Россия* и используется для характеристики самых разнообразных предметов и объектов во многих сферах деятельности: законодательство, ядерные объекты, войска (миротворцы), регионы, власть, оппозиция:

...российское законодательство в этой сфере практически не приведено в соответствие с международными нормами (Обращение А.М. Дубинина).

По мнению В. Путина, не все, что происходит сегодня в российской экономике, нас устраивает... (АиФ №25/2005).

Прошел очередной пленум российских коммунистов (АиФ №25/2005).

И все же – что касается саммита Совета Европы, то наблюдатели предполагают, что российское руководство решило понизить статус своего представительства в Варшаве... (АиФ №20/2005).

3) употребление лексемы *российский* для характеристики людей по национальному признаку, для характеристики менталитета, присущего русским людям:

Недавняя «бензиновая история» стала надломным моментом в отношениях украинских властей с российскими бизнесменами (АиФ №22/2005).

На прошлой неделе главные российские титаны навестили родной город (АиФ №25/2005). В предложении особо подчеркивается место рождения (Петербург), так как это родной город В. Путина.

Приведенные примеры подтверждают частотность употребления и многозначность этого прилагательного, проявляющиеся в разных контекстах. Прилагательное *российский* указывает на наличие трудностей, единых для жителей всей огромной России.

Отметим, что разграничение власти центральной и местной (региональной) фиксируется и в языке – *федеральная, местная и региональная*. Федеральная власть является главенствующей для местной и авторитетной для всей страны:

Это как раз нынешняя власть, федеральная и местная, пытается выставить нас противниками части ветеранов (Обращение Корнеева и Морозовой).

Для усиления и подчеркивания единства используется сложное прилагательное *общефедеральный*:

Глубоко и всестороннее обсуждались на заседании правительства в Ростове и общефедеральные проблемы (АиФ №23/2005).

С понятием *мир* связано прилагательное *европейский* (9), имеющее общее значение. Лексема *европейский* входит состав такого политического понятия, как Европейский союз:

В странах Европейского союза все чаще говорят о системном кризисе (АиФ №25/2005).

Прилагательное *европейский* несет в некоторых контекстах коннотацию «лучший, образцовый»:

Нас воспитывали, как сказали бы сейчас, по европейским методикам (Обращение А.М. Дубинина).

Чаще всего лексема европейский связана географическим положением:

Чем отличается наша политическая элита от элиты европейских стран? (Обращение А.М. Дубинина).

Таким образом, приведенные прилагательные, отражающие локальное деление, воздействуют на человека, подчеркивая либо близость политика к своему избирателю, либо указывают на какие-то проблемы глобального

характера, важные не только для жителей городов, но и всей России (прилагательное *российский*) или даже Европы (прилагательное *европейский*) в целом.

Для политического дискурса немецкого языка (исследование проведено по материалам современной немецкой публицистики) наиболее употребительным прилагательным является *deutsch* (17 употреблений) с общим значением. Именно данное прилагательное репрезентирует отношение ко всему государству.

Прилагательное *deutsch* характеризует самые различные предметы и объекты: солдаты (*deutsche Soldaten*), демократия (*deutsche Demokratie*), немецкое единство (*deutsche Einheit*), европейская политика (*deutsche Europolitik*), история (*deutsche Geschichte*), политика (*deutsche Politik*), репортажи (*deutsch-deutsche Reportagen*), парламент (*deutsches Parlament*), (*deutscher Politikbetrieb*).

Следует отметить, что двойное употребление лексемы *deutsch-deutsch* особенно характерно для политики и используется для обозначения всего, что раньше было связано с разделенной Германией (на восточную и западную):

...Journalistin, die in den Jahren 1994 bis 2004 deutsch-deutsche Reportagen schrieben... (Schweriner Volkszeitung 21.09.05).

Наряду с прилагательным *deutsch* употребляются и лексемы *ostdeutsch* (13 употреблений) *westdeutsch* и *deutschnational*:

Wir wollen, dass die ost-und westdeutsche Geschichte gleichermaßen als deutsche Geschichte behandelt wird (Wahlprogramm. PDS 2005).

Использование в рамках одного предложения лексем *ostdeutsch*, *westdeutsch* и *deutsch*, да и само предложение говорит об актуальной в Германии проблеме – проблеме двух прежде разделенных государств. Эта проблема стала особенно важной после объединения Германии.

Прилагательное *ostdeutsch* используется для характеристики общества (*ostdeutsche Teilgesellschaft*), пенсионеров (*ostdeutscher Rentner*), предприятий (*ostdeutsche Unternehmen*), названия земель (*ostdeutsche Länder*) и др.

Частое употребление прилагательного *ostdeutsch* обусловлено тем, что именно в восточной части Германии наблюдается острый демографический кризис, уровень жизни населения значительно ниже, чем в западной. В восточной Германии заработная плата ниже, чем в западной, при сравнявшейся стоимости потребительской корзины. Вследствие этого происходит большой отток квалифицированных кадров на запад страны, где больше возможностей утвердиться в обществе.

Процесс адаптации населения восточной и западной Германии друг к другу также происходит непросто. Пренебрежительное отношение западных немцев к восточным привело к появлению термина «оссии» и отнюдь не способствует нормализации отношений между ними, осознанию ими себя единым народом. Поэтому предложение *Wir wollen, dass die ost- und westdeutsche Geschichte gleichermaßen als deutsche Geschichte behandelt wird* является актуальным, так как вполне очевидно, что потребуется много

усилий, чтобы добиться создания единого национального самосознания немецкого народа.

Таким образом, прилагательное *deutsch* (*ostdeutsch* + *westdeutsch*), использующееся в различных контекстах, актуализирует внимание на проблемах, важных для страны в целом.

Более конкретная проблематика находит отражение в прилагательных, называющих федеральные земли. Поэтому прилагательные, употребляемые в примерах, отражают политico-географическое деление страны. Выделено 9 лексем, образованных от названий федеральных земель: *niedersächsisch* (Niedersachsen), *sächsich* (Sachsen), *nordrhein-westfälisch* (Nordrhein-Westfalen), *hessisch* (Hessen). Следует отметить, что прилагательное *niedersächsisch* является одним из частотных в этой группе:

Der 2003 abgewählte niedersächsische Ministerpräsidenten hatte seine Zukunft fast schon hinter sich ... (Stern № 43/2005).

Es ist der 60. Geburtstag der hessischen CDU, der großen, schwarzen, mächtigen Dregger-Kanther-Koch- CDU (Stern № 40/2005).

Интересно, что в большинстве случаев прилагательные, образованные от названий федеральных земель, используются чаще всего для подчеркивания принадлежности какого-либо политика или партии (политического союза, политического органа) к определенной земле, что само по себе является значимым для гражданина этой земли, подсознательно сближая их.

Наименования со значением локализации, в качестве которой выступают географические наименования, также используются для идентификации человека с его «родными местами»:

So machten G.Grass und H.Böll gemeinsam mit Friedensaktivist Dietmar Schönherr eine Friedensdemonstration vor dem US-Stützpunkt im schwäbischen Mutlangen zur „Promi-Blockade“... (Spiegel-online 9.06.05).

Для ФРГ важна принадлежность к какой-либо земле – Саксония, Бавария и т.д., а после воссоединения Германии – принадлежность к Западной или Восточной Германии, что подчеркивают примеры, приведенные выше.

На фоне конкретных пространственных номинаций, отражающих важность для всей страны, выступает лексема *europäisch* (9 употреблений).

Как и в русском языке, это прилагательное входит в состав такого понятия, как европейский союз, европейская конституция, европейский парламент:

Über die Änderung der Verträge zur Europäischen Union und insbesondere über den Verfassungsvertrag für die Europäische Union soll auch in Deutschland das Volk direkt entscheiden (Wahlprogramm. PDS 2005).

С более широким по значению «характеризующий взаимоотношения между странами» прилагательным *international* (8 употреблений) связано использование таких существительных, как *валютные отношения, проекты сотрудничества, валютная операция (сделка), предприятия, декларация прав человека, организации* и др.:

Die internationalen Währungsverhältnisse und Kapitalströme müssen stabilisiert und kontrolliert werden (Wahlprogramm. PDS 2005).

Die Nutzung von Sonnenenergie muss schon heute entschiedener vorangebracht werden, unter anderem durch große internationale Kooperationsprojekte (Wahlprogramm. PDS 2005).

Таким образом, данные прилагательные играют важную роль в коммуникативном сознании продуцентов и реципиентов политического дискурса в сопоставляемых языках. Функционирование этих прилагательных касается внутренней и внешней политики страны, ее экономического положения, успехов в проведении реформ, проблем в социальной сфере.

Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры. – С. 127-134.

Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. – М.: Наука, 1991. – 247 с.

Земская Е.А. Русское словообразование. – М.: Просвещение, 1973.

Конституция Российской Федерации. Официальный текст. – М.: ЮНВЕС, 2003. – 48 с.

Павлов В.Т. Логические функции категорий пространства и времени. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1966. – 234 с.

С.В. Павлова

К изучению имен событий в русском и английском языках

События отражаются в языке как событийные имена (event labels, event names).

В словаре (Collins 1993) даётся следующее толкование лексемы event:

Event – 1. anything that takes place or happens, esp. something important; happening; incident 2. the actual or final outcome; result (esp. in the phrases **in the event, after the event**) 3. any one contest in a program of sporting or other contests: the high jump is his event 4. Philosophy a) an occurrence regarded as a bare instant of space-time as contrasted with an object which fills space and has endurance b) an occurrence regarded in isolation from, or contrasted with, human agency. Compare act (sense 8) 5. **at all events** or **in any event**. Regardless of circumstances; in any case 6. **in the event of**. In case of; if (such a thing) happens: in the event of rain the race will be cancelled 7. **in the event that**. If it should happen that 8. **verb** to take part or ride (a horse) in eventing [C16: from Latin *eventus* a happening, from *evenaire* to come forth, happen, from *venire* to come]

В первом значении *event* толкуется как нечто, что имеет место или происходит. Подчёркивается, что чаще всего под событием понимается нечто важное, произошедшее случайно, происшествие. Во втором значении *event* – результат чего-либо, и используется в конкретных устойчивых выражениях. В третьем значении *event* обозначает вид спортивного состязания. В четвёртом значении отражено философское понимание *event* как момента в пространстве и времени, противопоставленного объекту, заполняющему пространство и имеющему протяжённость, а также как случай, происшествие, не зависящее от деятельности человека.

В (Oxford Complex 1993) обнаруживается сходная формулировка основного значения слова *event*: a thing that happens or takes place, esp. One of importance, то есть нечто, что происходит, чаще всего – важное. Второе значение соотносит *event* с фактом совершения чего-либо, результатом. «Спортивное» значение у слова *event* отмечается и здесь. Но в этом словаре приводится не философское понимание *event*, а употребление лексемы *event* в языке физики. И последнее значение лексемы *event*, которое рассматривается в данном словаре - нечто, на что делаются ставки.

В (НБС 1993) значений *event* выделяется больше. Например:

Event – 1. Событие, важное явление; значительный факт; international events международные события; the happy event счастливое событие (прим. *Рождение ребёнка, свадьба*); seismic event сейсмическое явление. 2. случай; in the event of в случае (чего-либо); at all events во всяком случае. 3. мероприятие (*приём, вечер, зрелище и т.п.*); social event неофициальная встреча, встреча друзей; formal event официальное мероприятие (*заседание и т.п.*); musical and theatrical events музыкальные и театральные выступления, концерты и спектакли. 4. спорт. 1) соревнование; combined events комбинированные соревнования; 2) вид спорта; 3) номер в программе состязания. 5. исход, результат; in the event как казалось. 6. кино эпизод. 7. тех. такт (*двигателя внутреннего сгорания*). 8. физ. Ядерное превращение (тж. nuclear event). 9. ком. Распродажа по сниженным ценам. 10. авария или разрушение ядерного реактора (*на атомной электростанции*).

Как видим, число значений *event* в переводных словарях намного больше, чем в английских одноязычных словарях. И этому есть объяснение.

Во-первых, Новый большой англо-русский словарь – переводной и наиболее подробно отражает значения слов.

Во-вторых, этот словарь описывает много специальных, терминологических значений слов.

В-третьих, переводной словарь ориентируется сразу на две системы лексических представлений мира и устанавливает соотношение между ними.

Русское слово «событие» как наиболее употребительное выражение общего представления о событиях имеет более простую структуру

толкования. В толковом словаре русского языка (Ожегов, Шведова 1996) даётся следующее определение: *Событие* – то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни. *Историческое событие. Неожиданное событие. Международные события.* //прил. *Событийный* (книжн.). *Событийная линия пьесы* (последовательность описываемых событий). В отдельную словарную статью выделяется толкование лексемы *события* (мн.ч.). *События* – 1. перипетии (книжн.). 2. в романе, пьесе, фильме: действие.

Дефиниции в других толковых словарях русского языка очень близки приведенному и отличаются числом выделяемых в них оттенков. Заметим, что значение русского слова «событие» менее специализировано, но важно то, что нетерминологические толковые словари обоих языков фиксируют известные всем говорящим на этих языках общие, родовые обозначения того, «что происходит», особенно для случаев, когда происходящее значимо. Уточнение содержания понятия «событие» в научных текстах (для нас важны лингвистические трактовки) происходит при включении его в систему «ситуация» - «событие» - «факт».

В отечественной лингвистике понятия «ситуация» и «событие» широко используются при описании конкретного языкового материала. Термин «ситуация» обычно выступает как родовой по отношению к «событию» и позволяет охватывать более широкий круг явлений. Как считает К.А.Переверзев, «термин «ситуация» ... покрывает несколько частных категорий, сформировавшихся на пересечении мира «сырой» действительности и ментального мира человека, - «возможный мир», «ситуация (в узком смысле как часть возможного мира)», «событие», «факт». Последние возникли в разное время и в разных системах в результате осмыслиения способов существования и устройства мира сквозь призму обращенных к миру языковых выражений с непредметными значениями» (Переверзев 1998).

Логико – семантические категории «событие» и «факт» различаются по ряду признаков. В частности, факт представляет собой логическую абстракцию, имеющую материальное воплощение в языке. Факты определяются, прежде всего, планом смысла, в них больше «ментального», чем «реального». Но при этом и события, и факты являются таковыми только с точки зрения человека, смысл терминов «событие» и «факт» «конвенциализован», а мир следует рассматривать «в модальности субъекта» (Переверзев 1998, с.26-27).

По Н.Д.Арутюновой, событие принадлежит к числу онтологических объектов, таких как ситуация, процесс, происшествие, случай, в то время как факт принадлежит к числу объектов эпистемического плана, наряду с пропозицией, суждением, утверждением, мнением, предположением. Такие объекты выражают отношение к мнению и знанию. События составляют «среду погружения человека в мир», а факты – «то, что есть результат погружения мира в сознание человека». «Жизнь человека

складывается из событий, но ее анкетное представление превращает события в факты» (Арутюнова 1988 с.103).

Исследование имен событий в русском и английском языках предполагает их тщательный семантический и логико-культурный анализ.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М., 1988. – с.103

Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка. // Вопросы языкоznания, 1998. - №5. – С.26-27

Э.Д. Хаустова

Русские паремии с наименованиями обуви и одежды как отражение национально-культурных особенностей восприятия мира

Трудно сказать, с какого времени в народе начали ходить пословицы - устные краткие изречения на самые разные темы.

Однако пословица не простое изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей - такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают - они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное - твердая истина (О словаре пословиц... 1966, с.7).

Пословицы и поговорки являются своеобразным эталоном народной мудрости, выражают национальную самобытность. В них отражено мировоззрение данного общества, закреплены определенные знания об окружающем мире. С их помощью передается жизненный опыт от поколения к поколению, культурно-исторические традиции народа.

Суждение в них интересно не столько само по себе, сколько тем, что оно может применяться к множеству сходных жизненных ситуаций.

Особенность пословиц состоит в том, что они сохраняют два плана - буквальный и переносный.

Согласно толковому словарю, чаще всего под пословицей понимают меткое образное изречение (обычно назидательного характера), типизирующее самые различные явления жизни и имеющие форму законченного предложения. Пословица выражает законченное суждение (О словаре пословиц... 1966, с.9).

Поговоркой именуют краткое образное изречение, отличающееся от пословицы незавершенностью умозаключения (О словаре пословиц...1966, с. 9).

Жизнь пословицы по существу обнаруживается лишь в контексте, в речевом употреблении. В изолированном виде - вне контекста или ситуации - пословицы почти не реализуются. Не случайно народная мудрость гласит: «Пословица к слову молвится» (О словаре пословиц...1966, с. 21).

Изучение паремий позволяет лучше узнать миропонимание и поведение людей, увидев их национально-специфические черты, проникнуть в тайны национального менталитета.

Национальный менталитет - это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Другими словами, это совокупность национальных принципов осуществления суждений и оценок. (Язык и национальное сознание 2002, с. 44).

По словам С.Г. Тер-Минасовой, автора учебника «Язык и межкультурная коммуникация», «...у каждого народа свое культурное видение мира, подобно каждому направлению живописи. Один и тот же стог сена, нарисованный реалистом, импрессионистом, кубистом, абстракционистом и т.д., будет видеться и выглядеть совершенно по-разному, хотя в реальном мире это один и тот же стог. Язык можно сравнить с кистью художника, рисующего мир с натуры, но пропускающего ее через свое художественное сознание, создающего картину мира. Отражение мира в языке - это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т.п.» (Тер-Минасова 2004, с.86).

Семантический анализ русских паремий с наименованиями обуви и одежды показал, что для русского человека оказались важны следующие наблюдения.

- Одежда красит человека.

По одежске встречают, по уму провожают (Жуков 1966, с.344).

- Не одежда красит человека.

На мужике кафтан хоть сер, даumu него не черт съел. (Жуков 1966, с.247).

- Одежда, принадлежащая человеку, символизирует его собственные интересы.

Своя рубашка ближе к телу (Жуков 1966, с.403).

- Одежда символизирует достаток, способности и возможности человека, говорит о социальном положении.

По одеждке протягивай ножки. Живи по своим средствам, доходам, в соответствии со своими возможностями (Жуков 1966, с.344).

Русская поговорка, известная с XVIII в., а возможно, и ранее. При ночлеге в походных условиях, подстилая под себя верхнюю одежду и накрываясь ею, человек не мог вытянуть ноги (Бирих 1998, с.418).

Не суйся в ризы, коль не поп. Не берись не за свое дело. (Жуков 1966:301).

По Сеньке шапка, по Ереме колпак (кафтан). Каждый получает то, чего он заслуживает, достоин, что соответствует его положению (Жуков 1966, с.346).

Знатность рода бояр в старой Руси можно было легко установить по высоте их меховых «горлатных» (мех для этих шапок брался с горла убитого зверя) шапок. Чем выше вздыпалась над головой вельможи такая шапка, тем знатней и сановней он был. Простой народ не имел права (да и средств) на ношение этих роскошных шапок из куницы, бобрового или собольего меха. Отсюда и родилась поговорка *По Сеньке и шапка, по Ереме колпак* (Бирих 1998, с.522).

Наш чин не любит овчин (а и тех нет). Говорится о том, кто свысока относится к простым, не именитым людям (Жуков 1966, с.262).

- Человек, совершивший что-либо дурное, непременно себя выдаст.

На воре (злодее) шапка горит. Тот, кто чувствует за собой какую-либо вину, своим поведением невольно выдает себя. (Жуков 1966, с.239).

Оборот восходит к стариинному анекдоту о поимке на рынке вора. После тщетных попыток отыскать вора люди обратились за помощью к колдуну; тот громко крикнул: «Смотрите-ка! На воре-то шапка горит!» И вдруг все увидели, как какой-то человек схватился за шапку. Так вор был обнаружен и уличен (Бирих 1998, с.98).

- Одежда - все богатство, которое есть у бедного человека.

Богатый бережет рожу (в драке), а бедный одежду (Жуков 1966, с.52).

- Отсутствие одежды или обуви говорит о пренебрежении своими собственными интересами.

Портной без порток, сапожник без сапог. Тот, кто делает что-либо для других, не имеет возможности сделать это для себя (Жуков 1966, с.396).

- Невозможно всех заставить молчать, так же как невозможно всем закрыть рот платком.

На чужой роток не накинешь платок. Говорится тогда, когда о ком-либо ходят, порочащие слухи, сплетни. (Жуков 1966, с.254).

- Невозможно что-либо сделать, не приложив к тому усилий.

Не учась и лапти не сплетешь (Жуков 1966, с.304).

- Одежда символизирует приобретенное человеком богатство.

Рассердись на блох (на вшей), да и шубу в печь. Не разобравшись, сгоряча, из-за мелких недостатков уничтожают не то, что является причиной зла, а все важное, хорошее, ценное (Жуков 1966, с.377).

Из спасибо шубы не сшить (Преподавание.. 1995, с.91).

- **Хорошая одежда так же важна, как добрая мысль или поступок**
Цветное платье на плечи, а добрая мысль к сердцу
 (Преподавание...1995, с.87).

- **Стоящий у власти всегда воспользуется случаем нажиться.**

Казенного козла за хвост подержать — можно шубу сшить.
Будучи на государственной службе, легко нажиться (о тех, кто занимается казнокрадством, взяточничеством, мошенничеством и т.п.)
 (Жуков 1966, с.176).

Во все времена человек пользовался одеждой и обувью. Эти атрибуты человеческой жизни нашли отражение в русских пословицах и поговорках, зафиксировав важные для русского человека наблюдения за действительностью: *одежда красит человека* и в то же время *не одежда красит человека*; *одежда, принадлежащая человеку, символизирует его собственные интересы*; *одежда символизирует достаток, способности и возможности человека, говорит о социальном положении*; *человек, совершивший что-либо дурное, непременно себя выдаст*; *одежда - все богатство, которое есть у бедного человека*; *отсутствие одежды или обуви говорит о пренебрежении своими собственными интересами*; *невозможно всех заставить молчать, так же как невозможно всем закрыть рот платком*; *невозможно что-либо сделать, не приложив к этому усилий*; *одежда символизирует приобретенное человеком богатство*; *хорошая одежда так же важна, как добрая мысль или поступок*; *стоящий у власти всегда воспользуется случаем нажиться*.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник - СПб.: ФолиоПресс, 1998. - 704 с.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М, «Советская энциклопедия», 1966. 535 с.

О словаре пословиц и поговорок // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., «Советская энциклопедия», 1966. - 535 с.

4. Преподавание культуры общения в средней школе. Под редакцией профессора И.А.Стернина. - Воронеж, 1995. - 108 с.

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - 2-е издание, доработанное. - М: Изд-во МГУ, 2004. - 352 с; ил. - (Классический университетский учебник).

6. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. -313 с.

Лексикографическая история русского ВЕТРА (от В.И. Даля до С.А. Кузнецова)

Прошло более ста лет с момента составления знаменитого толкового словаря В.И. Даля. За этот период появилось множество словарей, анализируя которые можно проследить изменения, произошедшие в семантическом пространстве русского языка. В нашей статье на материале словарных толкований названий ВЕТРА мы попытались понять, как словарные толкования помогают объяснить эти процессы.

Анализу подверглись 12 лексических единиц, включенных в лексико-семантическую группу «наличие / отсутствие ветра»: *ветер, буря, ураган, вихрь, смерч, бора, штурм, моряна, муссон; безветрие, штиль, затишье*. Были исследованы словарные статьи данных слов в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова.

В.И. Даль определяет лексему *ветер* как «движение, течение, теча, ток, поток воздуха». Согласно БТС *ветер* – «движение потока воздуха в горизонтальном направлении» (БТС 2004, с. 122). Таким образом, в современном русском языке в значении данного слова добавился признак «направление» (в горизонтальном направлении). Для ветра, имеющего определенное направление и постоянство, было своё название: *смерч, вихорь, завертъ* (круговой); *вондулук* (постоянный) (Даль).

Лексическая единица *буря* в словаре В.И. Даля характеризуется как «на материке, сильный ветер с грозой и дождем; на море, иногда один только жестокий и продолжительный ветер, при сильном волнении». В настоящее время слово *буря*, помимо своего основного значения «сильный ветер большой разрушительной силы, сопровождаемый обычно дождем, снегом, градом», приобрело новые значения: «о глубоких социальных потрясениях в жизни общества»; «о сильных душевных переживаниях, волнениях»; «чрезвычайно сильное, бурное проявление чего-либо» (БТС 2004, с. 105). Сравнительный анализ показал, что со временем была утрачена сема «на море», то есть данная лексема теперь имеет более широкое значение.

Такая же тенденция наблюдается и у значения слова *ураган*, которое ранее описывалось как «самая жестокая вихревая буря, ветр, бора» (Даль), а теперь к значению «ветер необычно разрушительной силы; сильная буря» добавились значения: «стремительно, с силой несущееся в воздухе множество чего-либо»; «бурное течение, развитие, проявление чего-либо» (БТС 2004, с. 1395).

Согласно словарной статье В.И. Даля лексема *вихрь* ранее обозначала «внезапный и сильный круговой ветер, взывающий пыль столбом». В современном русском языке у данного слова, кроме первого значения «порывистое круговое движение сильного ветра», появились новые

значения: «поднятые ветром и крутящиеся столбом частицы пыли, снега и т.п.»; «стремительное течение, развитие или бурное проявление чего-либо» (БТС 2004, с. 133). Интересно отметить, что у данной лексической единицы произошли не только семантические изменения (расширение и утрата деталей в значении), но и фонетические, так как ранее это слово произносилось «вихорь». Более того, анализируемое слово имело много синонимов в диалектах: *кружалка, завертъ, столбовой ветер, ветроворот, сухой смерч, столб, чертова свадьба, вихролом, вихревал, бурелом, ветролом; буревал, ветровал* (Даль).

В словаре В.И. Даля *смерч* описывается как «черная тучка, которая начинает крутиться завертью, спускается воронкой, вздымает и захватывает виром что есть под нею: пыль, песок, воду, и сокрушительный столб сувоем движется вперед, ломая и уничтожая или заливая на пути своем все». С.А. Кузнецов определяет данное природное явление как «атмосферный вихрь, возникающий в грозовом облаке и распространяющийся вниз, часто до самой поверхности земли в виде темного рукава или хобота» (БТС 2004, с. 1217). Со временем были утрачены некоторые семы, но у данной лексемы возникло второе значение «столб чего-либо, поднимаемый сильным движением воздуха» (БТС 2004, с. 1217). Интересно отметить, что для названия данного вида ветра употреблялись диалектизмы: *тифон, ураганный вихрь, свой, вир, пучина* (Даль).

Лексическая единица *бора* В.И. Далем характеризуется как «местная приморская буря необычайной жестокости, ураган, на восточном прибрежье Черного моря». Анализ значения данного слова в современном русском языке – «сильный порывистый ветер в приморских районах, дующий преимущественно в холодное время года со склонов гор» (БТС 2004, с. 91) – показал, что в значении добавился признак «сезонность» (в холодное время года).

Согласно словарю В.И. Даля *шторм* – «жесточайшая буря на море». В БТС *шторм* описывается как «сильный ветер, буря (обычно на море)» (БТС 2004, с. 1506). Анализ не выявил серьёзных изменений в значении данного слова. Однако ранее признак «сила» носил более существенный характер (жесточайший / сильный).

Ветер, именуемый *моряна*, В.И. Даль определяет как «морской ветер, дующий с моря». В современном русском языке к данному значению добавились признаки «порывистость» (резкий), «сила» (сильный), «локализация» (устье рек): «резкий, сильный ветер, дующий с моря в устье рек» (БТС 2004, с. 558).

Согласно словарю В.И. Даля *муссон* – «перемежный, срочно-постоянный ветер на восточных морях, дующий по полугоду в одну и в противную сторону; сев.-вост. муссон, сухой, с 15 апреля по 15 октября; юго-зап. муссон, мокрый, в остальное полугодье». БТС описывает этот вид ветра как «ветер, периодически меняющий своё направление: летом дующий с моря, зимой – с суши» (БТС 2004, с. 564). Сравнительный анализ показал, что со временем были утрачены следующие признаки:

«продолжительность» (дующий по полугоду), «локализация» (на восточных морях), «сухость / влажность» (сухой, мокрый). Произошли изменения в признаках «сезонность» и «направление», то есть они теперь носят менее детализированный характер (с 15 апреля по 15 октября / летом; северо-восточный / с моря; юго-западный / с суши).

Интересно отметить, что в толковом словаре В.И. Даля приведены различные названия ветров и диалектизмы, которые неизвестны носителям современного литературного языка: *свежун* – свежий и холодный ветер; *сухмень* (касп.) – береговой, северный ветер, горыч; *пурясь* – на Дунае, северо-восточный ветер. «На устьях рек, принято вообще два главных вида ветров: *морской, моряна, нагон, назовой и береговой, матерой, горыч, сухмень, сгон, выгон, верховой*. *Русский ветер, с Руси* (южный, сиб. западный).

На Белом море называют ветры: *сивер, север* (северный); *лето, летний, летник* (южный); *всток* (восточный); *запад* (западный); *полуночник, заморозник, рекостав* (северо-восточный); *обедник* (юго-восточный); *глубник, голоменник, побережник* (северо-западный); *шалоник, паужник* (юго-западный).

Ветры на Онеге: *продольный, столбище* (северный); *ребровский* (южный); *средний* (западный); *галицкие ерии* (юго-восточный).

На Ильмене: *спверяк* (северный); *зимняк* (восточный); *мокрик* (западный); *подсеверяк* (северо-восточный); *шалонак* (юго-западный).

На Селигере: *полуден* (южный); *меженец, межник* (северо-восточный); *зимняк* (юго-восточный); *мокрик* (юго-западный); *крестовый запад* (северо-западный).

На Псковском озере: *северик* (северный); *полуденник* (южный); *теплик* (восточный); *сточей (всточий)* (северо-восточный); *мокрик* (юго-западный).

На Волге: *хилок, сладимый* (южный); *гнилой* (юго-западный); *веиняк* (юго-восточный); *горыч, нагорный* (северо-западный); *луговой* (северо-восточный).

На Каспийском море: *компас рыбаков, флотский, т. е. голландский*.

На Байкале: *север или гора* (северный); *култук* (западный); *баргузин* (северо-восточный); *горный, горыч, горыня* (северо-западный); *глубник* (юго-западный); *шелоник* (юго-восточный).

На Дунае: *полночь* (северный); *полуденка* (южный); *карасль* (юго-западный); *обаза* (восточный) (Даль).

Были проанализированы лексемы, характеризующие отсутствие ветра. Лексическая единица *безветрие* в толковом словаре В.И. Даля определяется, как «отсутствие ветра». Такое же значение даёт С.А. Кузнецов (БТС 2004, с. 65), но у данного слова появилось ещё одно значение: «тихая погода» (БТС 2004, с. 65). Ранее для описания данного погодного явления использовались и другие лексемы: *безветрица, тишина, тиши* (Даль).

В значении лексемы *штиль* не произошло серьёзных изменений. Оба толковых словаря дают следующее описание: «тишина на море, затишь,

полное безветрие, когда не шелохнется» (Даль); «затишье, безветрие (на море, озере и т.п.)» (БТС 2004, с. 1506).

Согласно В.И. Даю лексическая единица **затишь** – «тишина, отсутствие шума или ветра; штиль, безветрие». В современном русском языке у данного значения появилась сема «временность» – «временное прекращение ветра; безветрие» (БТС 2004, с. 351). Более того, анализируемая лексема приобрела другие значения: «отсутствие шума; тишина»; «тихое, защищенное от ветра место»; «приостановка, ослабление какого-либо действия, движения, развития» (БТС 2004, с. 351). Кроме семантических, у данного слова произошли фонетические изменения – «затишь / затишье».

Ранее лексема **ветер** употреблялась не только для описания природного явления, но и для характеристики человека. Говоря о человеке «ветер», имели в виду, что он – «ветрогон, ветреный, скорохват; непостоянный, непоседный, ненадежный, опрометчивый» (Даль). В современном русском языке данное значение утрачено и вышло из употребления.

Анализ словарных статей лексем, входящих в лексико-семантическую группу «наличие / отсутствие ветра» показал, что в русском языковом сознании в течение XIX-XX вв. произошли изменения в осмыслиении данного природного явления: у ряда слов добавились новые значения; некоторые лексемы приобрели или утратили определенные признаки; были отмечены фонетические изменения. Более того, вышли из употребления многие диалектизмы, названия ветров.

Толковый словарь В.И. Даля отражает большую близость русских людей к природе, так как подчеркивает различные особенности в характере и действии ветра. В словаре С.А. Кузнецова множество этих деталей не зафиксировано.

Таким образом, семантика слов постоянно изменяется. Значения расширяются, приобретают новые семы, или, наоборот, сужаются, утрачивая семы, которые перестают играть существенную роль в значении слова.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2004.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Электр. версия.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2003.

А.В. Медведева

Перенос по функции как семантический процесс

Когнитивный аспект семантических изменений позволяет увидеть, что переносные значения слов показывают, как идет познание нового через

уже известное, а также какие признаки берутся для осмыслиения нового. В литературе, так или иначе касающейся вопроса о семантических изменениях в рамках семантемы слова, отдельные авторы (Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский и др.) называют перенос по функции в качестве одного из видов развития значения наряду с метафорой и метонимией.

Мы занимаемся изучением видов семантических изменений в слове, опираясь на типологию сем, входящих в состав семантемы. Как известно, внутри семемы выделяются три основные вида сем, а именно архисемы (родовые интегральные семы), дифференциальные семы (более конкретные семы, отличающие значение слова от других противопоставленных ему значений) и скрытые семы или потенциальные (В.Г. Гак, Ю.Н. Караполов, И.В. Арнольд, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.).

Первый предмет по семеме Д1 воспринимается зрительно, но перенос на семему К1 по зритальному сходству может быть тогда, когда и второй предмет К1 виден, то есть воспринимается зрительно. Если второй предмет «не виден», он только мыслится, перенос идет по признаку, отвлеченному от образа Д1, это уже не зритальное восприятие, а мыслительная операция. Очевидно, что у одной лексемы возможны переносы из Д1 в К1 по разным основаниям.

В данной статье мы излагаем результаты наших наблюдений над так называемым «переносом по функции». Приводимые ниже примеры отражают развитие значения внутри класса многозначных существительных. Мы выясняли, совершается ли в этом случае перенос по функции на основе архисем, дифференциальных или скрытых компонентов значения. Выяснилось, что перенос по функции может совершаться по любому из видов сем.

Начнем с анализа примеров, отражающих перенос по функции на основе **архисемы**.

Лексема ***глашатай*** по денотативной семеме Д1 в старину именовала вестника, всенародно объявляющего, возвещающего что-нибудь. При переносе по архисеме с конкретного на абстрактное эта лексема приобретает значение: « тот, кто провозглашает что-нибудь, провозвестник », например, ***глашатай истины***. Перенос на основе архисемы совершается по функции деятеля.

Лексема ***двигатель*** по денотативной семеме Д1 обозначает «машина, преобразующая энергию в механическую работу» (*двигатель внутреннего сгорания*). При переносе по архисеме (*то, что движет*) эта лексема приобретает значение «сила, содействующая росту, развитию в к-н. области» (*Труд – двигатель прогресса*).

Барьер, по основной семеме имеющий значение «преграда, поставленная на пути (при скачках, беге)» приобретает переносное значение по функции препятствия «преграждение, препятствие для чего-нибудь. (*Ведомственные барьеры*)». Очевидно, сама архисема должна

выражать значение функции, чтобы по ней мог произойти перенос значения от денотативного к коннотативному. Но таких примеров немного.

Чаще всего происходит перенос по дифференциальной семе. Так, например, **запевала** в качестве основного имеет значение певца, начинающего пение, подхватываемое хором. При переносе по дифференциальной семе (*тот, кто начинает*) слово приобретает обобщенное значение начинателя, инициатора в каком-нибудь деле (*Запевалы весёлых затей*).

Западня изначально именует ловушку для зверей и птиц. При переносе по функции причинения зла, боли, гибели обозначает намеренно созданные обстоятельства, ставящие кого-нибудь в тяжёлое, невыгодное положение (*Отряд попал в западню*). То же переносное значение имеет лексема **ловушка** (*Подстроить ловушку кому-нибудь*).

Лексема **апостол** изначально обозначала ученика Христа, несущего людям его учение (в христианстве). При переносе по функции деятеля – просветителя, носителя идеи – обозначает последователя и распространителя какой-н. идеи вообще (*апостол науки, апостол добра*). **Жрец** в древних религиях обозначал служителя божества, совершающего жертвоприношения и другие обряды (семема Д1). При переносе по той же функции деятеля **жрец** обозначает того, кто посвятил себя служению искусству, науке и пр. (*Жрецы искусства*).

Игрушка по денотативной первой семеме обозначает вещь, служащую для игры. На основе переноса по функции объекта игрового действия значение трансформируется в « тот, кто слепо действует по чужой воле, являясь послушным орудием чужой воли, внешних сил ». (*Быть игрушкой в чьих-н. руках. Игрушка судьбы*).

Арена по основной семеме обозначает большую круглую площадку посередине цирка, на которой даются представления. При переносе по функции места действия она приобретает значение «поприще, область деятельности в широком смысле» (*На литературной арене*). По этой же функции в семантеме лексемы **житница** происходит перенос с основного значения «амбар, помещение для хлеба, зерна» на «хлебородная, богатая урожаями область, снабжающая другие местности» (*Зерновая житница страны*).

Лекарство по основной денотативной семеме обозначает «природное или синтетическое лечебное средство», а при переносе по функции исцеления получает новое значение «то, что помогает, выручает в любом случае» (Лекарство от всех бед). **Барометр** по семеме Д1 обозначает «прибор для измерения атмосферного давления», а при переносе по функции приобретает переносное значение «показатель каких-нибудь изменений, состояния чего-нибудь» (*Барометр общественного мнения*).

Сигнал имеет основное значение «условный знак для передачи на расстояние к-н. сведений, сообщений», а при переносе по функции импульса к действию на основе дифференциальной семы (*служить*

знаком) получает значение «то, что служит толчком к началу какого-нибудь действия» (*Статья послужила сигналом к дискуссии*).

Лексема **магнетизм** имеет основное значение «совокупность явлений, связанных с действием свойств магнита», но при переносе по функции притяжения на основе дифференциальной семы (*то, что притягивает к себе*) приобретает значение притягательной силы вообще (*Магнетизм слов, взгляда*).

Лексема **мишень** по семеме Д1 обозначает «предмет или изображение, служащие целью для учебной, тренировочной или спортивной стрельбы», а при переносе по функции цели действия обозначает « тот, кто (что) является целью каких-н. действий, нападок» (*Мишень для насмешек*).

Лексема **иммунитет**, имеющая прямое номинативное значение «невосприимчивость к к-н. инфекционному заболеванию», при переносе по функции устойчивости приобретает значение «устойчивая реакция против чего-нибудь» (*Выработать иммунитет против хамства*).

Среди прочих выделяется перенос по функции на основе **скрытой семы**.

Так, **семя** по прямому номинативному значению именует орган размножения у растений, зерно, но при переносе по скрытой семе «иметь функцию начала, источника» реализует переносное значение зародыша, источника чего-нибудь. (*Семена раздора*).

Лексема **жало** по основной денотативной семе Д1 значит «колючая часть органа защиты и нападения у пчёл, ос, скорпионов», эта лексема также является общеданным названием раздвоенного длинного языка у ядовитых змей. При переносе значения **жало** актуализирует скрытую сему «функция боли, то, что причиняет боль» (*Жало сатиры*).

Бальзам по скрытой семе «полезный для излечивания человека» удаляется от своего первоначального значения «содержащееся в коре некоторых деревьев (реже – в листьях и древесине) густое ароматическое вещество, содержащее эфирные масла и растворённые в них смолы»», и приобретает, благодаря переносу по функции исцеления, значение любого целительного средства (*Эта радостная весть – бальзам для его души*).

Балласт, прямое номинативное значение которого «груз для улучшения мореходных качеств судна, для регулирования высоты полёта аэростата» демонстрирует семантический сдвиг по функции обременения, создания психологического и физического дискомфорта на основе скрытой семы «тяжёсть, предназначенная для сброса» обозначает «то, что излишне отягощает, обременяет кого/что-нибудь» (*Балласт устарелых взглядов*).

Скоморох в Древней Руси – наименование певца-музыканта, бродячего комедианта, острого слова и акробата. При переносе по функции деятеля была актуализирована скрытая сема «несерьёзный человек, потешающий других своими шутовскими выходками», чаще всего употребляемая неодобрительно.

Болото по основному денотативному значению «избыточно увлажнённый участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью,

заросший влаголюбивыми растениями» при переносе по скрытой семе «то, что засасывает, не дает двигаться с места» реализует переносное значение «общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности» (*Болото обывательщины*).

Заповедь свое прямое номинативное значение «религиозно-нравственное предписание» посредством переноса по функции регулирования, управления преобразует в переносное – «правило, положение, служащее руководящим указанием для кого/чего-нибудь».

Таким образом, так называемый «перенос по функции» не является однородным по своей сути. Он может совершаться по архисемам, чаще по дифференциальной и скрытой семам. Например, функция *деятель* может быть представлена и архисемой (*глашатай*), и дифференциальной семой (*апостол*), и скрытой семой (*скоморох*). Следует заметить, что перенос по скрытым семам обнаружить непросто, но он, на наш взгляд, наиболее интересен, так как в нем можно увидеть глубокую национальную специфику.

Наш материал позволяет сделать вывод о том, что перенос по сходству функций не является отдельным видом семантических изменений, а представляет собой лишь один из видов переносов по сходству, то есть метафоры. Сам процесс, который принято называть «переносом по функции», осуществляется по любому из видов сем. Сам же признак «функция» – лишь один из концептуальных признаков, участвующих в метафорическом развитии семантом, таких как признаки формы, размера, цвета, запаха и др.

Национальное сознание является отражением концептосфера народа, и сопоставительное изучение концептов рассматривается как метод моделирования национальной языковой картины мира.

Семантический анализ лексики, а также последовательное сравнительное исследование интересующих нас концептов в разных языках является одним из способов проникнуть в семантическое пространство языка. Сопоставление устройства семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие закономерности восприятия окружающего мира и национальную специфику образования и функционирования культурных концептов языка, определяющих характерные особенности национальной картины мира и когнитивного сознания.

А.В. Медведева

Некоторые аспекты возникновения переносного значения слов

Когнитивные процессы познания нового чаще всего опираются на уже изученное, ранее обработанное человеческим сознанием. Первый предмет

воспринимается зрительно, но перенос его названия на другой предмет по зрительному сходству может быть тогда, когда и второй предмет воспринимается зрительно. Если второй предмет только мыслится, то перенос его лексемы на другой предмет идет по признаку, отвлеченному от первоначального образа, а это уже мыслительная (когнитивная) операция. Отметим, что у одной лексемы возможны переносы из Д1 в К1 по разным основаниям. Так, например лексема *зерно* по семеме Д1 имеет значение плода, семени злаков (*ржаное зерно, кофе в зернах*). При переносе по скрытой семе на основании сходства зрительного восприятия данная лексема употребляется в переносном значении по семеме К1 (*жемчужное зерно*). При переносе по архисеме «из чего может вырасти» данная лексема употребляется для обозначения истины (*зерно истины*). Возможно возникновение семемы К1 из семемы Д1 по разным основаниям. Как показывает наш материал, для осмыслиения нового берутся:

1. Пространственные координаты и конфигурации самых разных объектов (животных, растений, предметов и т. п.), а именно детали рельефа, артефакты, детали построек (по пространственным координатам, по конфигурации).

1. Объект определяется по месту нахождения, форме организации (объект – часть целого). Другой объект осмысляется по аналогии с местом нахождения первого как части в целом или же как взаимного расположения частей. Лексема **ИЗНАНКА** по семеме Д1 используется для обозначения внутренней стороны ткани, одежды (*вывернуть изнанкой вверх*). При переносе по сходству по скрытой семе «не видно» данная лексема именует скрытую сторону чего-нибудь (*изнанка событий*).

2. Перенос с названия предмета грубой обработки на название мыслящего человека с аналогичными качествами. Лексема **БОЛВАН** по основной денотативной семеме Д1 именует грубо обтёсанный обрубок дерева, чурку, либо фигурку из дерева. По сходству оценки восприятия умственных способностей в данной семеме осуществляется перенос по скрытой семе «отсутствие разума»; так появляется переносное значение «тупица, неуч».

3. Перенос с названия фрагментов вида поверхности, в том числе пустоты в ней (отверстия, углубления) на названия объекта с аналогичными свойствами. Так, лексема **БРЕШЬ** по своей основной денотативной семеме Д1 обозначает пролом в стене, в корпусе корабля, пробоину (*бреши от снаряда, заделать брешь*). Перенос осуществляется по скрытой семе ущерба, отсутствия чего-либо, нежелательного повреждения на основе сходства восприятия. В этом случае данная лексема реализует переносное значение недостачи, ущерба (*бреши в бюджете, бреши в обороне*).

4. Перенос с названия линии, изображения участков отклонения от прямой, от нормы на названия отклонения от нормы в любой другой сфере. А также перенос с названия отрезка какого-либо пути на название расположения участков, линий. Лексема **ИЗВИЛИНА** по основной

денотативной семеме Δ_1 обозначает волнистое искривление, изгиб (*извилины дороги*). При образовании переносного значения на основе сходства признаков по скрытой семе «нечто сложное со скрытыми частями» данная лексема получает новое значение тайника, укромного местечка, закоулка (*все извилины души, сердца*).

5. Перенос с признаков формы, движения, цвета, конфигурации одного объекта на другой. Так, лексема **КАЛАНЧА** по денотативной семеме Δ_1 обозначает наблюдательную вышку над зданием пожарной части. На основании сходства признаков формы эта лексема получает новое коннотативное значение человека очень высокого роста (*ну и каланча!*).

II. Наблюдаемые физические состояния, явления природы (натурфакты), **акустические феномены**. За основу изменения семемы Δ_1 в семему K_1 в данной группе берутся разные признаки натурфактов, таких как состояния материи, природы, а также проявления различных феноменов – наблюдаваемых, воспринимаемых на слух, осмыслиемых и т.п.

1. Первую группу составляют лексемы, в семантиках которых наблюдается перенос с названия физического состояния материи на аналогичное психологическое или ментальное состояние. Лексема **ИНЕРЦИЯ** по денотативной семеме Δ_1 обозначает свойство тел сохранять состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, пока какая-нибудь внешняя сила не изменит этого состояния (*закон инерции*). В данной семантике наблюдается сдвиг по архисеме «сохранение состояния покоя», и у лексемы появляется переносное значение бездеятельности, отсутствия инициативы, инертности (*двигаться по инерции, делать что-нибудь по инерции* (т. е. по привычке, без сознательных усилий)).

2. Вторая группа представлена лексемами, в которых осуществляется перенос с названия упорядоченной последовательности звуков на упорядоченную последовательность других объектов. Так, лексема **ГАММА** по денотативной семеме Δ_1 обозначает последовательный ряд звуков, повышающийся или понижающийся в пределах одной или нескольких октав. При переносе по архисеме «последовательность» у данной лексемы появляется новое коннотативное значение – ряд однородных, последовательно изменяющихся явлений, признаков (*гамма красок, гамма чувств*).

3. Третья группа представлена лексемами, в семантиках которых осуществляется перенос на основе сходства звучания: один объект издает звук, другой объект издает похожий звук. Лексема **ГРОМ** по денотативной семеме Δ_1 обозначает сильный грохот, раскаты, сопровождающие молнию во время грозы (*громит гром*). При переносе на основании сходства звучания по семе «сильный на слух» у данной лексемы появляется переносное значение сильного шума, звуков ударов (*гром стоит кругом, т.е. всё грохочет*).

4. Четвертую группу составляют лексемы, в семантиках которых осуществляется перенос с названия явлений природы на названия фаз жизни человека, обстоятельства и состояния. Лексема **ЛАВИНА** по

денотативной семеме Д1 обозначает массы снега, снежных глыб, низвергающихся с гор (*сходит лавина*). При переносе по сходству размера и скорости данная лексема обозначает большую массу чего-либо, которая движется стремительно (*лавина войск*).

III. Зооморфные признаки – наблюдения за поведением и интеллектом животных (зооморфизм), перенос по поведению, по интеллекту, признаки предметов (отсутствие интеллекта), а также перенос с названия животных с определенными умственными качествами и поведением на названия человека с аналогичными качествами. Так, лексема **БАРАН** по денотативной семеме Д1 обозначает жвачное парнокопытное дикое млекопитающее семейства полорогих с густой волнистой шерстью и изогнутыми рогами (*горный баран, снежный баран*, т.е. толсторог). При переносе по сходству восприятия умственных способностей и поведения данная лексема реализует значение глупого человека (*стадо баранов*, так говорят о тех, кто, не имея собственного мнения, слепо следует чужому).

IV. Антропоморфные признаки (антропоморфизмы). Они включают в себя наименования физиологических состояний и процессов в организме человека, родственных связей и отношений, возрастных этапов, социальных характеристик человека: сословных, профессиональных, поведенческих, деятельностных и пр.

1. Первую группу составляют лексемы, в семантиках которых происходит перенос с названий физиологических состояний, проявлений, восприятий на названия аналогичных психологических состояний. Так, лексема **ЗУД** по денотативной семеме Д1 обозначает ощущение болезненно-щекочущего раздражения кожи (*зуд от укусов мошек*). По сходству ощущений происходит семантический перенос, и у данной лексемы актуализируется значение непреодолимого стремления, желания (*писательский зуд*).

2. Вторая группа представлена лексемами, в семантиках которых происходит перенос с названия лица определенного возраста и рода на название лица, которому приписываются свойства первого с теми или иными коммуникативными целями. Так, лексема **ДЕВЧОНКА** по денотативной семеме Д1 обозначает ребёнка женского пола, девочку. При переносе по возрастному признаку по скрытой семе «отсутствие опыта» у данной лексемы появляется переносное значение пренебрежительного отношения к молодой и неопытной женщине (*каждая девчонка будет мне указывать!*).

3. Третья группа представлена лексемами, в семантиках которых происходит перенос с названия социального положения личности в любом обществе (его временный статус, поведение, манеры) на название другого лица с признаками первого. Так, лексема **МОНАХ** по денотативной семеме Д1 обозначает члена религиозной общины, давшего обет вести аскетическую жизнь (*постричься в монахи, буддийские монахи*). При переносе по сходству образа жизни данная лексема обозначает мужчину, ведущего строгий, суровый образ жизни (*жить монахом*).

V. Названия общественных и спортивных мероприятий, игр и пр. В семантиках лексем данной группы наблюдается развитие переносного значения на основе сходства и подобия одного явления другому. Так, лексема **МАРАФОН** по денотативной семеме Д1 обозначает спортивный бег на 42 км 195 м; вообще спортивное соревнование на самой большой дистанции или в течение длительного времени (*лыжный, конькобежный марафон*). При переносе по сходству по скрытой семе «долго, изнурительно» данная лексема обозначает длительный и напряжённый ход развития чего-нибудь (*предвыборный марафон*). Лексема **МАСКАРАД** по денотативной семеме Д1 обозначает бал, гулянье, участники которого надевают маски, характерные костюмы (*новогодний маскарад*). При переносе по скрытой семе «притворство» данная лексема обозначает обман (*всё это – один маскарад*).

VI. Натурфакты и артефакты. Эту группу составляют предметы, взаимодействие с которыми вызывает физиологические ощущения, как приятные, так и негативные – определенного вкуса, осязания, боли, тяжести, веса, температуры. Таким образом, название предмета с совокупностью признаков, действующих на ощущения, переносятся на название объекта с некоторыми признаками первого, дающего те же ощущения. Так, лексема **БАРХАТ** по денотативной семеме Д1 обозначает плотную шёлковую или хлопчатобумажную ткань с мягким гладким и густым ворсом. При переносе по сходству восприятия эта лексема употребляется в сочетаниях типа *бархат южной ночи* (тёплая, мягкая).

VII. Функционально ориентированные инструменты. Эту семантическую группу составляют инструменты, устройства, приспособления, выполняющие определенную функцию, следовательно, перенос из семемы Д1 в семему К1 осуществляется на основе сходства функций. Так, лексема **МЯСОРУБКА** по денотативной семеме Д1 обозначает машинку для размалывания мяса и приготовления фарша (*пропустить мясо через мясорубку*). При переносе по сходству функций и результатов действия эта лексема употребляется в отношении бессмысленного кровопролития (*мясорубка войны*).

VIII. Ментефакты – творческие проявления человека, продукты речемыслительной деятельности человека. В выражениях этой группы осуществляется перенос с названия художественных произведений речевого жанра, изобразительной деятельности на названия любых текстов аналогичного содержания. Так, лексема **АНЕКДОТ** по денотативной семеме Д1 обозначает очень маленький рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом (*рассказать анекдот*). При переносе по сходству восприятия по скрытой семе «смешной, короткий» данная лексема реализует переносное значение смешного происшествия (*анекдот случился с кем-нибудь*).

Мы перечислили лишь часть возможных оснований для возникновения переносного значения слова в рамках одной семантиды. Рассмотренный материал показал, что когнитивные процессы могут происходить на основе

осмысления пространственных реалий, физических явлений, натурфактов, артефактов, ментефактов и др. Так, очень богаты и лексически разнообразны зооморфные критерии восприятия окружающего мира. Для осознания глубины и многозначности окружающей действительности, а также для выявления механизмов, лежащих в основе познания, широко используются эмоциональные оценки, количественные признаки, антропоморфные координаты, ценностные признаки и многое другое.

О.В. Паничкина

Семное описание значения и национальная специфика семантики слова

Данная статья написана на основе материалов проводимого нами в настоящее время исследования в области контрастивной лексикологии. Целью исследования является выявление национальной специфики единиц лексико-семантических полей «учитель» и «ученик» в русском и английском языках.

Одним из наиболее важных этапов контрастивного анализа лексики является семантическое описание контрастивных пар. Как отмечает И.А. Стернин (Стернин 2004), семное описание сравниваемых лексем не входит непосредственно в задачи контрастивной лексикологии, но данную процедуру приходится выполнять, так как в сравниваемых языках такая работа не проделана и исследователю приходится подготавливать материал языка для сопоставления. Этим и объясняется необходимость и важность семного описания единиц интересующих нас лексических групп. Без детального семного описания значений исходного языка и языка сопоставления контрастивное исследование невозможно.

В своем исследовании мы исходим из понимания семы как минимального компонента значения, который отражает отличительный признак обозначаемого словом предмета, явления, процесса и способен различать значения слов (Стернин 2004).

Будучи самыми мелкими компонентами значения слова, семы являются теми «кирпичиками», из которых строятся более крупные компоненты значения: денотативный, коннотативный и структурно-языковой макрокомпоненты лексического значения.

Денотативный и коннотативный макрокомпоненты образуют лексическое значение слова, которое отражает фрагмент внеязыковой действительности, в то время как структурно-языковой макрокомпонент несет информацию о слове как функциональной единице в системе языка, то есть отражает языковую действительность.

При анализе денотативного компонента лексического значения слова выделяются интегральные семы, т.е. семы, которые свойственны целым группам слов и которые относят называемый предмет к какому-то классу.

На основе интегральных сем происходит объединение слов в разного вида лексико-семантические группы. В нашем исследовании все взятые для анализа лексические единицы объединены интегральной семой «человек».

В значениях слов обнаруживаются также дифференциальные семы, т.е. такие семы, которые отличают (дифференцируют) значение данного слова от семантически близкого к нему слова (Гак 1977).

Приведем некоторые примеры из нашего исследования. Так, сема «лицо, которое обучается» является интегральной для таких русских слов, как *ученик*, *студент*, *слушатель*, при этом они различаются дифференциальной семой «место учебы» – школа, высшее или среднее учебное заведение, курсы. Английские лексемы *student*, *apprentice*, *houseman* имеют такую же интегральную сему – «лицо, которое обучается» и дифференциальную сему «характер получаемых знаний» – теоретические знания, навыки в практической деятельности или навыки в медицинской практике.

По характеру конкретного содержания семы подразделяются на постоянные и вероятностные (потенциальные). Так, слово *аспирант* имеет следующий набор постоянных сем: «человек», «имеет высшее образование», «продолжает обучение (в аспирантуре)», «занимается научной работой», а сема «ведет практические занятия в высшем учебном заведении» является в этом случае вероятностной. Постоянными семами слова *don* являются: «человек», «преподает в университете или колледже», а вероятностные семы: «часто член совета колледжа» и «преимущественно в Оксбридже или Винчестерском колледже».

По степени яркости различают яркие и слабые семы. Например, в слове *второгодник* наиболее яркие семы: «плохо учится» и «повторно проходит курс обучения», а сема «обучается в учебном заведении» является более слабой. В слове *beginner* яркой семой выступает сема «неопытный», а семы «человек», «обучается чему-либо», «только начал обучение» – слабые.

Основными составляющими коннотативного макрокомпонента значения слова являются оценка и эмоция. В материале нашего исследования, как в русском, так и в английском языке, большая часть лексических единиц в выделенных нами семантических группах «учитель» и «ученик» являются неоценочными и неэмоциональными. Исключение составляют следующие лексические единицы: *академик* (уважит.), *второгодник* (неодобр.), *двоечник* (неодобр.), *зубрила* (пренебр.), *ментор* (неодобр., ироничн.), *наставник* (одобр., уважит.), *неуспевающий* (неодобр., отриц.-эмоц.), *отличник* (одобр., уважит.), *отстающий* (неодобр.), *подражатель* (часто неодобр.), *препод* (неодобр., пренебр.), *прогульщик* (неодобр.), *хорошист* (одобр., полож.-эмоц.) в русском языке и ряд единиц английского языка: *drop-out* (неодобр., отриц.-эмоц.), *fag* (неодобр., презрит.), *schoolmarm* (неодобр., презрит.), *teacher's pet* (неодобр., пренебр.), *truant* (преим. неодобр.), *wonk* (неодобр., отриц.-эмоц.).

Говоря о структурно-языковом значении слова, И.А. Стернин выделяет грамматический и функциональный макрокомпоненты, при этом

грамматический макрокомпонент остается за рамками лексикологического исследования, а функциональный макрокомпонент рассматривается как информация об особенностях функционирования единицы в речи. Функциональный макрокомпонент включает в себя: функционально-стилистический, функционально-территориальный, функционально-социальный, функционально-временной и функционально-частотный микрокомпоненты. Приведем некоторые примеры семного описания лексических единиц, взятых из нашего исследования, которые представляют интерес с точки зрения выражения в них функциональных сем:

Абитуриент	человек поступает в учебное заведение <i>преим. молодой</i> <i>неоцен.</i> <i>неэмоц.</i> <i>книжн.</i> <i>педагогическ. (проф.)</i> <i>общераспр.</i> <i>совр.</i> <i>малоупотр.</i>
Ассистент	человек преподает в вузе имеет младшую преподавательскую должность <i>неоцен.</i> <i>неэмоц.</i> <i>офиц.-делов.</i> <i>педагогич. (проф.)</i> <i>общераспр.</i> <i>совр.</i> <i>редк.</i>
Гувернер	человек обучает детей из богатых семей на дому часто является воспитателем часто иностранец <i>преим. образованный</i> <i>неоцен.</i> <i>неэмоц.</i> <i>книжн.</i> <i>общенародн.</i> <i>общераспр.</i> <i>устар.</i> <i>редк.</i>
Зубрила	человек обучается чему-либо занимается бессмысленным заучиванием чего-либо

	<i>стремится запомнить все</i> <i>многократно повторяет учебный материал</i> <i>преим. не понимает учебного материала</i> <i>неодобр.</i> <i>пренебр.</i> <i>разговорн.</i> <i>общенародн.</i> <i>общераспр.</i> <i>совр.</i> <i>малоупотр.</i>
Counsellor	человек присматривает за детьми работает в летнем детском лагере преим. молодой преим. студент, который занимается этим в качестве подработки летом часто иностранец, который хотел бы усовершенствовать свой английский неоцен. неэмоц. межстил. проф. студент. термин амер. совр. малоупотр.
Don	человек преподает в университете или колледже часто член совета колледжа преимущественно в Oxsbridge и Winchester College неоцен. неэмоц. разгов. студ. жаргон преим. британск. совр. малоупотр.

Слова, относящиеся к британскому или американскому вариантам английского языка, рассматриваются нами как имеющие в своей структуре различный функционально-территориальный микрокомпонент значения. В следующем примере две лексические единицы отличаются лишь данным микрокомпонентом значения.

Houseman человек

	изучает медицину закончил или заканчивает обучение в учебном заведении проходит мед. практику (ординатуру) работает в больнице работает под присмотром и руководством более опытного врача <i>неоцен.</i> <i>неэмоц.</i> <i>межстил.</i> <i>мед. термин</i> амер. <i>совр.</i> <i>редк.</i>
Intern	человек изучает медицину закончил или заканчивает обучение в учебном заведении проходит мед. практику (ординатуру) работает в больнице работает под присмотром и руководством более опытного врача <i>неоцен.</i> <i>неэмоц.</i> <i>межстил.</i> <i>мед. термин</i> британск. <i>совр.</i> <i>редк.</i>

Семное описание всех макрокомпонентов значений слова является условием контрастивного анализа этого слова. Следующим шагом является посемное сопоставление русских и английских переводных соответствий с целью выявления национально-специфических сем значений.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж, 2004.

Гендерные особенности восприятия языковой личности

(результаты социолингвистического исследования)

Практические исследования в области речевого поведения подтвердили, что *гендер* в значительной степени влияет на характер коммуникации. Проведенный нами ранее сравнительный анализ речевого поведения С. Сорокиной в передачах «Глас народа» и «Основной инстинкт» и В. Познера в передаче «Времена» выявил своеобразие диалогического взаимодействия, обусловленное, в том числе, и гендерными особенностями коммуникантов.

Мы также убедились в правильности нашего предположения о том, что в условиях устной публичной речи гендерный стереотип может быть использован в соответствии с целями и задачами предстоящего диалога, жанровыми требованиями и образом ведущего в данной конкретной передаче. Так, в программе «Основной инстинкт», которая тяготеет к жанру ток-шоу, С. Сорокина должна демонстрировать женский тип речевого поведения, поэтому здесь наблюдается преобладание фемининных характеристик в речи ведущей. В программе же «Глас народа», заявленной как социально-политическая передача, речь С. Сорокиной приобретает больше маскулинных черт, что, на наш взгляд, поддерживает образ конструктивно мыслящего ведущего. В связи с этим целесообразным представляется в данном случае оперировать термином **гендерная роль, а не гендерный тип**.

В задачи данной статьи входит определить справедливость предположения о том, что люди воспринимают собеседника своего пола иначе, нежели пола противоположного, а также подтвердить (либо опровергнуть) данными социолингвистического исследования выводы предыдущих работ. С этой целью нами было проведено анкетирование фокус-группы, состоящей из 16 человек (8 мужчин и 8 женщин).

Коммуникативные установки, ожидания и требования по отношению к телекоммуникатору как к партнеру по общению, имманентно присущие индивидуальному и коллективному сознанию представителей аудитории, могут быть выявлены через зрительскую оценку экранного образа ведущих. Для такой оценки нами была использована униполярная шкала, разработанная в работе (Матвеева и др. 2004). Содержание шкалы строилось с учетом статей тезауруса личностных черт (Шмелев и др. 1988).

Эту шкалу, содержащую 44 пункта, составили прилагательные, описывающие стереотипы межличностного восприятия друг друга партнерами по общению, деловые качества человека, психологическое состояние ведущего во время работы в прямом эфире, включенность неверbalного канала общения в телевизионное взаимодействие ведущего

со зрителями, уровень профессионализма тележурналистов, впечатление от личности публично выступающего человека.

Каждое качество предлагалось оценить по пятибалльной системе (5 – качество ярко выражено; 4 – качество достаточно выражено; 3 – качество выражено в средней степени; 2 – качество практически не выражено; 1 – качество не выражено совсем). Сумма, полученная из оценок каждого качества, делилась на количество опрошенных, и высчитывалось среднее арифметическое.

Факторизация результатов шкалирования велась по шести значимым факторам:

1. «Уверенность в себе, сила Эго».
2. «Коммуникативность, дружелюбие».
3. «Активность, эмоциональная выразительность».
4. «Интеллектуальное лидерство в общении».
5. «Профессиональная компетентность».
6. «Деловитость, контроль над Эго».

Исследование показало объективность наших предыдущих выводов о том, что женский тип речевого поведения предполагает кооперацию и настроенность на собеседника. Отраженные в факторе «Коммуникативность, дружелюбие» черты образа – доброжелательность, отзывчивость, дружелюбие – все респонденты в целом в большей степени отметили у С. Сорокиной (рис. 2).

В речи В. Познера респонденты указывают на частые проявления недовольства, что характерно, по нашему мнению, для конфронтационно оформленного поведения мужчины (рис. 2).

Полученные данные дают возможность оценить объективность выводов, сделанных нами ранее на основе сопоставительного анализа двух разных передач, ведущей которых является одна языковая личность (С. Сорокина). В связи с этим представляет интерес соотношение того, как оценивают качества телеведущей в этих двух программах мужчины и женщины.

Так, женщины отмечают большую степень уверенности ведущей в «Гласе народа», а мужчины – в «Основном инстинкте» (рис.1). Профиль ведущей в «Гласе народа» по фактору «Коммуникативность, дружелюбие» имеет относительно низкое значение в оценке женщин. Мужчины же, по сравнению с женщинами, в этой передаче приписывают С. Сорокиной большую степень доброжелательности, дружелюбия и отзывчивости, что связано, вероятно, со стремлением мужчин видеть в женщине прежде всего женщину (рис.2).

Что касается В. Познера, то по фактору «Деловитость, контроль над Эго» (стереотипические мужские черты – практичность, уверенность в себе, деловой настрой) ведущий имеет значение выше в оценке женщины-респондентов. Эти качества мужчины в большей степени склонны приписывать С. Сорокиной (рис. 3). Мужчины высоко оценивают компетентность и непринужденность в общении как показатель интеллектуального лидерства В. Познера. Женщины же большую степень

компетентности отмечают у С. Сорокиной (рис 4.). Для мужчин-респондентов также оказывается важным и эмоциональное лидерство В. Познера. Показатели ведущего по фактору «Коммуникативность, дружелюбие» в оценке мужчин имеют более высокие значения.

Все вышеуперечисленные факты дают нам основание с большей вероятностью полагать, что стиль коммуникации зависит как от **пола говорящего**, так и от **пола адресата**. Сопоставление индивидуальных профилей С. Сорокиной в рамках разных программ позволяет также закрепить мнение о том, что гендерная роль зависит от жанровых требований, предъявляемых к образу телеведущего.

По техническим причинам иллюстрации в текст статьи не вошли.

Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. – М., 2004.

Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике (тезаурус личностных черт). – М., 1988.

А.В. Рудакова, Синан Зади

Лексикографическое значение как первый этап исследования психологически реального значения слова

Цель данной работы – исследование лексикографического значения слов, входящих в лексико-семантическую группу «насекомое» и самой лексемы «насекомое».

В качестве источника послужил Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 1998), «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова (М., 1967), а также словари по биологии, которые помогли определить, кто же именно входит в группу насекомых в научном понимании.

В качестве материала исследования выступили 10 единиц: *блоха, клоп, комар, муравей, муха, оса, пчела, сверчок, стрекоза, шмель* и слово *насекомое*.

Насекомое – о представителе класса насекомых (БТС, с. 599).

В словаре не отмечается переносное значение, которое иногда используется в речи носителей языка (*бронное, ничтожном человеке, например, ты, насекомое, подойди сюда*).

Насекомые – зоол. класс беспозвоночных членистоногих животных, к которому относятся муха, пчела, клоп, муравей и др. (БТС, с. 599).

Муха – насекомое отряда двукрылых, переносчик возбудителей ряда заразных болезней (навозная муха, муха ползет по окну) (БТС, с. 565).

Слово *муха* входит в большой корпус фразеологизмов и устойчивых выражений:

Жужжать, как муха – говорить тонко и надоедливо.

Белые мухи – о первых снежинках наступающей зимы.

До белых мух – до выпадения снега, до заморозков.

Мухи мрут (дохнут) – о невыносимой скуке, вызываемой чем-либо.

Мухи не обидят – о кротком, безобидном человеке.

Муху раздавить (задавить, зашибить) – разг.-сниж. выпить вина.

(Быть) под мухой – разг.-сниж. в нетрезвом состоянии.

С мухой (в голове) – в состоянии легкого опьянения, навеселе.

Считать мух – смотреть по сторонам; быть рассеянным, невнимательным.

Делать из мухи слона – сильно преувеличивать что-либо, придавать чему-либо незначительному большое значение.

(Какая) муха укусила – о том, кто не в духе, сердится, нервничает; о непонятном, странном поведении кого-либо.

Как сонная муха (что-то делать) – вяло, медленно, еле-еле.

Мрут (дохнут) как мухи – умирают в большом количестве.

(Точно) муху проглотил – о недовольном, кислом виде у кого-либо.

Слышино, как муха пролетит – о полной тишине.

Едят тебя мухи – прост. шутливо-бранное выражение досады, возмущения, негодования или восхищения, удивления, восторга.

Не включено в словарь такое выражение, как «делай что-то *мухой*» – делать это очень быстро (например, *слетай мухой за книгой*).

Пчела – насекомое отряда перепончатокрылых, перерабатывающее цветочный нектар в мед, а пыльцу в пергу (пчела жужжит, рабочая пчела) (БТС, с. 1050).

Пчелиные – зоол. название группы семейств жалоносных насекомых отряда перепончатокрылых, к которым относятся оса, шмель, пчела и др.

Пчелка – 1) ласк. небольшая или молодая пчела; 2) разг. о крайне трудолюбивом, много и охотно работающем человеке (*трудиться как пчела, пчелка* – трудиться много, напряженно).

Оса – жалящее перепончатокрылое насекомое, обычно с черными и желтыми поперечными полосами (укус осы) (БТС, с. 727).

Осиное гнездо – о скоплении исполненных злобы, враждебно настроенных людей, недоброжелателей.

Осиная талия – очень тонкая талия.

Шмель – насекомое семейства крупных пчел, с толстым мохнатым тельцем (*прилетел шмель*).

Блоха – 1) мелкое кровососущее прыгающее насекомое-паразит (*вычесывать блох у собаки*); 2) в составе названий различных мелких насекомых (*травяная блоха*); 3) бранно о ничтожном, презираемом кем-либо человеке (БТС, с. 85).

Прыгать, как блоха – резво, быстро.

Ловить (выискивать) блох – разг. обращать внимание на мелочи, несущественные недостатки.

Какая блоха тебя укусила? – разг. о том, кто находится в крайне раздраженном, нервном состоянии.

Блоху подковать – виртуозно справиться с очень тонкой и сложной работой.

Блошиные укусы – о мелких придирках, нападках на кого-либо.

Блошиный рынок – барахолка, толкучка.

Комар – двукрылое кровососущее насекомое с тонким тельцем (*малярийный комар*) (БТС, с. 443).

Комар носу (носа) не подточит – о чем-либо, к чему трудно придаться.

Клоп – 1) мелкое насекомое-паразит, питающееся кровью человека, животного или соком растений (*постельный клоп*); 2) шутл. О маленьком ребенке, малыше (*мальчик у нее маленький, клоп еще совсем*) (БТС, с. 433).

Муравей – мелкое насекомое, живущее большими сообществами (*лесной муравей*) (БТС, с. 563).

Трудиться как муравей – очень много.

Муравьиная кислота – одна из органических кислот, едкая жидкость с резким запахом; в природе встречается, в частности, в выделениях муравьев.

Муравьиный спирт – смесь муравьиной кислоты со спиртом, применяемая в медицине.

Муравьиная работа – кропотливая, трудоемкая.

Стрекоза – 1) насекомое с тонким длинным телом, большими глазами и двумя парами прозрачных крыльев, позволяющих ей зависать на некоторое время в воздухе и производящих при полете стрекочущий шум (*поймать стрекозу*); 2) разг. о живом, подвижном ребенке (обычно о девочке – *ни минуты не может усидеть на месте, сядь на место, стрекоза*) (БТС, с. 1278).

Стрекозиная талия – очень тонкая талия.

Стрекозиная фигура – фигура, похожая на стрекозу.

Сверчок – насекомое отряда прямокрылых, издающее стрекочущие звуки (БТС, с. 1157).

Бабочка – 1) насекомое с двумя парами крыльев, покрытых пыльцой, определяющей их окраску (*красивая бабочка*); 2) разг. галстук в виде жесткого банта (*белая рубашка с черной бабочкой*) (БТС, с. 54).

Ночная бабочка – о проститутке.

Анализ лексикографических значений данных лексем показывает, что большинство слов является однозначными (*комар, муравей, муха, насекомое, оса, пчела, сверчок, шмель*), всего только 3 единицы относятся к многозначным лексемам: по 2 значения имеют лексемы *бабочка, стрекоза, клоп*; 3 значения отмечается у слова *блоха*. Многозначные лексемы, кроме основного, прямого значения, указывающего на отнесение этого существа к классу насекомых, включают переносное значение – указание на человека, похожего на насекомое или имеющего какие-либо его признаки (например, *стрекоза* – подвижность; *клоп* – размер, величина; *блоха* – негативная оценка). Слово *бабочка* содержит лексему, указывающую на предмет, схожий по форме с данным насекомым.

Интерес вызывает описание дефиниций исследуемых лексем. Имея уже представление о данных насекомых (сформировавшиеся концепты – чувственные образы, понятийные компоненты, интерпретационное поле и др.), носитель языка видит в словаре нечто не схожее с его знаниями о классе насекомых. Большинство слов содержит термины, которые для обычного носителя не являются частотными, актуальными и могут вызывать вопросы уже сами по себе (*отряд прямокрылых, перепончатокрылые* и др.). Это затрудняет понимание и осмысление значения данных слов. Кроме того, некоторые лексемы не содержат сем, которые у обычного носителя языка являются существенными при определении данных понятий (данные семы относятся к обыденному сознанию человека): *сверчок* – светящийся огонек в темноте; *комар* – имеет длинный хоботок; *пчела* – живет в составе большого сообщества, имеет поперечные желтые и черные полосы (как оса) и др.

Слова *муха, блоха* и *муравей* входят в большое количество фразеосочетаний, лексемы *бабочка, стрекоза, оса, комар, шмель* отмечаются в составе 1-2 фразеологизмов, слова *сверчок, клоп* и *пчела* не входят ни в одно устойчивое сочетание.

Таким образом, изучение лексикографического значения группы слов «насекомое» показало, что дефиниции в словаре не всегда отражают все характерные компоненты значения. Исследование психологически реального значения данных лексем позволит уточнить и скорректировать словарное значение каждого слова.

Национальная специфика семантики наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках

Национальная специфика семантики какой-либо единицы – это ее отличие по компонентам значения от сходных единиц языка сравнения. Выявление несовпадающих компонентов значения в сравниваемых соответствиях двух языков ведет к выявлению национальной специфики семантики слова.

Анализ национальной специфики семантики слова предполагает выявление межъязыковых соответствий и компонентный анализ их значений.

Национальная специфика семантики слова может быть рассмотрена на уровне отдельных сем, отдельных макрокомпонентов значения и на уровне лексем. Уровень сем является наиболее надежным для выявления и описания национальной специфики семантики. Остальные два уровня могут быть использованы для обобщающей характеристики национальной специфики исследуемой лексической группировки.

Уровень лакунарности и безэквивалентности при рассмотрении определенной лексической группировки также является показателем национальной специфики данной группировки.

Выявление национальной специфики семантики важно как для уточнения переводных словарей, так и для совершенствования практики перевода и преподавания того или иного языка как иностранного.

Наше исследование проводилось на материале группы субстантивных и глагольных наименований незанятости трудовой деятельностью, отобранных методом сплошной выборки из толковых словарей.

Ключевым словом, вербализующим исследуемое понятие, в русском языке оказалось слово *отдых*. Оно антонимично выражению *трудовая деятельность*, широко употребительно в русском языке, обладает широкими смысловыми связями в лексической системе языка, в том числе обширной синонимией в лексике и фразеологии. В связи с этим именно оно было избрано диагностирующей языковой единицей, которая использовалась на этапе определения состава исследуемой группировки как ключевая лексема.

Для определения всей совокупности лексических и фразеологических единиц, номинирующих в русском языке *незанятость трудовой деятельностью*, был использован прием синонимического расширения лексемы *отдых*.

В толковых и синонимических словарях русского языка выделялись единицы, содержащие в словарных толкованиях ключевое слово *отдых* и его – в широком смысле – синонимы.

Помимо анализа русских и английских толковых и синонимических словарей, было проведено интервьюирование носителей языка, изучение текстов современной художественной литературы русских и английских авторов.

Анализ показал, что концепт *незанятость трудовой деятельностью* объективируется в русском и английском языках достаточно обширным лексико-семантическим полем. Ядерные компоненты этого поля, структурированные по тематическим подгруппам, могут быть представлены в виде таблицы:

Название группы	Русские семемы	Английские семемы
1. Субстантивные и глагольные наименования, называющие общие понятия отдыха	отдых, отдохновение, рекреация, роздых, развеяться, отдыхать – 6	repose, recreation, rest, to rest – 4
2. Субстантивные и глагольные наименования отдыха как перерыва в работе, в какой-либо деятельности	обеденный перерыв, передышка, перекур, перерыв, привал-1, привал-2, тихий час, перевести дух, передохнуть – 9	lunch break, breather, respite, breathing space, cigarette break, break, coffee break, stop, stopping place, to get one's breath back, to take (have) a break, to take a breather, to take five – 13
3. Субстантивные наименования лиц по признаку пребывания в состоянии отдыха	балдежник, гуляка, отдыхающий – 3	holidaymaker (Br.) – 1
4. Субстантивные наименования лиц по признаку уклонения от работы	бездельник, лежебока, лентяй, лоботряс, лодырь, тунеядец, шалопай, шланг – 8	loafer, couch potato, lazybones, sluggard (US), idler, slacker, parasite, skive – 8
5. Субстантивные и глагольные наименования отдыха как уклонения от работы	безделье, бездельничанье, ничегонеделанье, балдежничать, баклужничать, бездействовать, бездельничать, лениться, лентяйничать, лодырничать, прогуливать, прохлаждаться, отлынивать, сачковать, слоняться, шалопайнить, шланговать, бить баклуши, валять Ваньку, валиться на	idleness, to veg out, to idle away one's time, to take no action, to loaf about (around), to lounge about (around), to loiter around, to be lazy, to idle, to skip (US), to play truant (Br.), to slack off, to skive off (Br.) – 13

	диване – 20	
6. Субстантивные и глагольные наименования процесса отдыха, сна как отдыха	сон, отруб, обятия Морфея, сиеста, вздренуть, вырубаться, дремать, дрыхнуть, кемарить, отрубаться, почивать, прикорнуть, спать – 13	sleep, slumber, nap, catnap, siesta, to have a nap, to snooze, to hit the bricks, to doze, to drowse, to kip, to drop off, to nod off, to curl up, to sleep, to slumber – 16
7. Глагольные наименования отдыха после завершения интенсивной работы	вздохнуть свободно, вздохнуть с облегчением, расслабляться-1, собраться с силами, утомониться – 5	to take breath, to breath a sigh of relief, to relax, to unwind, to gather one's strength, to quieten down – 6
8. Субстантивные и глагольные наименования отдыха как получения удовольствия	балдеж, кайф, лафа, отрыв, оттяжка, улет, балдеть, кайфовать, отрываться, оттягиваться, расслабляться-2, тусоваться – 12	high, to get a high, to be on high, to chill out – 4
9. Субстантивные и глагольные наименования группового отдыха с развлечением и застольем	вечеринка, гудеж, гульба, гулянка, кутеж, гудеть, гулять, кутить – 8	party, revelry, drinking spree, to go on a bender, to go on a drinking spree – 5
10. Субстантивные и глагольные наименования отдыха как состояния психологического покоя	безмятежность, покой, расслабон, спокойствие, умиротворенность, почивать на лаврах, созерцать, успокоиться – 8	tranquility, peace, calm, serenity, to rest on one's laurels, to contemplate, to calm (down) – 7
11. Субстантивные и глагольные наименования способов отдыха	посиделки, прогулка, променаж, отгуливать, проветриваться, прогуливаться, развеяться – 7	sit-round gathering, walk, stroll, ramble, promenade, to have time off, to take a breath of fresh air, to go for a walk, to take a stroll, to ramble, to amble, to saunter – 12
12. Субстантивные наименования периодов отдыха	выходной, выходные, досуг, каникулы, отгул, отпуск, перемена, праздник – 8	day off, weekend, leisure (time), holidays(Br.), vacation (US), holiday, leave, leave of absence, sabbatical, break(Br.), recess (US) – 11

Всего было выявлено 107 русских и 101 английская лексическая единица. Наибольшим количеством лексем как в русском, так и в английском языках представлена группа *наименований процесса отдыха и сна как отдыха*.

В русском языке, по сравнению с английским, значительно большее количество лексических единиц удалось выявить в группе субстантивных и глагольных *наименований отдыха как получения удовольствия*, а также в группе субстантивных и глагольных *наименований отдыха как уклонения от работы*. В английском языке, по сравнению с русским, большую репрезентативность имеет группа субстантивных наименований *периодов отдыха*, а также группа субстантивных и глагольных *наименований способов отдыха*.

В остальных тематических группах можно констатировать относительно равное количество словоупотреблений, что говорит о приблизительно равной значимости данного понятия для носителей обоих языков.

М.Е. Новичихина

О некоторых истоках формирования «народных» названий в языковом сознании

В данной работе изучались так называемые коммерческие названия – названия фирм, магазинов, отдельных видов товаров и т.п. (например, магазин «Линия», кафе «Левый берег», парикмахерская «Локон»).

В процессе изучения коммерческих названий было выявлено формирование в языковом сознании и активное функционирование в речи т.н. «народных» названий. К числу народных названий могут быть отнесены неофициальные названия, активно используемые потенциальным потребителем и существующие параллельно с официальным названием (например, магазин «Стекляшка», кинотеатр «Пролетка» и т.п.).

Природа возникновения т.н. народных названий до сих пор до конца не выявлена.

Обнаруживаются разноплановые причины их появления. Часто это отсутствие яркого официального названия или его примитивность. Так, например, появилось название магазина продуктов «Три пекаря» (вместо официального «Гастроном № ...»). Будучи расположенным в одном из трех абсолютно одинаковых строений, гастроном получил в народе иное название.

В ряде случаев в основу названия кладется внешняя примета. Так, магазин «Утюжок» стали так называть именно благодаря форме здания. Форма здания легла и в основу названия «Подкова». Точно так же

возникло название «Стекляшка» - причиной явились огромная, во всю ширину здания, стеклянная витрина.

Любопытно, что «народные» аналоги возникают и в случае иностранного имени. И дать исчерпывающее объяснение этому явлению достаточно сложно. Например, «Sony» называют *Сонькой*, «Mercedes - мерином», «Peugeot» - *пыхиком*, «BMW» - *бэхой*, «Audi» - *авдотьей*, шампунь «Timoteu» называют *Тимофеем*, а косметику «Bourgeois» - *буржуйкой*.

Можно, наверное, предположить, что в ряде случаев т.н. «народные» названия возникают в случае особо полюбившихся потребителю названий и товаров. Здесь достаточно вспомнить исторические факты. Так, во время Великой отечественной войны знаменитый реактивный миномет «БМ-13» никогда не называли ни минометом, ни боевой машиной – его всегда называли *Катюшой*, а штурмовик «ИЛ-2» большей частью в обиходе называли *горбатым*. Но есть и одна странность: не менее зарекомендовавший себя танк «Т-34» так и называли «Т-34». И объяснить подобный феномен нелегко.

Можно, вероятно, сделать еще одно предположение - о том, что появление т.н. «народных» названий – это (в целом ряде случаев) своеобразное стремление потенциальных потребителей улучшить название, повысить его эффективность. Возможно, «народные» варианты на уровне повседневного общения отдельно взятых людей возникают постоянно. А вот «приживаются» они и становятся общеупотребительными лишь в том случае, когда по своему коммуникативному потенциальному превосходят официальное название.

К сожалению, в целом ряде случаев коммерческое название не имплицирует наличия какого-либо качества референта. В отличие от официальных, народные названия такую импликацию осуществляют. Они, в какой-то степени, аналогичны прозвищам, кличкам, живучесть которых (в отличие от официальных имен) зависит от их меткости, от того, насколько верно схвачено в них какое-либо свойство референта.

Совершенно очевидно родство прозвищ и таких народных названий как *Пролетка* (от «Пролетарий» (кинотеатр)), *Бухенвальд* (студенческая столовая), *Зажигалка* (от «Зажигалка» (ночной клуб)), *Лошадиный оскал* (от «Улыбка» (кафе)), *Ручьи* (от «Сто ручьев» (ночной клуб)) и др.

Вероятно, опыт «народных» названий в ряде случаев можно и следует учесть при формировании названия официального. Точно так же, как в некоторых местах при застройке новых территорий не сразу асфальтируют дорожки, а дожидаются, когда люди протопчут для себя оптимальный маршрут, и лишь затем кладут асфальт, здесь, в ряде случаев, можно «дождаться» «народного» варианта. Этот вариант, наверняка, окажется более «живучим» и эффективным. Кстати, на практике в целом ряде случаев мы наблюдаем переименование, продиктованное именно этими соображениями. Например, кафе, расположенное в выстроенном углами

здании и десятилетиями именуемое в быту «Гармошкой», получило со временем это название и в качестве официального.

Таким образом, появление народных названий в сознании индивида – это своеобразное стремление оптимизировать процесс именования объекта.

КОГНИТИВНОЕ СОЗНАНИЕ

Е.О. Атланова

Номинативное поле концепта *новое слово* и моделирование содержания концепта

Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет «новый» как: 1) впервые созданный или сделанный, появившийся или возникший недавно, взамен прежнего, вновь открытый; 2) относящийся к ближайшему прошлому или к настоящему времени; 3) недостаточно знакомый, малоизвестный (Ожегов, Шведова 1994). Таково лексикографическое значение слова *новый* в современном русском языке. Помимо лексикографического значения, выделяют психологически реальное значение слова. Данный тип значения гораздо шире и объемней, чем лексикографическое значение. Содержание же концепта шире как лексикографического, так и психологически реального значения слова. (Стернин 2006, с. 4-5).

Для исследования содержания концепта велика роль эксперимента. Выделяют следующие виды экспериментальных методик: направленный и свободный ассоциативные эксперименты, метод подбора симиляров и оппозитов, перцептивный эксперимент. Помимо перечисленных методик, довольно успешно себя зарекомендовал рецептивный эксперимент.

Рецептивный эксперимент – это эксперимент на понимание, восприятие концепта, его субъективную дефиницию (Попова, Стернин 2006, с. 131).

Предметом нашего исследования является концепт *новое слово*. Эксперимент проводится следующим образом. Информантам предлагалось закончить фразу: *новое слово* – это... Данный прием позволяет получить разнообразную информацию о содержании концепта в когнитивном сознании.

Было опрошено 150 человек и получено 310 реакций, которые были упорядочены по степени яркости.

Новое слово – это... **310:** значения не знаю **62;** не слышал **35;** слышу впервые **25;** не употребляю в речи **18;** не встречал **14;** слово для обозначения новых предметов вещей **13;** непонятное (смысл, написание,

произношение); заимствование **12**; требует обращения к словарю **6**; вызывает интерес; отсутствует в моем словарном запасе; термин; неологизм **5**; новинка, новообразование, новшество в лексиконе; пришедшее из другого языка; сленг; слово знакомое в одном лексическом значении, но незнакомое в другом; появилось в разговорной речи недавно; есть повод задуматься; слово, появившееся недавно **3**; заграничное; иностранное слово; не всегда зафиксировано в словаре; не вызывающее никаких ассоциаций; появилось в языке недавно; старое слово, звучащее по-новому; требующее специальных знаний для понимания значения **2**; английское; варваризм; возникает в языке и речи с развитием науки и техники, жизни; все чаще употребляется в речи, СМИ; вызывает сложности в сочетании с другими словами; диалектизм; дополнительная ступень к познанию нового; жаргонизм; зарубежное; значение, которого определилось недавно; имеющее различные смысловые значения; интересное звучание, сочетание букв; информация об объекте; источник информации, путь к познанию нового; малоизвестное; малоупотребительное; не вошедшее в слой употребительной лексики; не вызывающее никаких эмоций; не русское; не является моей активной лексикой; неизвестное доселе; неизвестное сочетание звуков, значение, которых мне не известно; непривычное звуковое сочетание; нет ассоциативных связей; новое для восприятия; новое слово в науке; относится к новым сферам деятельности; нынешний лексикон перемешался с языком зеков и заграничными словами; появляется с развитием индустрии; путь к познанию; пытаюсь понять его суть; развивает интеллект; редко встречается в контексте; редко употребляющееся, с незнакомым значением; символное соответствие какому-то новому изобретению; слово, появившееся в разговорной речи; словарное толкование вызывает удивление или непонимание; слово с необычным звучанием сочетанием букв; слово; слово, которое вновь возникло в языке; слово, незафиксированное в словаре; слово, образованное при основе старого, при помощи суффиксов, приставок; старое, избитое в иностранном произношении (собрание – сейшн), то слово, которое можно произнести по-русски, произносится в иностранной интерпретации; сфера употребления не известна, выявляется из контекста; то, что никогда раньше сказано не было; узнал значение недавно; хочется узнать; что-то необычное, чего не знала раньше; это хорошо!; жвачка; менеджер; блокбастер; альтернатива; модернизация; аутлук; концепт **1**; отказ **1**.

Следующим этапом нашего исследования является когнитивная интерпретация полученных данных. Когнитивная интерпретация признаков предполагает, что на основе анализа их смысла формируются соответствующие когнитивные признаки в виде утверждений о концепте. (Попова, Стернин 2006, с. 142). Это мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формули-

рования когнитивных признаков с целью итогового моделирования содержания концепта (Попова, Стернин 2006, с. 141).

Выявлены следующие когнитивные признаки концепта ***новое слово***:

1) **не знаю значения этого слова 148**: значения не знаю 62; не слышал 35; слышу впервые 25; не встречал 14; непонятное (смысл, написание, произношение) 12;

2) **слово, которое я не употребляю в речи 24**: не употребляю в речи 18; отсутствует в моем словарном запасе 5; не является моей активной лексикой 1;

3) **заставляет задуматься о содержании 21**: требует обращения к словарю 6; вызывает интерес 5; есть повод задуматься; путь к познанию нового 2; дополнительная ступень к познанию нового; источник информации; новое для восприятия; пытаюсь понять его суть; развивает интеллект; хочется узнать 1;

4) **займствованное из другого языка 16**: заимствование 12; английское, пришедшее из другого языка, заграничное, зарубежное 1;

5) **обозначает новый предмет 13**: слово для обозначения новых предметов вещей 13;

6) **принадлежит к терминологии 5**: термин 5;

7) **слово, имеющее неизвестные лексические значения 4**: слово, знакомое в одном лексическом значении, но незнакомое в другом 3; имеющее различные смысловые значения;

8) **представляет собой непривычное звукосочетание 4**: интересное звучание, сочетание букв; неизвестное сочетание звуков, значение, которых мне не известно; непривычное звуковое сочетание; слово с необычным звучанием, сочетанием букв 1;

9) **редко употребляется 4**: редко встречается в контексте, редко употребляется, малоизвестное, малоупотребительное 1;

10) **возникает с прогрессом жизни, науки, техники, промышленности 4**: появляется с развитием индустрии; возникает в языке с развитием науки, техники; новое слово в науке; символное соответствие какому-то новому изобретению 1;

11) **принадлежит к сленгу, жаргону 4**: сленг 3, жаргонизм 1;

12) **не входит в словари 3**: не всегда зафиксировано в словаре 2; незафиксированное в словаре 1;

13) **старое слово, звучащее по-новому 3**: старое слово, звучащее по-новому 2; слово, образованное при основе старого, при помощи суффиксов, приставок 1;

14) **требующее специальных знаний для понимания значения 2**: требующее специальных знаний для понимания значения 2;

15) **ни с чем не ассоциируется 2**: не вызывает никаких ассоциаций; нет ассоциативных связей 1;

16) **обозначает явление новой сферы деятельности 1**: относится к новым сферам деятельности 1;

17) **является варваризмом 1**: варваризм 1;

18) вызывает сложность в сочетаемости с другими словами 1; сложность в сочетаемости с другими словами 1;

19) является диалектизмом 1: диалектизм 1.

Ряд ответов, полученных от испытуемых, не дает возможности осуществить их содержательную когнитивную интерпретацию. К таким относятся:

а) синонимическая реакция на слово-стимул: слово появившееся недавно 6; неологизм 5; новинка, новообразование, новшество в лексиконе 3; появилось в разговорной речи недавно; слово, появившееся недавно 3; появилось в языке недавно 2; значение, которого определилось недавно 1;

б) приводимые примеры новых слов (реакция «типичным представителем») 7: жвачка; менеджер; блокбастер; альтернатива; модернизация; аутлук; концепт 1;

Ранжированный по яркости список когнитивных признаков позволяет методом полевой стратификации построить модель концепта *новое слово* в языковом сознании, выделив *ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию*:

ядро – не знаю значения 148;

ближняя периферия – слово, которое я не употребляю в речи 24; заставляет задуматься о содержании 21; заимствованное из другого языка 16; обозначает новый предмет 13;

дальняя периферия – появилось в языке недавно 8; принадлежит к терминологии; слово, имеющее новые лексические значения 5; представляет собой непривычное звукосочетание; редко употребляется 4; принадлежит к сленгу; возникает с прогрессом жизни, науки, техники, промышленности; отсутствует в словарях; старое слово, звучащее по-новому 3;

крайняя периферия – требующее специальных знаний для понимания значения; ни с чем не ассоциируется 2; обозначает явление новой сферы деятельности; вызывает сложность в сочетаемости с другими словами; принадлежит к жаргону; является варваризмом; является диалектизмом 1.

Таким образом, экспериментальная методика позволяет выявить содержание и структуру концепта *новое слово* в когнитивном сознании носителей языка и исследуемый концепт.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., АЗЪ, 1994. – 928 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

Стернин И.А. Семасиология и лингвоконцептология // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2006. – Вып. 8.

Экспериментальное исследование концепта женщина

Для исследования содержания концептов может быть использована методика ассоциативного эксперимента, что позволяет выявить содержание концепта в актуальном когнитивном сознании народа и ранжировать когнитивные признаки, образующие концепт, по степени яркости.

Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент для определения ассоциативного поля, вербализующего концепт «женщина» в русском языковом сознании. Период проведения эксперимента: июнь – октябрь 2006 г. Эксперимент проводился в Астрахани и населенных пунктах Астраханской области.

В эксперименте приняли участие 298 человек. Испытуемыми выступали студенты и преподаватели Астраханского ГУ, учителя школ, врачи, экономисты, юристы, продавцы, пенсионеры. Из них женщин 165, мужчин 133; 229 городских и 69 сельских жителей. Из числа опрошенных 194 человека в возрасте от 15 до 25 лет (младшая возрастная группа); 55 человек в возрасте от 26 до 40 лет (средняя возрастная группа); 49 человек в возрасте от 41 и старше (старшая возрастная группа).

Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос «Женщина – какая?». Ответ должен был включать три ассоциативные реакции на слово-стимул «женщина», время выполнения задания не ограничивалось. Эксперимент осуществлялся как в групповой, так и в индивидуальной форме. Групповой эксперимент проводился с 10-15 испытуемыми за один сеанс.

В результате эксперимента от испытуемых было получено 916 реакций на ключевое слово-стимул «женщина».

Результаты эксперимента

Ассоциативное поле стимула ЖЕНЩИНА имеет следующий вид.

Женщина – какая? 916: красивая 189; умная 105; стройная 40; добрая 35; нежная 29; ласковая 23; женственная 18; заботливая, привлекательная, элегантная 16; молодая 13; ухоженная 12; любимая, хитрая 11; любящая, симпатичная, скромная 10; блондинка 9; милая, обаятельная, образованная, сексуальная 8; веселая, стильная 7; высокая, интеллигентная 6; аккуратная, деловая, загадочная, замужняя, модная, пожилая, сильная 5; богатая, интересная, мягкая, приятная, работящая, старая, хозяйственная, хорошая, целеустремленная 4; взрослая, воспитанная, глупая, гулящая, злая, изящная, капризная, мудрая, общительная, порядочная, самостоятельная, свободная, серьезная, стервозная, счастливая, толстая, хорошая хозяйка 3; бизнес-леди,

брюнетка, вежливая, вредная, выносливая, грациозная, естественная, коварная, культурная, маленькая, миловидная, надежная, накрашенная, независимая, некрасивая, одинокая, отзывчивая, очаровательная, прекрасная, роковая, рыжая, светлая, семейная, спокойная, страшная, терпеливая, трудолюбивая, уверенная 2; активная, безжалостная, белокурая, беременная, бесподобная, болтливая, великолепная, внимательная, воздушная, вульгарная, высокомерная, в парике, гламурная, голая, голубоглазая, гордая, грамотная, длинноволосая, длинноногая, домохозяйка, доступная, единственная, жалостливая, жизнерадостная, жгучая, Женщина!!!, жестокая, заботливая мать, замечательная подруга, зануда, знающая, знающая себе цену, идеальная, ироничная, кареглазая, классическая, кокетливая, коммуникабельная, кормящая, кроткая, крупная, легкая, любвеобильная, любопытная, лохматая, мама, «мама, а иногда и папа», Мегера, миниатюрная, мужественная, мученица, «мягкая и пушистая», нарядная, невысокого роста, недоступная, необыкновенная, неповторимая, неряха, несчастная, неуклюжая, не пацан, обольстительная, обходительная, одухотворенная, опрятная, оригинальная, ответственная, отличная мать, полная, понимающая, потрясающая, прелестная, приветливая, прилежная, приятной внешности, прозорливая, пунктуальная, разнообразная, самодостаточная, секспапильная, слабая, смелая, смуглая, солидная, состоявшаяся, спешащая, спортивная, справедливая с достоинством, с задумчивым взглядом, с обложки, с прямыми ногами, таинственная, талантливая, темноволосая, уверенная в своем мужчине, удачливая, утонченная, характерная, хорошо одетая, хрупкая, целомудренная, шикарная, эгоистка, экстравагантная, эротичная, эффектная 1.

Полученные ассоциаты были подвергнуты процедуре когнитивной интерпретации (Стернин 2006), то есть были сформулированы когнитивные признаки, объективируемые данными ассоциатами. Полученные когнитивные признаки были обработаны методом полевой стратификации, были вычислены ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия.

Ядро (460 – 50, 2%)

Внешне привлекательная 262: красивая 189; стройная 40; привлекательная 16; симпатичная 10; миловидная, прекрасная 2; приятной внешности, с обложки, с прямыми ногами 1.

Умная 105.

Добрая 93: добрая 35; нежная 29; ласковая 23; мягкая 4; жалостливая, «мягкая и пушистая» 1.

Ближняя периферия (189 – 20,6%)

Женственная 42: женственная 18; элегантная 16; изящная 3; грациозная 2; Женщина!!!, не пацан, утонченная 1.

Заботится о других 36: заботливая 16; любящая 10; отзывчивая 2; внимательная, заботливая мать, замечательная подруга, мама, «мама, а иногда и пана», любвеобильная, отличная мать, понимающая 1.

Следит за внешностью 36: ухоженная 12; стильная 7; аккуратная, модная 5; накрашенная 2; в парике, нарядная, опрятная, спортивная, хорошо одетая 1.

Производит положительное эмоциональное впечатление 35: милая, обаятельная 8; приятная 4; очаровательная 2; бесподобная, великолепная, гламурная, жгучая, необыкновенная, неповторимая, обольстительная, оригинальная, потрясающая, прелестная, шикарная, экстравагантная, эффектная 1.

Обладает деловыми качествами 21: деловая 5; целеустремленная 4; самостоятельная 3; бизнес-леди, независимая, уверенная 2; активная, ответственная, самодостаточная 1.

Культурно себя ведет 19: интеллигентная 6; воспитанная, порядочная 3; вежливая, культурная 2; обходительная, приветливая, пунктуальная 1.

Дальняя периферия (224 – 24,5 %)

Игривая и беспечная 14: веселая 7; счастливая 3; воздушная, жизнерадостная, ироничная, легкая 1.

Молодая 13.

Хитрая 13: хитрая 11; коварная 2.

Сдержанная в поведении 12: скромная 10; кроткая, недоступная 1.

Любимая 11.

Сексуально привлекательная 11: сексуальная 8; голая,ексапильная, эротичная 1.

Представляет собой загадку 11: загадочная 5; интересная 4; с задумчивым взглядом, таинственная 1.

Светловолосая 10: блондинка 9; белокурая 1.

Обладает твердостью духа 10: сильная 5; выносливая, терпеливая 2; мужественная 1.

Образованная 9: образованная 8; грамотная 1.

Пожилого возраста 9: пожилая 5; старая 4.

Недоброжелательная 9: злая, стервозная 3; вредная 2; мегера 1.

Хорошая хозяйка 8: хозяйственная 4; хорошая хозяйка 3; домохозяйка 1.

Отличается строгостью в мыслях и поступках, пользуется доверием 8: серьезная 3; надежная 2; прилежная, солидная, целомудренная 1.

Состоит в браке 7: замужняя 5; семейная 2.

Высокого роста 6.

Много работает 6: работающая 4; трудолюбивая 2.

Внешне непривлекательная 6: некрасивая, страшная 2; лохматая, неряха.

Хорошая 5: хорошая 4; идеальная 1.

Обладает жизненным опытом и предвидит события 5: мудрая 3; знающая 1; прозорливая 1.

Общительная, разговорчивая 5: общительная 3; болтливая, коммуникабельная 1.

Полная 5: толстая 3; крупная, полная 1.

Ведет развратный образ жизни 5: гулящая 3; вульгарная, доступная 1.

Богатая, обладает денежным состоянием 4.

Невысокого роста 4: маленькая 2; миниатюрная, невысокого роста 1.

Неумная 3.

Темноволосая 3: брюнетка 2; темноволосая 1.

Обладает чувством собственного достоинства 3: гордая, знающая себе цену, с достоинством 1.

Свободная 3.

Капризная 3.

Взрослая 3.

Крайняя периферия (43 –4,7 %)

Уравновешенная 2.

Жестокая 2.

Слабая 2: слабая, хрупкая 1.

Успешная 2: состоявшаяся, удачливая 1.

Испытывает несчастье, физические и нравственные муки 2: мученица, несчастная 1.

Одинокая 2.

Рыжеволосая 2: рыжая 2.

Со светлой кожей 2.

С характером, своюнравная 1.

Беременная 1.

Высокомерная 1.

С голубыми глазами 1.

С длинными волосами 1.

С длинными ногами 1.

Единственная 1.

Нудная 1.

С карими глазами 1.

Классического образа 1.

Кокетливая 1.

Кормящая 1.

Любопытная 1.

Неуклюжая (1);

Одухотворенная 1.

Смелая (1);

Со смуглой кожей (1);

Справедливая 1.

Талантливая 1.

Эгоистичная 1.

Итак, в концепте «женщина» наиболее яркими когнитивными признаками являются *внешне привлекательная* (262 реакции), умная (105 реакций) и *добрая* (93 реакции), которые составляют ядро данного концепта и свидетельствуют о наиболее значимых для русского сознания качествах, присущих женщине.

Ближняя периферия представлена признаками, которые также указывают на значимость внешнего вида женщины. При этом количество реакций, объективирующих внешнюю привлекательность, значительно преобладает над нравственными признаками, следовательно, концептуализация женщины в русском когнитивном сознании опирается, в основном, на внешние признаки. Помимо этого, яркими когнитивными признаками являются *обаяние, забота, культурное поведение и обладание деловыми качествами*. В целом, ядро и ближняя периферия состоят из когнитивных признаков положительной направленности.

Дальняя и крайняя периферия довольно обширные. Больших разрывов в яркости признаков в этих зонах периферии не выявлено. В них также преобладают позитивные оценочные признаки, что позволяет сделать вывод о положительно-оценочной акцентуации концепта *женщина* в русском когнитивном сознании.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований / Новое в когнитивной лингвистике / Под ред. М.В. Пименовой. – Кемерово, 2006. – С. 155-163.

Э.А. Дуссалиева

Экспериментальное исследование концептов мужчина, мужик

В рамках исследования национальной специфики объективации концепта «мужчина» в русском языке нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Всего в эксперименте приняло участие 298 испытуемых разного пола (165 женщин и 133 мужчины), возраста (194 человека в возрасте от 15 до 25; 55 – в возрасте от 26 до 40; 49 – в возрасте от 41 и старше), образования (74 респондента с высшим образованием, 37 – с неполным высшим, 52 человека со среднеспециальным, 129 человек со средним и 6 – с неполным средним) и семейного положения (86 респондента замужем или женаты и 212 респондентов в браке не состоят). 69 человек из числа испытуемых являются сельскими жителями, а 229 – городскими. Эксперимент проводился с июня по октябрь 2006 г. в г. Астрахани и различных населенных пунктах Астраханской области.

В ходе анкетирования испытуемым предлагалось реагировать на словастимулы «мужчина» и «мужик», отвечая на вопрос «какой?» и «что делает?». При этом испытуемые получили инструкцию давать не менее трех реакций.

По итогам эксперимента мы получили 3551 реакцию, из которых 850 были даны на вопрос «мужчина – что делает?», 891 – на вопрос «мужчина – какой?», 889 – на вопрос «мужик – что делает?» и 890 – на вопрос «мужик – какой?».

В данной статье мы представляем результаты эксперимента «мужчина – что делает?» и «мужик – что делает?». Ассоциативные поля были подвергнуты полевой стратификации.

МУЖЧИНА – ЧТО ДЕЛАЕТ?

Ядро (180): работает 180 (21,2%).

Ближняя периферия (302): спит 39; курит 31; зарабатывает деньги 30; ест 24; отдыхает 23; любит, водит машину 21; занимается спортом 17; защищает 16; смотрит телевизор 15; идет, пьет, читает 14; заботится 12; пьет пиво 11 (35,5%).

Дальняя периферия (227): бреется, гуляет, смотрит футбол 9; учится 8; разговаривает (говорит), улыбается, ухаживает 7; воспитывает детей, помогает, разговаривает по телефону 6; живет, занимается сексом, любит женщин, обеспечивает, содержит семью, ухаживает за женщинами, читает газету 5; бежит, детей делает, заботится о семье, кормит семью, оберегает, обеспечивает семью, смеется, стоит, строит, уважает 4; играет, кушает, лежит на диване, молчит, обедает, пишет, поет, приносит деньги, пьет водку, пьет кофе 3; готовит, дарит цветы, женится, заботится о детях, играет в баскетбол, играет в футбол, идет по улице, лежит, любит детей, любит жену, моется, общается, продолжает род, радуется жизни, развлекается, служит, строит дом, танцует, тратит, тренируется, ужинает, умеет зарабатывать деньги, флиртует, чинит автомобиль 2 (26,7%).

Крайняя периферия (141): бегает по бабам, беседует, борется, бьет, ведет авто, веселится, влюбляется, водит в кино, возится с техникой, волочится за женщинами, встречает друзей, говорит правду, гоняет на машине, грызет семечки, дает деньги, дарит подарки, делает подарки, делает ремонт, держит папку в руках, добывает, дружит, ждет звонка от жены, живет в коттедже, за собой стирает, заседает в думе, заботится о женщинах, заботится о своих близких, заигрывает, заключает договора, занимается бизнесом, занимается благоустройством своего жилья, занимается воспитанием ребенка, занимается домашними делами, занимается по хозяйству, занимается фотографией, зарабатывает на жизнь, звонит, знает, что хочет от жизни, играет в домино, играет в компьютер, играет в карты, идет на работу, изменяет, интересно проводит жизнь, исполняет капризы любимой женщины,

ищет, где побольше заработать, ищет решение проблемы, чтобы выкрутиться, катается на машине, колет дрова, кричит, купается, курит «Гавану», ласкает женщину, лжет, ловит рыбу, любит выпить, матерится, много ест, много работает, на работу ходит, наслаждается жизнью, не дает скучать, не матерится, не слушает, обнимает свою девушку, берегает семью, облагораживает дом, обольщает, объясняется женщине в любви, орет, осматривается по сторонам, оставляет потомство, осуществляет цели, охотится, пишет стихи, поднимает гирю, подтягивается, помогает женщине, помогает по дому, помогает по хозяйству, понимает, портфель носит, продает бытовую технику, путешествует, разговаривает со мной, ревнует, ремонтирует машину, решает главное, руководит, руководит предприятием, рулит, рыбачит, сгорает на работе, сидит в машине, сидит в ресторане, сидит с детьми, сидит с друзьями, следит за собой; служит в армии, служит родине, слушает, смотрит вперед, смотрит, набычиввшись, смотрит на меня, смотрит на часы, соблазняет, соблазняет девчонок, совершает подвиги, создает бизнес, создает семью, создает жилище, сорит, стоит в оживленном месте, стоит на остановке, строит взаимоотношения с женщиной, строит карьеру, считает деньги; то, что хочет; то, что не ущемляет других; то, что надо его близким, транжирит, тревожится, трудится, увлекается спортом, уделяет внимание женщине, улучшает демографическое положение, улыбается мне, умывается, управляет, ухаживает за девушками, ухаживает за домом, ухаживает за семьей, учит, ходит, ходит в спортзал, ходит налево, хорошо выглядит, хочет есть, целует, ценит, черте чем занимается (16,6%).

МУЖИК – ЧТО ДЕЛАЕТ?

Ядро (223): работает 112; пьет (водку) 111 (25,1%).

Ближняя периферия (282): ругается (матерится) 49; спит 48; курит 43; ест 33; пашет 26; отдыхает 18; дерется 17; гуляет 15; рубит дрова 12; смотрит телевизор 11; косит сено 10 (31,7%).

Дальняя периферия (220): смотрит футбол 9; выпивает, пьет пиво, строит дом 7; думает, лежит, не работает, рыбачит, хамит 6; зарабатывает деньги, работает в поле 5; бухает, бьет, живет, идет, кушает, охотится, рубит, сеет, читает газету 4; бегает, бездельничает, вкалывает, грубит, детей воспитывает, ездит на машине, кричит, кормит семью, курит папиросу, лежит на диване, ловит рыбу, любит, не бреется, ничего не делает, оскорбляет, сидит на завалинке, строит, убирается, храпит, читает 3; буйничит, бьет жену, валяется, веселится, ворчит, говорит, жрет, заботится, заботится о семье, колет дрова, ленится, одевается, орет, обеспечивает семью, опохмеляется, пасет коров, пишет, побирается, работает много, разговаривает, распахивает поле, сидит, смеется, соблазняет, стоит, ухаживает, хочет 2 (24,7%).

Крайняя периферия (164): авторитет зарабатывает, бегает за бабами, бегает от алиментов, беседует, беседует с друзьями, беспредельничает, бомжует, бранится, бреется, бьет баклуши, бьет бабу, валяется на диване, ведет свое хозяйство, ведет секцию спорта, водит трактор, возит дрова, ворует, все делает, всю мужскую работу по дому, выживает, выполняет тяжелую работу, высокомерничает, выстраивает, вытирает пот, гадит, грешит, гуляет по бабам, дебоширит, делает ремонт, доказывает делом, думает о приближении зимы, женится, забивает гвозди, заготавливает дрова на зиму, занимается грязной работой, занимается сексом, занимается спортом, защищает слабых, заявляет, землю пашет, играет в карты, играет на гармошке, идет в армию, идет по лесу, идет по улице, иногда не пьет, картошку копает, качается, кашляет, кирпич кладет, копает, коптит небо, кормит скотину, косит, курит махру, курит приму, лежит в поле, лечит, лечится, лошадь запрягает, любит женщин, любит жену и детей, любит детей, мастерит, машет кулаками, моется, наглеет, налево ходит, на телеге едет, не думает о семье, не заботится о себе, не живет, не моется, не отдыхает, не пользуется интеллектом, не следит за собой, не убирает за собой, не уважает женщин, не уважает себя, не умеет ухаживать за женщинами, никого не уважает, обедает, огород копает, оскорбляет женщин, отвечает, охраняет, паразитирует, пасет овец, пашет на тракторе, пилит деревья, пилит дрова, плохо спит, плотничает, подковывает лошадь, поднимает шум, поет, поливает, получает пенсию, помогает сделать ремонт, предъявляет, принимает наркотики, проводит время в гараже, прогуливается, продолжает род, пропивает собственный разум, пьет медовуху по праздникам, пьет водку по праздникам, пьет сивуху, пьянствует, работает на тракторе, работает на комбайне, работает в колхозе, работает мало, развлекается, раздевается, размножается, рассказывает анекдот, рассказывает истории, растит, ремонтирует трактор, ремонтирует, решает, роет канаву, рулит автомобиль, сидит без дела, скандалит, служит, смотрит бокс, смотрит, содержит семью, спит под забором, спит на вокзале, справляет нужду в общественном месте, строит избу, танцует, течет по течению, толкается, топит баню, тратит деньги, трудится, убивает дичь, убирает сено, умеет, ухаживает за собой, улыбается, употребляет алкоголь, ухаживает за бабой, ухаживает за девушкой, учит, фигней страдает, флиртует, ходит, ходит из угла в угол, ходит на футбол, хозяйствует, хулиганит, чавкает, чешет затылок, чешет брюхо, чинит машину, чинит забор (18,5%).

Данные ассоциаты были подвергнуты когнитивной интерпретации по методике, предложенной в (Попова, Стернин 2006), были выделены когнитивные признаки, образующие содержание данных концептов.

Результаты показывают, что содержание концептов *мужчина* и *мужик* имеет общую часть и определенные различия. Приблизительно одинакова

яркость дальней и крайней периферии концепта. Более существенные отличия наблюдаются в содержании ядерных зон концептов. Ядро концепта *мужик* содержит два когнитивных признака, в то время как ядро концепта *мужчина* – всего один. Совпадают в обоих концептах когнитивные признаки *работает*, но яркость данного признака в концепте *мужик* существенно ниже, чем в концепте *мужчина*: мужчина явно работает больше, чем мужик, а мужик еще и пьет. Мужчина тоже пьет, но это признак относится к ближней периферии, а не к ядру концепта.

Когнитивные признаки, раскрывающие поведение *мужика* во взаимоотношениях с женщиной, являются частью ближней периферии стимула *мужчина* (*любит 21, заботится 12*), но менее ярки в концепте *мужик* и относятся к дальней, а чаще к крайней периферии (*соблазняет 2, ухаживает 2, бегает за бабами*). Кроме того, такие признаки, как *бьет жену 2, оскорбляет, не уважает женщин, не умеет ухаживать за женщинами* и прочие, неодобрительно характеризующие поведение *мужика* в отношении к противоположному полу, практические не выявлены в концепте *мужчина*, содержание которого содержит многочисленные когнитивные признаки, характеризующие его положительные взаимоотношения с женщиной (*любит женщин, ухаживает за женщинами 5, любит жену, флиртует 2, волочится за женщинами*).

В концепте *мужик* выявлены когнитивные признаки, отражающие традиционную мужскую физическую деревенскую деятельность (*рубит дрова 12, косит сено 10, работает в поле 5, колет дрова, пасет коров 2*), что не выявляется в концепте *мужчина*. Следовательно, в концепте *мужик* наблюдаются когнитивные следы его «крестьянского происхождения».

Таким образом, наблюдающиеся различия в содержании, яркости отдельных когнитивных признаков и полевой стратификации концептов *мужик* и *мужчина* свидетельствуют о том, что их можно рассматривать как близкие, но разные концепты.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2006.

Е.А. Зацепина

О построении номинативного поля концепта *вежливый*

Построение номинативного поля концепта является первым условием его лингвокогнитивного анализа, поэтому от строгости и последовательности построения номинативного поля зависит эффективность и полнота выявления содержания и структуры исследуемого концепта. Под номинативным полем в когнитивной лингвистике понимается

совокупность языковых единиц, объективирующих содержание концепта в определенный период развития общества (Попова, Стернин 2006, с. 46).

«Построить» номинативное поле концепта можно двумя способами. Первый предполагает выявление только прямых номинаций концепта – ключевого слова и его синонимов (как системных, так и окказиональных).

Второй, более трудоемкий, предполагает выявление всего доступного исследователю номинативного поля концепта, включая гипонимы и наименования различных отдельных признаков концепта, обнаруживающихся в разных ситуациях его обсуждения. Такой способ дает гораздо более глубокие и достоверные результаты (Попова, Стернин 2006, с. 124-125).

Кроме того, можно ограничиться при описании системными языковыми средствами номинации концепта, а можно подключить к анализу и окказиональные номинативные единицы, так как они также дают важный и самобытный материал для описания и построения модели концепта.

Рассмотрим приемы построения номинативного поля на примере концепта *вежливость*.

1. Установление ключевого слова-репрезентанта

Объективация исследуемого концепта в сознании носителей языка осуществляется лексемами *вежливый*, *вежливость*.

Выбор лексем в качестве ключевых объясняется их большей частотностью по сравнению с лексемами со схожей семной наполненностью; кроме того, они наиболее обобщенно выражают значение вежливости.

Кроме того, концепт объективируется словосочетанием *вежливый человек*, которое объективирует концепт через представление качеств вежливого человека и действий, которые он совершает по отношению к окружающим.

Основным, ключевым словом-репрезентантом концепта предлагается считать лексему *вежливость*.

2. Установление ядра номинативного поля

Анализ синонимического ряда ключевого слова позволяет получить более полное представление о когнитивных признаках концепта. Лексема *вежливый* является доминантой в синонимической парадигме, заключая в себе основное значение данной микросистемы – о человеке: соблюдающий правила приличия, проявляющий учтивость (Словарь синонимов русского языка под ред. А.П. Евгеньевой 2000).

Лексема *учтивый* определяется как проявление внимания и предупредительного отношения к кому-либо, *корректный* – как способность вести себя в полном соответствии с существующими правилами поведения.

Уважительный акцентирует внимание на проявлении уважения к окружающим.

Лексема *обходительный* имеет дополнительную сему «приветливый в обращении».

Лексемы *предупредительный* и *любезный* отличаются от доминанты дополнительными семами «готовность помочь, оказать услугу».

Слово *галантный* определяется как «изысканно вежливый и любезный по отношению к женщине».

Синонимический ряд образует ядро номинативного поля концепта.

3. Установление периферии номинативного поля

1. Построение словообразовательного поля ключевого слова.

Слова, составляющие словообразовательное гнездо лексемы *вежливый* (Тихонов 1990), немногочисленны. Лексема *вежливый* послужила производящей для антонима *невежливый*, наречия *вежливо*, существительного *вежливость* и сложного прилагательного *почтительно-вежливый*. Примечательно, что в словообразовательном ряду отсутствует название человека, обладающего данным свойством (ср. *грубиян*).

Слово *вежливенько* имеет дополнительную коннотативную сему «иронически». Частеречная принадлежность словообразовательного гнезда ограничена существительным, прилагательным, глаголом и наречием.

2. Построение ассоциативного поля концепта

Для достаточно полного выявления содержания исследуемой лексической единицы был использован комплекс психолингвистических методик, включающих свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, метод субъективных дефиниций.

Свободный ассоциативный эксперимент предполагал выявление дополнительных компонентов значения исследуемой лексемы, не зафиксированных в лексикографических источниках. Испытуемые (550 человек) получили следующую инструкцию: «Мы изучаем ассоциации, которые вызывают те или иные слова. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово, которое придет Вам в голову. Работайте быстро, не раздумывайте долго. Если ни одно слово не приходит в голову, ставьте прочерк. Просим Вас не вносить никаких изменений в свои ответы».

Испытуемым был предложен список слов: *высота, общение, поведение, удивление, кактус, грубость, образование, анекдот, рассвет, поражение, вежливость, помощник, внешность, атлет, занятие*. Обрабатывались только реакции на интересующие исследователя стимулы *вежливость* и *грубость*.

Метод субъективных дефиниций позволил выявить реальное содержание исследуемых концептов в сознании носителей русского языка. Было опрошено 510 человек (210 мужчин и 300 женщин). Испытуемым предлагалось продолжить фразу: *Вежливость – это...*

Также был проведен направленный ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 502 человека (209 мужчин и 293 женщин). Испытуемым предлагалось письменно ответить на вопрос: *Вежливый человек – какой?*

Результаты экспериментальных исследований были обобщены в процессе обработки полученных данных.

Экспериментальные методики позволили выделить многочисленные когнитивные признаки, не фиксировавшиеся традиционными методами описания концепта через значения номинирующих его единиц.

3. Построение лексико-фразеологического поля.

Были установлены русские лексемы и устойчивые словосочетания, связанные по смыслу с ключевым словом «вежливость». Эти единицы выписывались методом сплошной выборки из Большого толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова. Значения некоторых лексем уточнялось в других толковых словарях. Кроме того, выписывались фразеологические единицы из словарей фразеологизмов русского языка. В результате было выявлено 325 лексических единиц и 36 фразеосочетаний, которые представили ядро и периферию поля «Вежливость».

4. Анализ художественных текстов

Из текстов современной прозы было выделено 70 номинаций видовых разновидностей денотата концепта «вежливость», которые также были включены в номинативное поле исследуемого концепта и в дальнейшем позволили выявить дополнительные когнитивные признаки.

5. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова

На синтагматическом уровне можно выделить следующие наиболее распространенные сочетания: *вежливый человек* (*мальчик, девочка*), *вежливый официант, продавец, вежливое обращение, обхождение, вежливый вопрос-ответ, вежливая просьба, намек, отказ, вежливый поклон, тон; вежлив по отношению к кому-либо; очень, довольно, особенно, исключительно вежливый; быть, стать, казаться вежливым; вежливо сказать, спросить, намекнуть, поблагодарить; вежливо улыбнуться, поклониться и т.д.* Таким образом, *вежливость* проявляется прежде всего в общении, поведении человека, а также в жестах, мимике, позе.

Некоторые выявленные сочетания с лексемой *вежливость* помогут расширить данные анализа Словаря эпитетов литературного языка, который приводит 33 художественных определения вежливости: *английская, бездушная, врожденная, джентльменская* и др. Такой ракурс анализа лексемы *вежливость* позволяет дополнительно выделить ряд когнитивных признаков номинируемого ею концепта.

Сходные процедуры были проведены для выявления номинативного поля концепта *грубость*.

Единицы выявленных номинативных полей были далее подвергнуты семантическому описанию, к которому затем была применена процедура

когнитивной интерпретации (Стернин 2006), что позволяет приступить к описанию содержания и моделированию исследуемых концептов.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2006.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований // Новое в когнитивной лингвистике / [под ред. М.В. Пименовой]. – Кемерово, 2006. – С. 155-163.

Тихонов М. Словообразовательный словарь. – М., 1990.

О.А. Зиновьева

Концепт *Франция* в поэтической концептосфере А.С. Пушкина

Данная статья посвящена исследованию когнитивных признаков концепта *Франция*, выявленных в результате анализа семантики лексических единиц *Париж*, *Франция*, *Галлия* в поэтических текстах А.С. Пушкина.

Интересным является тот факт, что формирование концепта в сознании поэта проходило опосредованно, через представления о национальной специфике французской культуры (литература, музыка, искусство и др.), через осмысление исторических событий (наполеоновская эпоха, Французская революция), образование (изучение французского языка), воспитание (европейская манера светского общения; в доме Пушкиных все говорили в основном на французском языке). Даже находясь в ссылке, поэт знал, что происходит во Франции, поскольку «газет, рассказов приезжавших из Франции было достаточно для него, чтобы интенсивно жить интересами Парижа» (Томашевский 1960, с. 69).

По политическим мотивам поэту было запрещено выезжать за пределы империи, но жажда познания, восторг перед всем новым и неизвестным во многом определили его систему понятий, их эволюцию в самостоятельном освоении специфики западного мира. О столь блестящем качестве русского поэта – умении совмещать в сознании разные национальные концепты – писали некоторые исследователи, называя Пушкина космополитом, при этом «космополит – не тот, кто живёт вне России, а тот, кто живёт не только Россией. Пушкин чувствовал всё современное ему мировое культурное пространство как своё» (Плещаков 1999, с. 16).

В основу нашего исследования положена семантика собственных имён. Несмотря на то, что некоторые лингвисты не относят собственные имена к классу значимых слов, существуют также и мнения другого плана: «В области словесно-изобразительного искусства имя собственное почти всегда является семантически полноценной единицей. Оно экспрессивно и образно в силу того, что становится компонентом художественного

изображения, то есть единицей, инструментом художественного творчества, с помощью которого происходит освоение изображаемого, – осмысление реального, внеязыкового в ракурсах эстетического восприятия, в ходе которого познаваемое проступает как художественный образ, как своеобразная форма представления отражаемого» (Кожин 2003, с. 125-126).

Концепт «Франция» в поэтическом наследии А.С. Пушкина репрезентирован лексемами *Париж*, *Франция*, *Галлия*. Содержательное поле концепта определяется контекстной семантикой слова. Так, исторический образ Франции в поэзии Пушкина раскрывается в контекстах, в которых значение лексемы определяется экстралингвистическими факторами – событиями Отечественной войны 1812 г.: вступление Александра I в Париж, поражение наполеоновской Франции и ссылка Наполеона на остров Св. Елены. Семанты лексем *Париж*, *Франция*, *Галлия* реализуют значения:

Париж – столица Франции периода наполеоновских войн в XIX в.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из плена *Парижа* к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!

(Была пора: наш праздник молодой, 1836)

Франция

1. Французская империя в годы войны 1812 г.

Изгнаник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо *Франции* своей...

(Наполеон, 1821)

2. Французская нация в годы поражения в войне 1812 г.

И *Франция*, добыча славы,
Пленённый устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.

(Наполеон, 1821)

Галлия – древнее название Франции.

В Париже *ross*! – где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.

(Воспоминания в Царском Селе, 1814)

Пушкин в текстах использует характеризующие Францию архаизмы, например, *Галлия*, *ross*, *пленный* вместо *пленённый* и т.д., с целью не только поэтизировать те события, которые стали историческими, но и чтобы рассмотреть их в историческом ракурсе, через связь времён, поэтому слово звучит отголоском других событий истории и становится

национально обусловленным знаком времени. При этом, осваивая пространство авторского текста, слово выходит за пределы своего прямого значения, начинает жить новой жизнью.

Франция – западная держава в эпоху Просвещения (XVIII в.).

Так, ты прав, оракул *Франции*,
Говорят, что жёны слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую
Сердце нежно непрятворное.

(Бова, 1814)

Данная дефиниция отличает образ Франции времён Вольтера от образа Франции периода войны 1812 г. Поэтическая перифраза «оракул Франции», которую можно назвать также описательной ономастической конструкцией, становится номинацией антропонима – Вольтер.

В индивидуальной концептосфере поэта концепт *Франция* вбирает, помимо указанных, другие когнитивные смыслы, связанные с культурной, социальной и религиозной сторонами жизни общества.

Социально-культурный аспект реализован лексемой *Париж* в следующих текстах:

Париж

1. Столица европейской культуры, центр светской моды и развлечений.

Покамест мирно жизнь она вела,
Не думая о балах, о *Париже*,
Ни о дворе....

(Домик в Коломне, 1830)

К подножию ль стены далёкого Китая,
В кипящий ли *Париж*...

(Поедем я готов..., 1829)

Сочетание «кипящий Париж» – это поэтическая авторская метафора. Словоформа *кипящий* передаёт признак «напряжённо-деятельный, бурный». Столичная жизнь большого города стремительна, динамична, неординарна, иными словами «везде здесь кипит жизнь».

2. Люди, живущие во Франции.

Так Риму, Дрездену, *Парижу*
Известен впредь мой будет вид.

(Кипренскому, 1827)

В некоторых примерах автор упоминает *Париж* в связи с религиозными мотивами.

Париж – собирательный образ Франции, страны, где был основан католический монашеский орден (картезианцы).

И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись –
Иной в *Париж* к плешивым картезьянцам...
...Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам...

(Монах, 1813)

Париж – библейский город Содом.

В блестательном разврате света,
Хранимый богом человек
И член верховного совета,
Провёл бы я смиренно век
В *Париже* ветхого завета.

(Из письма к Вигелю, 1823)

Номинация *Париж* вместо *Содом* служит средством поэтизации внеязыковых пространственных объектов, выступает в виде «топонимической перифразы», которая представляет собой «образную описательную конструкцию, репрезентирующую именование определённого топографического объекта путём характеристики каких-либо его устойчивых признаков или путём представления целого с помощью его разных когнитивных составляющих» (Гукова, Фомина 2004, с. 12).

Перифраза обычно характеризует объект художественного изображения, иными словами, содержит сему оценки или другого подобного признака. В данном контексте в поэтическом образе французской столицы пропускают черты ветхозаветного города: негативная сема «грешный», «понесший наказание от Бога», которую содержит в себе семема лексемы *Содом*, апперцептивно обозначается *Парижем*. Париж принимает у Пушкина значение места, консолидирующего зло, греховность, губительность. В нескольких словесных образах выражен национальный дух поэта, славянофильство творческой и жизненной стратегии.

Рассмотрение семантики лексических единиц *Галлия*, *Франция*, *Париж* и анализ их значений, репрезентирующих концепт *Франция*, позволило сделать следующие выводы: основными когнитивными признаками данного концепта, составляющими его интерпретационное поле являются:

- Бывшая территория Римской империи (*Галлия*);
- Западная страна эпохи Просвещения (*Вольтер, оракул Франции*);
- Французская империя Наполеона, период войны 1812 г. и победы России (*Наполеон, добыча славы, французы*);
- Париж – столица Франции;

- Париж – центр развлечений, светской жизни, соблазнов, культурных и религиозных течений (балы, царский двор, картезианцы, кипящий <о жизни в городе>, Содом <полный греха>).

Таким образом, концепт *Франция* в поэзии А.С. Пушкина обладает богатым содержанием, раскрывающим неоднозначный и противоречивый мир европейской страны.

Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина. – Одесса: «Словари», 2004. – С. 192.

Кожин А.А. Экспрессивный потенциал имени в текстах художественной прозы второй половины XIX в. – М.: РУДН, 2003. – С. 355.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. – М.: Художественная литература, 1975.

Пушкинская энциклопедия. 1799-1999. – М.: Издательство А.С.Т., 1999. – С. 808.

Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. – Л.: Советский писатель, 1960. – С. 498.

М.М. Иванова

Когнитивные признаки концепта *предприниматель*

Для выявления когнитивных признаков концепта *предприниматель* был проведен ряд лингвистических экспериментов. Это свободный и направленный ассоциативные эксперименты со словом-стимулом *предприниматель*, эксперимент методом свободных дефиниций, в котором испытуемым предлагалось дать определение слову «предприниматель». Также была использована методика Бендикса, когда респондентам предлагалось сравнить два близких по значению слова: *предприниматель / бизнесмен, предприниматель / делец, предприниматель / толстосум*.

Всего в лингвистических экспериментах со словом «предприниматель» приняли участие 687 человек – 458 женщин и 229 мужчин. Из числа опрошенных – 316 человек в возрасте от 17 до 25 лет; 217 человек в возрасте от 26 до 45 лет; 154 человека в возрасте от 46 до 80 лет.

Участниками экспериментов явились студенты ряда факультетов Воронежского государственного университета: филологического, исторического, математического, экономического; преподаватели различных специальностей Воронежского государственного университета; инженеры, врачи, торговые работники предприятий и учреждений города Воронежа.

Период проведения экспериментов – 2005-2006 гг. Эксперименты осуществлялись как в групповой, так и в индивидуальной форме.

Со словом «предприниматель» было проведено 6 лингвистических экспериментов. Цель проведенных экспериментов – выявить максимально

большее количество сем лексемы «предприниматель», а затем методом когнитивной интерпретации выявить когнитивные признаки концепта *предприниматель*.

После обработки результатов всех экспериментов было выявлено 733 семы лексемы «предприниматель». После объединения отдельных близких сем в одну мы получили 61 семантический компонент значения лексемы «предприниматель».

В целях получения возможности ранжировать полученные компоненты по итогам всех экспериментов вместе взятых, мы вычислили средний индекс яркости каждого компонента в процентах по всем экспериментам. Результаты представлены в таблице, где СД – свободные дефиниции, САЭ – свободный ассоциативный эксперимент, НАЭ – направленный ассоциативный эксперимент.

	СД, %	Пред- прини- ма- тель/ бизне- смен, %	Пред- прини- матель / делец, %	Пред- прини- матель / толс- тосум, %	СДЭ, %	НАЭ, %	Сум- ма, %	Сред. инд., %
Всего сем:	174	95	69	94	191	110	733	
1. Богатый	0	0	0	0	8,4	0,8	9,2	1,5
2. Ведет деятельность в рамках закона	2,9	4,2	28,6	2,1	0	0	37,8	6,3
3. Владелец какого-либо собственного дела / предприятия	17,8	2,1	4,3	0	8,4	0	32,6	5,4
4. Высоко оценивается обществом	0	0	0	18,1	3,7	2,7	24,5	4,1
5. В своих действиях независим	2,3	0	0	0	0	0	2,3	0,4
6. Демократичен в одежде	0	0	0	0	0	0,8	0,8	0,1
7. Деятельность имеет успех	0	0	1,4	0	1,1	2,7	5,2	0,9
8. Деятельность направлена на получение дохода	10,3	1	2,9	2,1	7,4	0	23,7	4,0
9. Деятельность связана с риском	0	0	0	5,3	2,1	0	7,4	1,2
10. Деятельность связана с решением проблем	0	0	0	0	1,6	6,4	8	1,3
11. Должен иметь специальное образование	0	0	0	1,1	0	0	1,1	0,2
12. Должен иметь юридическое	0,6	1	0	0	0	0	1,6	0,3

образование								
13. Жадный	0	1	0	0	0,5	0	1,5	0,3
14. Женщина	0	1	0	0	0	0	1	0,2
15. Живет и действует в России	0	4,2	0	0	0	0	4,2	0,7
16. Занимается деятельностью крупного масштаба	1,7	0	2,9	0	0	0	4,6	0,8
17. Занимается деятельностью небольшого масштаба	6,3	15,6	0	5,3	0,5	0	27,7	4,6
18. Занимается каким-либо бизнесом	7,5	18,8	0	4,3	13,2	0	43,8	7,3
19. Занимается какой-либо финансовой деятельностью	1,2	0	0	0	0	0	1,2	0,2
20. Занимается негосударственной частной деятельностью	4	0	2,9	0	6,3	1,8	15	2,5
21. Занимается предпринимательской деятельностью	5,7	0	0	0	0	0	5,7	1,0
22. Занимается производственной деятельностью	5,7	2,1	0	0	0	0	7,8	1,3
23. Занимается развитием своего дела	0	4,2	5,7	19,1	0	0	29	4,8
24. Занимается сельским хозяйством	0	0	0	0	2,1	0	2,1	0,4
25. Занимается торговой деятельностью	12,6	4,2	0	2,1	5,3	0	24,2	4,0
26. Занимается торговыми спекуляциями	0,6	0	0	0	2,1	0	2,7	0,5
27. Занимается узкой сферой деятельности	1,2	5,2	1,4	0	0	0	7,8	1,3
28. Зарабатывает своими идеями	0,6	0	0	0	0	0	0,6	0,1
29. Значение слова не содержит оценки	0	0	2,9	0	0	0	2,9	0,5
30. Имеет авантюрный характер	0	0	8,6	0	0	0,8	9,4	1,6
31. Имеет машину	0	0	0	0	1,1	0	1,1	0,2
32. Имеет невысокий общественный статус	0	3,1	0	0	0	0	3,1	0,5
33. Имеет хорошее здоровье	0	0	0	0	0	7,3	7,3	1,2
34. Интеллигентный	0	0	0	0	0	2,7	2,7	0,5
35. Использует нечестные методы	0	1	0	0	5,3	0	6,3	1,1
36. Коммуникабельный	0	0	0	0	0	3,6	3,6	0,6

37. Лысый	0	0	0	0	0,5	0	0,5	0,1
38. Много работает	0	0	2,9	4,3	6,3	0	13,5	2,3
39. Может не быть владельцем собственного дела	0	3,1	0	0	0	0	3,1	0,5
40. Может не участвовать в бизнесе	0	1	0	0	0	0	1	0,2
41. Может организовать любой вид деятельности	0	1	0	0	0	0	1	0,2
42. Молодой	0	0	0	0	3,2	1,8	5,0	0,8
43. Мужчина	0	0	0	0	0,5	0	0,5	0,1
44. Немного культурнее, чем делец	0	0	1,4	0	0	0	1,4	0,2
45. Непосредственный исполнитель	2,9	5,2	0	0	0	0	8,1	1,4
46. Небогатый	0	6,3	0	34,0	0	0	40,3	6,7
47. Не вызывает симпатии	0	1	1,4	1,1	1,1	13,6	18,2	3,0
48. Не очень умный	0	1	0	0	2,1	0	3,1	0,5
49. Организатор какого-либо дела / предприятия	5,7	6,3	2,9	0	1,1	0	16	2,7
50. Предприимчивый	2,9	1	4,3	0	12,6	31,8	52,6	8,8
51. Серьезный	0	0	11,4	0	0	0	11,4	1,9
52. Скромный	0	1	0	0	0	0	1	0,2
53. Слово принадлежит к литературному стилю речи	0	0	4,3	0	0	0	4,3	0,7
54. Создает рабочие места	1,2	0	1,4	1,1	0	0	3,7	0,6
55. Умный	0	1	1,4	0	2,1	20,9	25,4	4,2
56. Управляет организацией	0,6	0	0	0	0,5	0	1,1	0,2
57. Хитрый	0	0	0	0	0,5	0	0,5	0,1
58. Хозяйствующий субъект	5,2	1	2,9	0	0	0	9,1	1,5
59. Худой	0	0	0	0	0	1,8	1,8	0,3
60. Юридический термин	0,6	1	2,9	0	0	0	4,5	0,8
61. Я	0	0	0	0	1,1	0	1,1	0,2

Проанализировав выявленные экспериментально компоненты значения лексемы «предприниматель» и исключив из списка признаки, характеризующие функционально-стилистические особенности слова (*слово принадлежит к литературному стилю речи; значение слова не содержит оценки и под.*), а также признак «я» как не содержащий

когнитивной информации, в итоге получаем 57 семантических компонентов значения слова «предприниматель».

На этапе последующей когнитивной интерпретации близкие по содержанию семантические компоненты были объединены в один с наиболее общим наименованием, при этом средние индексы яркости соответствующих сем суммировались (*должен иметь юридическое образование + должен иметь специальное образование*). Кроме того, формулировки некоторых признаков были представлены в иной словесной форме (*юридический термин – имеет юридический статус; занимается предпринимательской деятельностью – занимается каким-либо видом предпринимательской деятельности*).

Был также вычислен средний индекс яркости всех полученных в результате когнитивной интерпретации когнитивных признаков – как средний процент объективировавших данный признак во всех экспериментах испытуемых.

По среднему показателю индекса яркости (%) определенного признака в значении лексемы «предприниматель» мы можем ранжировать полученные компоненты следующим образом:

1. Владелец какого-либо собственного дела / предприятия 10,2.
2. Предприимчивый 8,8.
3. Занимается бизнесом 8,3.
4. Небогатый 6,7.
5. Ведет деятельность в рамках закона 6,3.
6. Занимается деятельностью небольшого масштаба 4,6.
7. Умный 4,2.
8. Высоко оценивается обществом 4,1.
9. Занимается торговой деятельностью 4,0.
10. Деятельность направлена на получение дохода 4,0.
11. Не вызывает симпатии 3,0.
12. Организатор какого-либо дела / предприятия 2,7.
13. Занимается негосударственной (частной) деятельностью 2,5.
14. Много работает 2,3.
15. Серьезный 1,9.
16. Имеет авантюрный характер 1,6.
17. Богатый 1,5.
18. Хозяйствующий субъект 1,5.
19. Непосредственный исполнитель 1,4.
20. Деятельность связана с решением проблем 1,3.
21. Занимается производственной деятельностью 1,3.
22. Занимается узкой сферой деятельности 1,3.
23. Деятельность связана с риском 1,2.
24. Имеет хорошее здоровье 1,2.
25. Использует нечестные методы 1,1.
26. Деятельность имеет успех 0,9.
27. Занимается деятельностью крупного масштаба 0,8.

- 28.Молодой 0,8.
 29.Имеет юридический статус 0,8.
 30.Живет и действует в России 0,7.
 31.Коммуникабельный 0,6.
 32.Создает рабочие места 0,6.
 33.Должен иметь специальное образование 0,5.
 34.Занимается торговыми спекуляциями 0,5.
 35.Имеет невысокий общественный статус 0,5.
 36.Интеллигентный 0,5.
 37.Может не быть владельцем собственного дела 0,5.
 38.Не очень умный 0,5.
 39.В своих действиях независим 0,4.
 40.Занимается сельским хозяйством 0,4.
 41.Жадный 0,3.
 42.Худой 0,3.
 43.Женщина 0,2.
 44.Занимается какой-либо финансовой деятельностью 0,2.
 45.Имеет машину 0,2.
 46.Может не участвовать в бизнесе 0,2.
 47.Может организовать любой вид деятельности 0,2.
 48.Немного культурнее, чем делец 0,2.
 49.Скромный 0,2.
 50.Управляет организацией 0,2.
 51.Демократичен в одежде 0,1.
 52.Зарабатывает своими идеями 0,1.
 53.Лысый 0,1.
 54.Мужчина 0,1.
 55.Хитрый 0,1.

Как мы видим, ни один из выявленных когнитивных признаков концепта *предприниматель* не имеет ярко выраженного высокого индекса яркости. Когнитивные признаки характеризуются низкой степенью согласованности. Многие признаки имеют антонимичную пару (*владелец какого-либо собственного дела / может не быть владельцем собственного дела; небогатый / богатый; занимается деятельностью небольшого масштаба / занимается деятельностью крупного масштаба; ведет деятельность в рамках закона / использует нечестные методы; умный / не очень умный; высоко оценивается обществом / имеет низкий общественный статус; непосредственный исполнитель / управляет организацией; имеет авантюрный характер / скромный*).

Из общего количества выявленных когнитивных признаков концепта *предприниматель* можно выделить 19 оценочных признаков (33,3%). Из них положительная оценка содержится в 13 когнитивных признаках: *ведет деятельность в рамках закона; умный; высоко оценивается обществом; занимается развитием своего дела; много работает; серьезный; деятельность имеет успех; коммуникабельный; создает рабочие места;*

интеллигентный; зарабатывает своими идеями; немного культурнее, чем делец; скромный (22,8%). Отрицательная оценка содержится в 6 когнитивных признаках: не вызывает симпатии; использует нечестные методы; занимается торговыми спекуляциями; не очень умный; жадный; хитрый (10,5%).

Следует отметить, что ряд признаков может быть определен как оценочный лишь в контексте конкретного высказывания. При этом оценка может быть как положительная, так и отрицательная: *предприимчивый; деятельность направлена на получение дохода; деятельность связана с риском; имеет авантюрный характер.*

Большое количество и разнообразие выявленных когнитивных признаков исследуемого концепта свидетельствует о том, что данный концепт в русском национальном сознании в настоящий момент находится в процессе активного освоения и обсуждения.

Г.В. Киселёва

Культурный концепт Урюпинск по экспериментальным данным

Особое место имен собственных в языке и культуре определяется тем, что они выступают как хранители не только языковой, но и историко-культурной информации, являясь важными культурными концептами того или иного народа. По мнению Ю.А. Гурской, именам собственным присуще неограниченное коннотативное значение, реализация которого зависит от видения (точки зрения) воспринимающего/использующего это имя индивида (Гурская 2003, с. 29).

Определить концептуальное содержание топообъекта, «отягощённое» коннотациями, и его место в системе культурных ценностей языкового коллектива возможно благодаря использованию методики ассоциативных экспериментов. Нами уже предложено описание содержания культурных феноменов, вербализированных топонимами *Борисоглебск, Москва* (Киселёва 2005; Киселёва 2006). В данной статье поставлена задача на основе экспериментальных данных определить содержание концепта *Урюпинск* и смоделировать его структуру. С этой целью нами был проведён свободный ассоциативный эксперимент среди жителей Воронежской области (преимущественно г. Борисоглебска) разного возраста (15-80 лет) и социального статуса. Всего опрошено 712 человек, из них 300 мужчин и 412 женщин. Испытуемым было предложено записать первое слово, «всплывшее» в памяти на стимул *Урюпинск*. Далее полученные реакции были ранжированы по частотности, составлено ассоциативное поле и осуществлена когнитивная интерпретация полученного материала. Приведем фрагмент полученного ассоциативного поля (без единичных реакций).

Урюпинск 556: платки 80; коза 35; пуховые платки 24; провинция 19; казаки, памятник козе 18; козы 17; пух 13; платок 12; рынок 9; Волгоградская область, платки пуховые 7; город, деревня, пуховый платок 6; анекдот, анекдоты, брошу всё и уеду в Урюпинск, глубинка, медучилище 5; глушь, друзья, Тмутаракань, урюк 4; близкий город, казачество, козёл, подруга, село, Хопёр 3; автобус, базар, бросить всё и уехать в Урюпинск, брошу всё и уеду..., Волгоград, глухая провинция, глухомань, Голованов, город платков, город платков и пуха, дорога, друг, захолустье, картошка, козий пух, маленький, минеральная вода, министр, мой родной город, Нью-Васюки, платочный город, пушной город, рыба, санаторий, сигареты, столица провинции 2. Всего получено 223 реакции, среди которых 166 единичных. Отказов 156.

Как известно, психофизическую основу концепта составляет некий чувственный образ, к которому «прикрепляются» наши знания о мире. Образ имеет существенную или даже решающую личную составляющую, поскольку формируется с участием личной перцептивной деятельности человека (Стернин 2005, с. 9).

Экспериментальные данные показали, что концептуальное осмысление Урюпинска (видимо, как и других географических объектов, не являющихся общеизвестными) осуществляется при слабой поддержке личного перцептивного опыта информантов. Отсутствием такого опыта объясняется и большое количество отказов при проведении эксперимента (около 22% испытуемых).

Доля образных реакций в значительном по объему ассоциативном поле ничтожна: *желтизна, маленький 2, маленький город, новостройка 1978, огни, речка, солнце, холмы, чернозём* (всего около 2%). Образ города, согласно полученным реакциям, не конкретен, очертания его контурны, размыты, лишены индивидуальности. Отсутствие в сознании испытуемых яркого, объемного образа Урюпинска особенно заметно в сопоставлении с образами Борисоглебска и Москвы, индивидуальность и неповторимость которых создаётся благодаря богатому ономастическому ландшафту, закрепляющему в сознании образы знакомых мест, благодаря индивидуальным историко-культурным реалиям, деталям внутригородского пейзажа. Вместе с тем когнитивная интерпретация экспериментального материала позволяет утверждать, что в формировании концептуального содержания концепта Урюпинск и его структурировании личный перцептивный и особенно когнитивный опыт информантов играет определённую роль. Можно выделить тонкие когнитивные слои, сформированные на основе банального, повседневного знания.

Так, информанты осмысляют Урюпинск как свой родной город (*мой родной город 2*), место рождения известных лиц (*министр 2, министр Филиппов, Филиппов – министр образования, маршал Штеменко родом, Штеменко 1*), место жительства или работы родных, друзей, знакомых (*друзья 4, подруга 3, друг 2, подруга там живёт, живёт подруга, подружка сестры, друг живёт, друг с армии, мои подруги из Урюпинска*,

бабушка Димы живёт там, дядя, родня, родня живёт, знакомые, знакомый друг, знакомые наркоманы, мужик с Урюпинска, люди, гадалка, работа, временная работа 1). Среди реакций данной когнитивной зоны представлены и персонифицированные (*подруга Люда, Петрова Г., Таня, Татьяна Ивановна, Коля, Олеся, Андрей, Вася, Голованов 2, Юра*), всего 8% реакций.

Часто обращения к личному опыту информантов недостаточно для получения целостного, системного представления о локусе. Урюпинск концептуализирован как место, связанное с хозяйственно-бытовой сферой деятельности борисоглебцев, жизнь которых оказывается тесно связанной с Урюпинском, находящимся в 90 км от Борисоглебска, и прежде всего с известным в округе своими низкими ценами урюпинским рынком, куда жители города ездят за продуктами, особенно в период заготовок на зиму, продают и покупают пуховые платки (реакции *рынок 9, базар 2, автомобильный рынок, барабанка, хороший рынок, продукты дешёвые; урюк 4, абрикос, жердели, персик, чернослив, картошка 2, минеральная вода 2, рыба 2, вафли, мясо, подсолнечное масло, семечки, яблоки, колхозы яблочные, ягода, яйца; сигареты 2, прищепы, цыплята, изделия из стекла, воленки – 7,5%*). Перцептивный и когнитивный опыт позволяет осмыслить Урюпинск как близкий, соседний с Борисоглебском и другими районами город (*близкий город 3, близко от нас, 90 км, недалеко, рядом с Калачом, что-то близкое, соседи, соседний город*), а отсутствие подобного эмпирического опыта рождает противоположные смыслы (*где-то далеко, далеко, далёкий город*). К этой же зоне примыкают реакции, маркирующие способ познания реалии в результате личной деятельности информанта (*автобус 2, гостиница, дорога 2, общежитие, пионерлагерь, путешествие, проезжал на поезде, рыбака, симпозиум, санаторий 2, турнир по волейболу*).

Таким образом, когнитивные слои концепта Урюпинск, сформированные в результате классификационной мыслительной деятельности испытуемых, осуществляющейся на основе их эмпирического опыта, являются тонкими и относятся к периферийной зоне анализируемого концепта. Формирование концептуального содержания в значительной степени опирается на социокультурный опыт поколений.

Обширную ядерную зону культурного концепта Урюпинск составляет когнитивный слой, маркирующий основную производственно-хозяйственную деятельность жителей. Урюпинск осмысляется прежде всего как центр пухового промысла России, места, в котором жизнь каждого горожанина связана с производством козьего пуха и вязанием пуховых платков. Данный когнитивный слой составляет 38,1% от общего числа реакций, к этой когнитивной зоне относятся как высокочастотные реакции (*платки 80, коза 35, пуховые платки 24, памятник козе 18, козы 17, пух 13, платок 12, платки пуховые 7, пуховый платок 6*), так и разнообразный репертуар единичных реакций (*платки и козы, пух козий, станция козы, пуховые изделия*). Многочисленны реакции, обобщающие знание об

Урюпинске (город платков 2, город платошников, город платков и пуха, город белых коз, пушиной город 2, платочный город 2, платочный, пуховый край, центр пуховых платков, центр пухового промысла).

Кроме ядерного когнитивного слоя, выделяются и другие, более тонкие слои, образующие информационно-понятийное содержание концепта Урюпинск. К их числу относится когнитивный слой, уточняющий место локуса как географического объекта (*Волгоградская область 7, город 6, Хопёр 3, Волгоград 2, город в Волгоградской области, местность, райцентр, станция, хопёрский*). Подобные реакции отражают способность человека, познавая топообъект, систематизировать знание, определяя и уточняя место города в системе географических (Урюпинск – город – в Волгоградской области – на реке Хопёр), социоэкономических и культурных координат (*конезавод, маслозавод, МЭЗ, нефтебаза, производство шерсти, там завод семян, химзавод; медучилище 5, музей, открылся филиал Волгоградского университета – всего около 6,6% реакций*).

Данный когнитивный слой, выделенный на основе экспериментальных данных, удивительным образом напоминает энциклопедическую статью: Урюпинск – город (с 1929 г.) в Волгоградской области, пристань на р. Хопёр, ж/д станция. Машиностроение и металлообработка, лёгкая, пищевая и др. промышленность. Краеведческий музей (Советский энциклопедический словарь 1990). По-видимому, энциклопедическое знание актуализируется в тех случаях, когда нет возможности апеллировать к личному перцептивному опыту.

Небольшой историко-культурный когнитивный слой представляет результат осмыслиния Урюпинска как места зарождения и жизнедеятельности хопёрского казачества (*казаки 18, казачество 3, войско, город казаков, казачий город, казачья станица, казачья сторона, казачье войско, музей казачества, центр хопёрского казачества – 5,2%*).

Концепт Урюпинск окружает обширное интерпретационное поле, включающее рациональное и эмоционально-оценочное осмысление. Город осмысляется как столица русской провинции. Оппозиция *центр/периферия (провинция)* является важной для русской концептосферы, о чём свидетельствует, в частности, значительное номинативное поле, репрезентирующее концепт *провинция* в русском языке (Чедыгова 2006). Безусловно, Урюпинск является провинциальным городом (Провинция-2. Отдалённая от столицы, центра местность, периферия – Большой толковый словарь 2004), как и Борисоглебск, однако в ассоциативном поле Борисоглебска всего 10 реакций данной семантической сферы, тогда как результат концептуализации Урюпинска маркирован большим числом частотных реакций (*провинция 19, глубинка 5, Тмутаракань 4, глушь 4*) и обилием единичных реакций, включающих весь репертуар имеющегося в языке номинативного поля (*глухая провинция 2, глухомань 2, захолустье 2, столица провинции 2, глубина, дыра, конец, маленький городишко, окраина, образец провинциальности, периферия, провинциальный город, столица русской провинции, столица глубинки*).

Из обычного реального небольшого провинциального города, имеющего своё индивидуальное лицо, Урюпинск превращается в массовом сознании в тип (подобных небольших провинциальных городков в России тысячи), в образец удалённости от культурных и экономических центров страны, в символ глупи, захолустья, средоточие отрицательных черт провинции (отсутствие благ цивилизации, бескультурье, необразованность). Урюпинск утрачивает свои индивидуальные особенности, позволяющие осмыслить его как уникальный, неповторимый локус, и, напротив, приобретает обобщённое значение не реального, а вымышленного города, стоящего в одном ряду с другими вымышленными наименованиями – символами провинции (реакции: *А такой город есть? Мухоср...ск, Нью-Васюки, Тмутаракань*), города, о котором сложены анекдоты, который и сам воспринимается как анекдот (*анекдоты 5, анекдот 5, анекдоты про Урюпинск, город анекдотов, город – герой анекдотов, исторический город, Остап Бендер, сатирический, чудной город, прикальваются: из Урюпинска*), к такому городу нельзя относиться без иронии (*город мечты, город моей мечты, дух свободы*). Символическое значение Урюпинска уже закреплено лексикографически (Отин 2004).

Осмысление Урюпинска как символа русской провинции даёт возможность обобщенного восприятия действительности: *кто в Урюпинске не был, тот не знает России* – слоган, созданный самими жителями (Ср.: Кто в Москве не бывал – красоты не видал). Подобная интерпретация вызывает многочисленные отрицательные коннотации, иногда откровенно грубые (*болото, брошенные, бандиты, грязь, глупость, деревня б, козлы! не нравится, не понравился, не поеду! население тяжеловатое, плохо, плебейское место, село З, скучность, спекуляция платками, темнота*). Становясь символом российской провинции, Урюпинск осмысливается и как место, куда можно на время уехать, скрывшись от городской суэты (*брошу всё и уеду в Урюпинск 5, брошу всё и уеду 2, бросить всё и уехать в Урюпинск 2, брошу всё – туда уеду, брошу всё...*). Подобные интерпретации и оценки стереотипизированы, задаются современным обществом, поддерживаются и тиражируются средствами массовой информации. Единичные положительные оценки и коннотации носят личностный характер. Их место в общей системе ценностного восприятия Урюпинска незначительно и не влияет на общую шкалу оценки (*добрые школы, хороший рынок, культура, красота, красивый чистый город, спокойствие души, ласковое слово*).

Как следует из изложенного, формирование концептуального содержания уникальных по своей природе топообъектов реального мира осуществляется в зависимости от степени участия личного эмпирического опыта человека. Чем меньше доля перцептивного опыта, тем менее ярок и объемен образ, структурирующий ядро концепта, тем в большей степени сознание опирается на историко-культурный социальный опыт и сложившиеся или формирующиеся стереотипы.

Урюпинск в современном массовом сознании (при участии масс-медиакультуры) концептуализирован как обобщённый символ русской провинции со всем ореолом соответствующих коннотаций.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб, 2004.

Гурская Ю.А. Культурогенные возможности имени собственного: семантика, прагматика, концептуализация // Русское слово в мировой культуре: Материалы X международной ассоциации преподавателей рус. языка и литературы. – Спб, 2003.

Киселёва Г.В. Культурный концепт *Москва* по экспериментальным данным // Язык и национальное сознание. Вып. 8. – Воронеж, 2006.

Киселёва Г.В. Культурный концепт *Борисоглебск* по данным ассоциативного эксперимента // Язык и национальное сознание. Вып. 7. – Воронеж, 2005.

Огин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён. – Донецк, 2004.

Советский энциклопедический словарь. – М., 1990.

Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып. 7. – Воронеж, 2005.

Чедыгова А.В. Концепт *провинция* в русском языке // Язык и национальное сознание. Вып. 8. – Воронеж, 2006.

Л.А. Литвинова

Концепт *деревня* по данным словарей

Основной категорией когнитивной лингвистики является понятие «концепт». Важное значение для когнитивной лингвистики имеет решение вопроса, каким образом формируются концепты в сознании человека и каков механизм их образования (Рудакова 2004).

Концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. Первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, полученных человеком в результате познавательной деятельности, т.е. «обрастает» мыслительным содержанием, логическими признаками. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Вместе с тем тот общеизвестный факт, что любой концепт надо объяснять на примере, свидетельствует об образной природе любого концепта.

Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, но может не иметь его. Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые для этого использованы,

выступают как средства вербализации, объективации в языке, языковой презентации, языкового представления концепта как такового.

Целью лингвокогнитивного исследования является исследование значений всех слов и выражений, вербализующих (объективирующих) тот или иной концепт в национальном языке, совокупность которых получила в когнитивной лингвистике название номинативное поле (Попова, Стернин 2006).

Рассмотрим средства вербализации концепта *деревня* в русском языке. Номинативное поле данного концепта довольно обширно. Оно включает следующие единицы.

Деревня. Толковые словари В.И. Даля, С.И. Ожегова, А.П. Евгеньевой, Д.Н. Ушакова трактуют деревню как «небольшое крестьянское селение без церкви». К слову сказать, энциклопедия Брокгауза и Ефона поясняет, что численность дворов в российской деревне лишь с XVII в. стала 10-15, иногда более. До этого времени деревней назывался любой негородской населенный пункт даже с 1 двором.

Село (селение, сельцо, селище) – 1) большое по размерам крестьянское селение с церковью (Даль, Ушаков); 2) «селище»: а) очень большое село, в котором более 1 церкви (Даль); б) место, на котором в древности было расположено неукрепленное селение.

Поселок (*выселок*) – недавно возникшее селение, отделившееся от коренного, основного селения (Даль, Ушаков).

Поселение – 1) заселенное людьми место, населенный пункт (Даль, Ушаков); 2) принудительное водворение на жительство в отдаленном месте в наказание за что-либо (Ожегов); 3) в современном значении негородская административная единица.

Станица – 1) казачье поселение (Даль); 2) птичья стая (Даль); 3) большое казачье селение (Ушаков, Ожегов).

Хутор – 1) обособленный, отдельный дом, изба с ухожами, скотом (Даль, Ушаков); 2) в южных областях крестьянский поселок, селение (Ожегов).

Энциклопедические словари поясняют «деревню» как производное от «дар, драти» – расчищать землю от леса, распахивать целину. Большая Советская и Малая Российская Энциклопедии сходны в понимании «деревни»: понятие «деревня» охватывает весь комплекс социальных, экономических, культурно-бытовых, природно-географических особенностей и условий жизни деревни как социально-экономической категории, отличной, противопоставляемой городу.

Некоторые пословицы и поговорки расширяют представление о деревне: «Где деревня, там и порядня», то есть в селе более спокойная, упорядоченная жизнь.

Анализ словарных толкований слова *деревня*, а также анализ типичных словоупотреблений этого слова в современной речи позволяют на данном этапе исследования выделить следующие признаки концепта *деревня*:

- населенный пункт;

- небольшой, маленький по размеру;
 - торговля не развита, присутствует незначительно и только в крупных сельских населенных пунктах;
 - консервативные, установившиеся потребности, вкусы, привычки, жизненный уклад;
 - неразвитая сеть коммуникаций и коммунально-бытовых учреждений;
 - однообразие видов профессий;
 - нехватка квалифицированной рабочей силы;
 - хорошая экологическая обстановка; и как следствие наличие оздоровительных учреждений;
 - важность родственных связей при более однообразном национальном и религиозном составе.
-

Введенский Б.А. Энциклопедический словарь в 3-х т. – М., 1955.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М., 1967.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж, 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2006.

Прохоров А.М. Российский энциклопедический словарь. – М., 2001.

Евгеньева А.П. и др. Словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1989.

Ю.А. Литвинова

Концепт *город* в русском языковом сознании (по данным словарей, пословиц и поговорок)

Основной целью лингвоконцептологоческого исследования является описание значений всех слов и выражений, объективирующий тот или иной концепт в национальном языке, то есть составляющих номинативное поле концепта. Далее методом когнитивной интерпретации (Стернин 2006) из семантики номинативных средств извлекаются когнитивные признаки, на основе которых описывается и моделируется собственно концепт.

Начальный этап исследования концепта предполагает установление его номинативного поля, прежде всего – по данным словарей. Нас интересует концепт *город*.

По данным толковых и энциклопедических словарей (С.И. Ожегов, Д.Н. Ушаков, В.И. Даля, А.М. Прохоров, Б.А. Введенский) концепт *город* номинируется следующим образом.

Город – крупный административный, промышленный, культурный населенный пункт.

Городок – 1) группа зданий, жилых или служебных, которые объединены по своему значению; 2) в старину укрепленное тыном заселение; 3) большое богатое вологодское село, где есть несколько церквей.

Град – застроенное населенное место и жители его (старинное церковное «город»).

Мегаполис – гигантский город с многомиллионным населением, образованный в результате слияния и роста нескольких городов и населенных пунктов.

Полис – город-государство (самоуправляющийся) в античном мире (Греция и древний Рим), наличие рабовладения и особой формы социально-экономической и политической организации общества, состоит из самого города и примыкающей, обычно небольшой, территории.

Посад – вообще город, не село или деревня.

Вольный город – 1) город в средние века, освободившийся от власти феодала и пользующийся правами самостоятельного государства; 2) город, который имеет статус демилитаризованной и нейтрализованной политической единицы, устанавливаемый международной государственной организацией.

В русском языке также существуют некоторые пословицы и поговорки, содержащие лексему *город* и добавляющие новые семантические признаки данной лексеме:

- в городе дорогая жизнь (*без денег в город – сам себе ворог*);
- город лучше села (*Бог да город, черт да деревня*);
- в городе много людей и суэтная жизнь (*в городе суета, в деревне маета*);
- на строительство города нужно много времени и сил (*Москва не сразу строилась*);
- город может легко сгореть (*Москва от копеечной свечки сгорела*);
- города играют важную роль в жизни страны (*царь города бережет*).

Когнитивная интерпретация семантики единиц номинативного поля концепта *город* позволяет представить (на данном этапе исследования) основные когнитивные признаки концепта *город* следующим образом:

- 1) крупный населенный пункт с населением более 12 тыс. человек, причем не менее 85% населения занято вне сельского хозяйства;
- 2) присутствуют административные органы, которые обеспечивают управление по особому положению;
- 3) развита торговля, на рынках циркулирует значительный объем товаров, происходит экспорт/импорт товаров;

- 4) развитая транспортная система и как следствие наличие потоков автомобилей, автостоянок, (скоростных) дорог, авто- и железнодорожных вокзалов;
- 5) наличие социального состава населения (рабочие, служащие, интеллигенция) с большим разнообразием жизненных укладов, потребностей, вкусов, привычек;
- 6) неблагоприятная экологическая обстановка и как следствие мероприятия по озеленению города, наличие парков, скверов, бульваров;
- 7) наличие культурных, промышленных и оздоровительных учреждений;
- 8) отложенная система инженерных сооружений и коммуникаций, наличие сети коммунально-бытовых учреждений;
- 9) разнообразие видов профессий с повышенной долей занятости в сферах науки, искусства, управления;
- 10) концентрация и интенсивность различных форм социального общения.

Современные города делятся на малые (до 50 тыс. жителей), средние (до 100 тыс. жителей), большие (до 250 тыс.), крупные (до 500 тыс.), крупнейшие (около 1 млн.) и города-миллионеры (свыше 1 млн. жителей).

- Введенский Б.А. Энциклопедический словарь: В 3-х томах. – М., 1955.
- Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1989.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М., 1967.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005.
- Прохоров А.М. Российский энциклопедический словарь. – М., 2001.
- Стернин И.А. Когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований // Новое в когнитивной лингвистике / [под ред. М.В. Пименовой]. – Кемерово, 2006. – С. 155-163.

З.С. Мержоева

Концепт *родство* в русском и ингушском языковых сознаниях

В современном языкоznании активно изучаются концептосфера различных языков. Исследования подобного рода проводятся в рамках различных наук: лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики. К настоящему времени пока еще не существует единого, признаваемого всеми определения концепта, нет и единой типологии концептов. В значительной степени это обусловлено разнообразием явлений, подвергающихся концептуальному анализу, многообразием подходов к рассмотрению концептов, использованием

различного материала для их исследования. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, определение понятия «концепт» является одной из актуальных задач современной когнитивной лингвистики (Попова, Стернин 2003, с. 17).

Обычно выделяется несколько видов концептуального анализа (историко-культурологический, лингвокультурологический, психолингвистический, лингвокогнитивный), несколько видов концептов (представление, схема, фрейм, сценарий, гештальт и др.), различные формы языковой репрезентации концептов (лексема, фразеологизм, словосочетание, ассоциативно-смыслоное поле, текст и др.). При этом, как отмечают многие исследователи, тип концепта определяет способ его вербализации и методику исследования данного концепта.

Одной из наиболее актуальных задач современной когнитивной лингвистики является выявление культурно значимых и социально значимых концептов, а также описание национально-культурных и социально-групповых картин мира. Этим вопросам посвящены работы таких исследователей, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.А. Булыгина, А.Д. Шмелев, Е.С. Кубрякова, Н.В. Уфимцева, Д.С. Лихачев, А. Вежбицка, Ю.Н. Кацулов, В.И. Карасик, Н. Ф. Алефиренко, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин. Вслед за Е.С. Кубряковой мы понимаем концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и ту информационную структуру, которая отражает знания и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова 1996, с. 90).

Концепты рассматриваются нами как составляющая человеческого сознания, в совокупности образующие его глубинный когнитивный слой. В качестве объекта изучения в нашей работе выступает русское и ингушское коллективные языковые сознания. Предмет исследования – концепт *родство*, который мы анализируем на материале русского и ингушского языков.

В основу исследования была положена гипотеза о том, что концепт *родства* может иметь общие и различные черты в разных лингвокультурных и социально-групповых сообществах.

Для проверки данной гипотезы нами был проведен пилотажный свободный ассоциативный эксперимент с носителями русского языка в возрасте от 18 до 22 лет (20 человек) и носителями ингушского языка (по национальности – ингушами, осетинами и чеченцами) в возрасте от 18 до 20 лет (20 человек). В качестве стимулов испытуемым предъявлялись слова, входящие в семантическое поле родства: термины родства – *мать, отец, брат, сестра, дядя, тетя, сын, дочь, бабушка, дедушка, муж, жена*; общие наименования – *семья, родня, дом*; семейные праздники – *именины, день рождения, свадьба*.

Цель исследования состояла в выявлении общих и варьирующих свойств концепта *родство* в современном российском и ингушском

лингвокультурных сообществах, а также общих и варьирующих свойств этого концепта внутри одного лингвокультурного сообщества.

Как показало исследование, одни и те же слова могут выступать и в качестве стимулов, и в качестве реакций, и на разные стимулы могут даваться одни и те же реакции.

Так, например, носители русского языка на стимул **семья** дают реакции *мама, дом, дети, дочь*, на стимул **родня** – реакции *семья, мама, родственники*, на стимул **дом** – реакции *семья, мама*, на стимул **мать** – реакции *отец, дом* и т.п.

Носители ингушского языка на стимул **семья** (дезал) дают реакции *любовь* (безам), *родители* (да – нана), на стимул **дом** (ценош) – реакции *семья* (дезал), *тепло* (йловхал), на стимул **мать** (нана) – реакции *тепло* (йловхал), *забота* (йоакхо), на стимул **родня** (гаргараңах) – реакции *помощь* (гло), *уважение* (ларх1ар), на стимул **отец** (да) – реакцию *уважение* (ларх1ар), на стимул **бабушка** (даь наьна, наьна нана) – реакцию *тепло* (йловхал), на стимул **дядя** (даь воша, наьна воша) – реакции *помощь* (гло), *опора* (глортор), на стимул **брать** (воша) – реакцию *опора* (глортор) и т.п.

Дальнейший анализ приведенных реакций показал, что в восприятии и оценке концепта *родство* между носителями русского и ингушского языков наблюдается как сходство, так и различия.

Рассмотрим в качестве примера реакции на стимулы *мать, отец, сестра, брат, сын, дочь, бабушка, дедушка*.

Реакции на стимул **мать** достаточно схожи. Для носителей русского языка мать ассоциируется, прежде всего, с заботой, добротой, любовью, это родной человек. Для носителей ингушского языка мать – это подруга, она также ассоциируется с теплом, заботой, любовью. Это свидетельствует о том, что наполнение концепта *мать* сходно в ингушском и русском языках.

Несколько иная ситуация наблюдается с реакциями на стимул **отец**. Для носителей русского языка отец – это, прежде всего, глава семьи или отец семейства, он сильный, но в то же время веселый и добрый. На стимул **отец** была также дана реакция *деньги*, то есть отец ассоциируется с добытчиком, он зарабатывает деньги.

Интересно то, что в русских пословицах содержится схожее отношение к отцу и к матери. Мать любит детей, а дети тянутся к ней за лаской, за поддержкой, как к самому родному человеку (ср. *Птица радуется весне, а младенец матери; Жена для совета, теща для привета, а нет родней родной матери*). Отец же в пословицах прежде всего глава семьи, главный работник, добытчик, опора жене и детям (*Держись, как за отца родного; Отцам копить, а деткам сорить*) (Листрова-Правда 1999, с. 23-24).

Для носителей ингушского языка отец ассоциируется с хозяином, он строгий, но справедливый, к отцу надо проявлять уважение. Таким образом, концепт *отец* в русском и ингушском языках содержит как общие, так и различные признаки. Общим является отношение к отцу как к

главе семьи, хозяину. Варьируется то, что связано с культурными различиями. В ингушской культуре гораздо сильнее проявляется уважительное отношение к отцу и к старшим людям вообще.

Подобное же различие наблюдается в ассоциациях на стимулы *сын* и *дочь*. В ассоциациях ингушей сын воспринимается прежде всего как наследник, в ассоциациях русских – как ребенок, маленький мальчик. Дочь в обоих случаях – это помощница, добрая и нежная.

Бабушка у носителей ингушского и русского языков ассоциируется с добротой, теплотой, деревней и пирожками. **Дедушка** для носителей русского языка – это, прежде всего, старик, старый человек. Для носителей ингушского языка на первый план выступают такое качество дедушки, как мудрость, дедушка – это глава семьи, как и отец.

Что касается реакций на стимулы *брать* и *сестра*, то здесь различия наблюдаются в обоих случаях. Реакции на стимул *сестра* у носителей русского языка носят как положительный, так и отрицательный характер. Сестру можно защищать, по ней можно скучать, но сестра может быть дурой, лентяйкой, вредной. Носителями ингушского языка сестра оценивается исключительно положительно. Сестра – это подруга, от нее исходят доброта и понимание.

Аналогичная картина наблюдается с реакциями на стимул *брать*. У носителей русского языка присутствует двойственная оценка. Брат может быть смелым, шустрым, а может быть хулиганом, который спорит. Носители ингушского языка дают только положительные реакции. Брат – это опора, друг и т.п.

Анализ данных реакций свидетельствует о различном оценочном компоненте концептов *сестра* и *брать* в ингушском и русском языках. В ингушском языке эти концепты содержат только положительную оценку. В русском языке оценка является двойственной.

Интересным представляется тот факт, что в парах *отец – мать*, *дедушка – бабушка* и *сын – дочь* различается восприятие терминов родства, обозначающих лиц мужского пола (отец и сын). Восприятие же наименований лиц женского пола практически не имеет лингвокультурных отличий.

Исследование ассоциативных реакций показало, что составляющие концепта *родство* можно разделить на две группы.

Первую группу образуют языковые элементы, лингвокультурное варьирование которых является незначительным. Их немного, к ним относятся слова «мать», «дочь», «бабушка», «дом», «день рождения», «именины». Дом у носителей обеих языков связывается с семьей, домашним очагом, теплом, уютом. День рождения – с подарками, тортом, приходом друзей и грустью. Именины – с праздником, подарками, поздравлениями.

Вторую группу составляют все остальные слова, значение которых варьируется достаточно широко.

Таким образом, концепт *родство* получает в большей степени различную, чем одинаковую интерпретацию у носителей русского и ингушского языков.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2003.

Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 90-93.

Листрова-Правда Ю.Т. Концепты МАТЬ и ОТЕЦ в русских пословицах и поговорках // Язык и национальное сознание. – Вып. 2. – Воронеж, 1999. – С. 23-24.

И.А. Морозова

О гендерной специфике концепта

Актуальность данного вопроса обусловлена, с одной стороны, интересом современного языкоznания к проблемам отражения в языке концептосферы народа, а с другой – важностью учета фактора субъекта, в частности его принадлежности к одной из двух биосоциальных групп, в содержании и структуре отдельного концепта и когнитивной модели мира в целом.

В настоящее время ведутся исследования, касающиеся как различий мужской и женской картины мира в целом (Холод 1997), так и гендерных различий в структуре отдельных концептов, ассоциативных полей (Рудакова 2003, с. 18-19; Воркачев 2004, с. 189-203; Адонина 2006, с. 86-90 и др.). И.Г. Серова предлагает даже ввести понятие *гендерной интерпретанты* как части значения, отражающей знание гендерных смыслов, которые должны быть учтены в процессе коммуникации для ее полноценного протекания (Серова 2006, с. 73). В связи с этим расширение гендерной специфики (равно как и возрастной) считаем необходимым элементом изучения когнитивных единиц. Понятно, что далеко не каждый из имеющихся методов и приемов исследования концептов позволит получить соответствующий материал.

Из всего многообразия методик (подробную характеристику см.: Попова, Стернин 2002, с. 101-147) для описания содержания и структуры концептов в гендерном аспекте наиболее эффективно могут быть использованы психолингвистические эксперименты, анализ художественных, публицистических текстов и анализ устного, разговорного словоупотребления. Перечисленные приемы активно применяются в комплексных лингвокогнитивных исследованиях многих концептов.

В качестве примера обратимся к концепту *любовь*, относительно которого С.Г. Воркачев делает справедливое замечание: «Наиболее «гендерным», отражающим социально-биологическую специфику пола концептом является, бесспорно, любовь, которая, собственно, и порождается половой дифференциацией людей» (Воркачев 2004, с. 189).

Названный концепт относится к числу фундаментальных культурных концептов, он неоднократно подвергался лингвокогнитивному исследованию. Так, Ю.С. Степанов показывает значимость этого эмоционального концепта для носителей языка и для культуры в целом (Степанов 1997, с. 290-303), Л.Н. Чурилина на материале ассоциативного тезауруса представляет данную когнитивную единицу в наивно-языковой картине мира (Чурилина 2001, с. 145-148), С.Г. Воркачев анализирует паремии и афоризмы, объективирующие концепт (Воркачев 2003, с. 189-208), С.В. Мартинек характеризует амбивалентность этого ментального образования (Мартинек 2004, с. 33-37); Л.Е. Вильмс дает сопоставительное описание концепта в русской и немецкой языковой картине мира (Вильм 2005, с. 138-150), Е.Ю. Балашова анализирует бинарную оппозицию *любовь – ненависть* (Балашова 2005, с. 150-174) и др. Несмотря на разносторонний интерес ученых к этому концепту, подробного рассмотрения гендерной специфики его содержания и структуры не было.

Напомним, что анализ ключевого слова «любовь» с помощью различных лексикографических источников (толковых словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, БАС, МАС, С.А. Кузнецова; Словообразовательного словаря А.Н. Тихонова; Частотного словаря под. ред. Л.Н. Засориной; Словаря сочетаемости русского языка под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковина) позволяет установить следующее:

- семантическая структура лексемы *любовь* включает 3 значения:
 1. Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-либо. *Материнская любовь. Любовь к другу.*
 2. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. *Первая любовь. Страстная, пылкая любовь.*
 3. к чему. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо. *Любовь к театру. Любовь к книгам* (Кузнецов 2004, с. 509);
- словообразовательное гнездо глагола любить насчитывает 287 однокоренных слов;
- синтагматические отношения представлены 167 словосочетаниями;
- частотными в употреблении являются номинативные единицы: *любить* (632), *любовь* (140), *любимый* (79) и др.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что концепт *любовь* в русском языке лексически хорошо разработан, имеет большую концептуальную значимость, актуален для национального сознания, коммуникативно релевантен. Ключевое слово имеет объемную семантическую, словообразовательную, синтагматическую структуру, характеризуется высокой частотностью употребления. В содержании концепта выделяются следующие когнитивные признаки:

- положительное глубокое чувство к кому-, чему-либо;
- привязанность, склонность, тяготение к кому-, чему-либо;
- наличие субъекта/ объекта чувства;
- основа чувства (половое влечение, преданность, общность интересов, идеалов и др.);
- интенсивность чувства (сильная, глубокая и др.).

Однако лексикографическое описание слов-репрезентантов не дает возможности выявить многие когнитивные признаки концептов, определить его гендерную специфику. Основываясь на результатах свободного ассоциативного эксперимента, покажем, как это позволяют сделать психолингвистические методы. По мнению И.А. Стернина, именно с помощью экспериментальных процедур можно «выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в сознании носителей языка» (Стернин 2003, с. 12).

В нашем экспериментальном опросе участвовало 120 информантов: 55 курсантов IV курса Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков, 65 студентов (5 юношей, 60 девушек) V курса историко-филологического факультета ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт». Время проведения эксперимента – 2005 г. Возраст испытуемых – 20-23 года, родной язык – русский. Информантам предлагалось записать пять первых пришедших им в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений) на слово-стимул «любовь».

Получено было 508 реакций: не все респонденты дали пять ассоциаций. Количественный анализ экспериментального материала показывает, что количество ассоциаций, полученных у девушек, равно количеству ассоциаций у юношей (254), из них у девушек различных реакций – 63, у юношей – 56.

При описании были учтены все реакции, предложенные испытуемыми, поскольку, как указывают З.Д. Попова, И.А. Стернин, «в применении ассоциативных экспериментов к анализу когнитивных структур могут использоваться и последующие за первой ассоциации, поскольку в когнитивном анализе выявляются и вводные значения, и косвенные когнитивные признаки, обнаруживаемые как раз в последующих ассоциациях» (Попова, Стернин 2006, с. 131).

Для выявления гендерной специфики исследуемого концепта опишем отдельно ассоциативные поля, содержащие реакции девушек и юношей (сходные по смысловому содержанию, ассоциаты обобщены, их частотность суммирована).

Девушки

Любовь (254) – счастье 32; нежность, любимый 15; взаимопонимание 14; красота 11; жизнь, чувства 10; верность 8; семья, 7; весна, доверие, красный цвет, сердце 6; дружба, секс 5; любовь зла – полюбишь и козла,

романтика, солнце, тоска 4; дети, душа, забота, радость, слезы, страдания, уважение 3; боль, муж, наслаждение, парень, преданность, свидание, страсть, удовольствие, улыбка 2; безумие; вечер; взаимоотдача; внимание; волнение; встреча; гармония; долг; дом; дорогой; искренность; луче други; морковь; настоящая; несвобода; ночь; объятия; огонь в груди; одна; ожидание; переживания; правдивость; разлука; свадьба; симпатия; скука; цветы; чистота 1.

Юноши

Любовь (254) – секс 30; девушка 23; взаимопонимание 19; чувства 17; поцелуи 14; нежность, радость 11; весна 10; красота 8; дети 7; цветы 6; презерватив, сердце, счастье, чистота 5; деньги, мама, постель 4; доверие, забота, звезды, мечты, расстояние, ревность, семья, страдания, переживания, хорошее настроение 3; взаимность, болезнь, дом, кайф, общение, подарки, свадьба 2; большая; внуки; восхищение; единственная; изобретательность; ласка; малышка; молодая пара; морковь; музыка; на всю жизнь; ненависть; нетерпение; ночь; ожидание; преданность; привязанность; проблемы; роман; танец; удовольствие 1.

Следующий этап в обработке психологического эксперимента – выявление когнитивных классификационных признаков концепта. С этой целью полученные реакции мы распределили по смысловым зонам (отдельно у девушек и юношей), которые далее интерпретировались нами как классификационные признаки концепта.

Классификационные признаки (девушки)

Эмоциональная характеристика 101: счастье 32, нежность 23, чувства 10, тоска, романтика, солнце 4, радость, страдание, слезы 3, боль, наслаждение, страсть, улыбка, удовольствие 2, волнение, огонь в груди, переживания, скука, безумие 1.

Выражаемые взаимоотношения 49: взаимопонимание 14, верность 8, доверие 6, дружба 5, забота, уважение 3, преданность 2, взаимоотдача, внимание, гармония, долг, искренность, несвобода, правдивость, симпатия 1.

Субъекты / объекты любви 33: любимый 15, жизнь 10, дети 3, муж, парень 2, дорогой 1.

Форма и знаки любви 20: поцелуи 7, секс 5, свидание 2, встреча, объятия, ожидание, разлука, свадьба, цветы 1.

Эстетическая оценка 15: красота 11, чистота, настоящая, лучше других 1.

Символы любви 15: красный цвет, сердце 6, душа 3.

Время проявления 8: весна 6, вечер, ночь 1.

Место проявления 8: семья 7, дом 1.

Прецедентные тексты 5: любовь зла, полюбишь и козла 4, морковь 1.

Классификационные признаки (юноши)

Эмоциональная характеристика 66: *чтвства 17, нежность, радость 11, счастье 5, ревность, страдания, переживания, хорошее настроение 3, болезнь, кайф 2, восхищение, ласка, ненависть, трепет, удовольствие, проблемы 1.*

Выражаемые взаимоотношения 31: *взаимопонимание 19, доверие, забота 3, общение, взаимность 2, преданность, привязанность 1.*

Объекты любви 38: *девушка 23, дети 7, мама 4, внуки, малышка, молодая пара, единственная 1.*

Время проявления 11: *весна 10, ночь 1.*

Место проявления 5: *семья 3, дом 2.*

Эстетическая оценка 15: *красота 8, чистота 5, большая, на всю жизнь 1.*

Форма и знаки любви 58: *секс 30, поцелуи 14, цветы 6, подарки, свадьба 2, роман, танец, нетерпение, ожидание 1.*

Символы любви 5: *сердце 5.*

Атрибуты любви 15: *презерватив 5, деньги, постель 4, музыка, изобретательность 1.*

Классификационные признаки концепта «любовь» в сознании юношей и девушек в основном совпадают, за исключением признака «Атрибуты любви», который по экспериментальным данным содержится только в мужском сознании. Однако количество женских и мужских реакций, отнесенных к тем или иным классификационным признакам, будет разным, например, у девушек гораздо больше реакций, дающих эмоциональную характеристику. Подобные различия находят яркое отражение при выявлении когнитивных дифференциальных признаков и моделировании концепта как полевой структуры.

После проведения когнитивной интерпретации результатов эксперимента в содержании концепта «любовь» выделяем когнитивные признаки, которые распределяются по зонам ядра и периферии с учетом яркости и частотных разрывов и дают возможность описать полевую организацию концепта. Представим полученный материал в виде таблицы (см. таблицу 1).

Как видно из таблицы, выделено по 23 признака в содержании концепта у девушек и юношей: 16 совпадающих, 7 различных. Так, только в сознании девушек выделены когнитивные признаки: *имеет символическое обозначение в виде красного цвета; сопровождается установлением дружеских взаимоотношений; не всегда контролируется разумом; предполагает встречи влюбленных; связано с определенными ограничениями, обязанностями; вызвано симпатией; тяжело переносится в разлуке.* Только в сознании юношей закреплены следующие признаки концепта: *связано с контрацепцией, требует денег, связано с общением, предполагает взаимность, требует изобретательности, сопровождается музыкой.*

Следует подчеркнуть, что общий признак *представляет собой чувство удовлетворения* имеет определенную женскую специфику. В сознании девушек в большинстве случаев это высшее удовлетворение – счастье.

Таблица 1

Девушки	Юноши
ЯДРО 46, 5%	54, 7%
<ul style="list-style-type: none"> – представляет собой чувство удовлетворения (чаще высшего – счастья) 85 (<i>счастье 32, нежность 23, чувства 10, романтика, солнце 4, радость 3, наслаждение, страсть, улыбка, удовольствие 2, огонь в груди 1</i>); – проявляется к определенному объекту /субъекту 33 (<i>любимый 15, жизнь 10, дети 3, муж, парень 2, дорогой 1</i>); 	<ul style="list-style-type: none"> – представляет собой чувство удовлетворения 52 (<i>чувства 17, нежность, радость 11, счастье 5, хорошее настроение 3, кайф 2, восхищение, ласка, удовольствие 1</i>); – предполагает физический контакт, близость или стремление к этому 49 (<i>секс 30, поцелуй 14, постель 4, танец 1</i>); – проявляется к определенному субъекту 38 (<i>девушка 23, дети 7, мама 4, внуки, малышка, молодая пара, единственная 1</i>);
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ 26, 4%	22%
<ul style="list-style-type: none"> – может сопровождаться отрицательными эмоциями 16 (<i>тоска 4, страдания, слезы 3, боль 2, безумие, переживание, скука, волнение 1</i>); – характеризуется взаимопониманием 15 (<i>взаимопонимание 14, гармония 1</i>); – оценивается как подлинное, красивое, возвышенное чувство 14 (<i>красота 11, чистота, настоящая, лучшее других 1</i>); – предполагает физический контакт, близость или стремление к этому 13 (<i>поцелуй 7, секс 5, объятия 1</i>); – предполагает верность, преданность партнеров 10 (<i>верность 8, преданность 2</i>); 	<ul style="list-style-type: none"> – характеризуется взаимопониманием 19 (<i>взаимопонимание 19</i>); – может сопровождаться отрицательными эмоциями 14 (<i>ревность 3, страдание, переживание 3, болезнь 2, ненависть, трепет, проблемы 1</i>); – оценивается как подлинное, красивое, возвышенное чувство 13 (<i>красота 8, чистота 5</i>); – зарождается весной 10 (<i>весна 10</i>);

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
20, 5%	9%
<ul style="list-style-type: none"> – локализуется в сердце, душе 9 (<i>сердце 6, душа 3</i>); – построено на доверии 8 (<i>доверие 6, правдивость, искренность 1</i>); – является основой семейных отношений 8 (<i>семья 7, дом 1</i>); – имеет символическое обозначение в виде красного цвета 6 (<i>красный цвет 6</i>); – зарождается весной (<i>весна 6</i>); – предполагает заботу о другом 5 (<i>забота 3, взаимоотдача, внимание</i>); – сопровождается установлением дружеских взаимоотношений 5 (<i>дружба 5</i>); 	<ul style="list-style-type: none"> – сопровождается разнообразными знаками внимания 8 (<i>цветы 6, подарки 2</i>); – локализуется в сердце 5 (<i>сердце 5</i>); – является основой семейных отношений 5 (<i>семья 3, дом 2</i>); – связано с контрацепцией 5 (<i>презерватив 5</i>);
КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
6,6%	14,3%
<ul style="list-style-type: none"> – предполагает встречи влюбленных 3 (<i>свидание 2, встреча</i>); – строится на уважении 3 (<i>уважение 3</i>); – вызвано симпатией 2 (<i>симпатия 2</i>); – проявляется активно вечером и ночью 2 (<i>вечер, ночь 1</i>); – связано с определенными ограничениями, обязанностями 2 (<i>нечеловеческое, долг 1</i>); – связано с торжеством по случаю бракосочетания 1 (<i>свадьба</i>); – сопровождается разнообразными знаками внимания 1 (<i>цветы</i>); – тяжело переносится в разлуке (<i>разлука</i>); – не всегда контролируется разумом 1 (<i>безумие</i>). 	<ul style="list-style-type: none"> – требует денег 4 (<i>деньги 4</i>); – предполагает заботу о других 3 (<i>забота 3</i>); – построено на доверии 3 (<i>доверие 3</i>); – возможны волнующие отношения 3 (<i>роман, ожидание, нетерпение 1</i>); – предполагает взаимность 2 (<i>взаимность 2</i>); – имеет длительную протяженность времени 2 (<i>большая, на всю жизнь 1</i>); – связано с общением 2 (<i>общение 2</i>); – предполагает верность, преданность партнеров 2 (<i>преданность, привязанность 1</i>); – связано с торжеством по случаю бракосочетания 2 (<i>свадьба 2</i>); – проявляется активно ночью 1 (<i>ночь</i>);

	<ul style="list-style-type: none"> – требует изобретательности (<i>изобретательность</i>); – сопровождается музыкой (<i>музыка</i>).
--	--

Распределение выявленных когнитивных признаков по основным структурным компонентам – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю – дает следующую картину (таблица 2).

Таблица 2

Девушки	Юноши
ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБРАЗ	
ИНФОРМАЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ	
<ul style="list-style-type: none"> – имеет символическое обозначение в виде красного цвета (6) 	<ul style="list-style-type: none"> – представляет собой чувство удовлетворения (85); – проявляется к определенному субъекту (33); – предполагает верность, преданность партнеров (10); – предполагает физический контакт, близость или стремление к этому (13);
ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ <i>оценочная зона</i>	
<ul style="list-style-type: none"> – может сопровождаться отрицательными эмоциями (16); – оценивается как подлинное, красивое, возвышенное чувство (13); 	<ul style="list-style-type: none"> – может сопровождаться отрицательными эмоциями (14); – оценивается как подлинное красивое возвышенное чувство (13); – возможны волнующие отношения (как положительные, так и отрицательные) 3;
<i>энциклопедическая зона</i>	
<ul style="list-style-type: none"> – характеризуется взаимопониманием (15); – локализуется в сердце, душе (9); – является основой семейных отношений (8); – зарождается весной (6); 	<ul style="list-style-type: none"> – характеризуется взаимопониманием (19); – зарождается весной (10); – сопровождается разнообразными знаками внимания (8); – локализуется в сердце (5);

<ul style="list-style-type: none"> – проявляется активно вечером и ночью (2); – вызвано симпатией (2); – связано с торжеством по случаю бракосочетания (1); – построено на доверии (8); – сопровождается установлением дружеских взаимоотношений (5); – строится на уважении (3); – вызвано симпатией (2); 	<ul style="list-style-type: none"> – является основой семейных отношений (5); – построено на доверии (3); – имеет длительную протяженность во времени (2); – связано с общением (2); – связано с торжеством по случаю бракосочетания (2); – проявляется активно вечером и ночью (2);
утилитарная зона	
<ul style="list-style-type: none"> – предполагает встречи (3); – сопровождается разнообразными знаками внимания (1); – тяжело переносится в разлуке (1); – не всегда контролируется разумом (1); 	<ul style="list-style-type: none"> – предполагает взаимность (2); – требует изобретательности (1); – связано с контрацепцией (5); – требует денег (4);
регулятивная зона	
<ul style="list-style-type: none"> – предполагает заботу о другом (5); – связано с определенными ограничениями, обязанностями (2). 	<ul style="list-style-type: none"> – предполагает заботу о другом (3).

Таким образом, результаты свободного ассоциативного эксперимента позволили увидеть гендерные различия в содержании и структуре концепта «любовь». Как показывает опыт, другие экспериментальные методики (направленный ассоциативный и рецептивный эксперимент) подтверждают данные, полученные в ходе описываемого эксперимента, и позволяют выявить дополнительные когнитивные признаки, характерные для мужского и женского сознания.

Обращение к художественным, публицистическим текстам и анализ устного разговорного словоупотребления, т.е. применение совокупности методов и рассмотрение полученного материала в гендерном аспекте даст возможность более полно представить когнитивные классификационные и дифференциальные признаки изучаемой ментальной единицы и тем самым точнее описать содержание концепта «любовь» в сознании представителей разных гендерных групп носителей языка.

сборник трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 86-90.

Балашова Е.Ю. Концепты *любовь и ненависть* // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т.1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 150-174.

Вильмс Л.Е. Концепт *любовь* // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т.1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 138-150.

Воркачёв С.Г. Концепт *любовь* в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. – Волгоград, 2003. – С. 189-208.

Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 2004.

Мартинек С.В. Амбивалентность концепта *люви* (по результатам ассоциативных экспериментов) // www.referatik.ru.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2002.

Попова З.Д. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2006.

Рудакова А.В. Объективация концепта *быт* в лексико-фразеологической системе русского языка: Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. – Воронеж, 2003.

Серова И.Г. Гендер как фактор когниции и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 65-74.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.

Стернин И.А. Уровни описания языкового сознания // Филология и культура: Материалы IV Международной научной. – Тамбов, 2003. – С. 11-14.

Холод О.М. Речевые картины мира мужчин и женщин. – Днепропетровск: Пороги, 1997.

М.С. Онищенко

Особенности макроструктуры концепта *свободная страна* в русской, немецкой и американской национальной концептосфере

Выявление когнитивных признаков концепта *свободная страна* для моделирования макроструктуры концепта проводилось двумя способами: по результатам свободного ассоциативного эксперимента и по данным анализа авторских высказываний.

В рамках свободного ассоциативного эксперимента испытуемым был задан вопрос: «Напишите, пожалуйста, слова, которые приходят Вам в

голову, когда Вы слышите словосочетание "свободная страна"». От испытуемых была получена 551 реакция: 223 русских (от 80 респондентов), 154 немецких (от 56 респондентов), 151 американская (от 60 респондентов). Для проведения анализа авторских высказываний в Интернете был осуществлен поиск высказываний (на данном этапе исследования – по 50 для каждого языка), содержащих фразу «у нас свободная страна», часто звучащую в речи и вскрывающую прагматические и контекстуальные особенности спонтанного употребления в национальном дискурсе словосочетания «свободная страна», репрезентирующей исследуемый концепт. Это позволило обнаружить дополнительные когнитивные признаки, которые могут быть не выявлены по данным эксперимента.

По данным ассоциативного эксперимента макроструктура концепта может быть смоделирована следующим образом.

РУССКИЙ КОНЦЕПТ *СВОБОДНАЯ СТРАНА*

1. Образное содержание

Перцептивный образ

Зрительный образ 43 (19,28%): *красивая природа 12, солнце 4* и др.

Звуковой образ 1 (0,45%): *не шипят в спину 1.*

Когнитивный образ

Чувства и эмоции 9 (4,03%): *счастье 2, счастливые люди 5* и др.

Отношение 8 (3,58%): *любовь 4, патриотизм 2* и др.

Психологический настрой 5 (2,24%): *уверенность 4* и др.

Моральные качества 5 (2,24%): *народ – гордый 1, доброта 4.*

Физическое состояние 2 (0,90%): *здравье 2.*

Интеллектуальные качества 1 (0,45%): *народ – мудрый 1.*

Образный компонент в целом включает в себя 74 когнитивных признака, что составляет 33,18% от общего числа признаков.

2. Информационное содержание

Наличие и соблюдение гражданских прав и свобод 36 (16,14%): *свобода слова 12, свобода выбора 6, свобода печати 3* и др.

Демократический строй 11 (4,94%).

Близость респондентам 9 (4,04%): *Россия 6* и др.

Независимость страны 9 (4,04%).

Равенство всех перед законом 7 (3,34%).

Наличие рыночной экономики 2 (0,90%).

Информационный компонент в целом включает в себя 74 когнитивных признака, что составляет 33,18% от общего числа когнитивных признаков, составляющих содержание концепта.

3. Интерпретационное поле

Общеоценочная зона

Свободная страна – это хорошо 8 (3,58%): *величие 1, хорошее и хорошо себе и всем 1, что-то такое доброе 1, светлое 1, благополучие 1, хорошие деньги 1, благоденствие 1, благосостояние 1.*

Свободная страна – это плохо 3 (1,35%): *брезгливость... лицемерное "продажное" понятие, которым спекулируют 1, гадость 1, бедность 1.*

Утилитарная зона

Беспредел 11 (4,93%): *беспредел 2, вседозволенность и др.*

Спокойная обстановка 9 (4,03%): *стабильность 2, спокойствие, мир в нации 2 и др.*

Чувство защищенности 8 (3,59%).

Качественное социальное обеспечение 6 (2,69%).

Социально-политическая зона

Отрицание возможности существования 8 (3,59%): *утопия 3 и др.*

Специфический взгляд на особенности устройства 6 (2,68%): *утопия типа Коммунизма 1, анархия 2, нет президента, политический лидер которой выбран народом 1 и др.*

Живут свободные люди 3 (1,34%)

Идентификационная зона

Это Россия 6 (2,69%).

Это не Россия 2 (0,90%).

Развитые страны Европы 2 (0,90%).

США 1 (0,45%).

Коммунизм 1 (0,45%).

Культурная зона

Я про такое читал 2 (0,90%).

Регулятивная зона отсутствует.

Интерпретационный компонент в целом включает в себя 75 когнитивных признаков, это 33,63% от общего числа признаков, составляющих содержание концепта.

НЕМЕЦКИЙ КОНЦЕПТ СВОБОДНАЯ СТРАНА

1. Образное содержание

Перцептивный образ

Зрительный образ 6 (3,39%): *die Freiheitsstatue, lachende Kinder и др.*

Тактильный образ 1 (0,56%): *Wärme 1.*

Когнитивный образ

Отношение 4 (2,26%): *Liebe, Toleranz* 1 и др.

Чувства и эмоции 2 (1,13%): *sich frei fühlen* 1, *Spass* 1.

Психологический настрой 2 (1,13%): *angstfreies Leben* 1 и др.

Образный компонент включает в себя 15 когнитивных признаков, это 8,47% от общего числа признаков, составляющих содержание концепта.

2. Информационное содержание

Наличие и соблюдение гражданских прав и свобод 42 (23,72%): *freie Meinungsäußerung* 9, *freies Reisen* 9 и др.

Демократический строй 14 (7,34%). Наличие рыночной экономики 3 (1,69%).

Равенство всех перед законом 8 (4,52%).

Отсутствие надзора и диктата 7 (3,9%).

Независимость страны 6 (3,39%).

Избирательное право и тайное голосование 3 (1,69%).

Близость респондентам 2 (1,13%): *Deutschland ist ein guter anfang, aber noch nicht so richtig vollkommen in der hinsicht* и др.

Информационный компонент включает в себя 85 когнитивных признаков, это 48,02% от общего числа признаков, составляющих содержание концепта.

3. Интерпретационное поле

Общеоценочная зона

Этого трудно достичь 2 (1,13%).

Хорошо 1 (0,56%): *der Wunsch in einem freien Staat zu leben.* 1.

Утилитарная зона

Не останешься без возможности заработать 8 (4,52%): *Arbeit* 4, *engagierte Bürger* и др.

Качественное социальное обеспечение 5 (2,82%): *Grundversorgung für gebrechliche und kranke Menschen* 2 и др.

Можно свободно развиваться 4 (2,26%).

Нет преступности 1 (0,56%).

Спокойная обстановка 1 (0,56%): *Frieden* 1.

Социально-политическая зона

Живут свободные люди 9 (5,08%).

Отрицание вероятности существования 8 (4,52%): *Utopie* 2, *Traum* 1 и др.

Особенности устройства 4 (2,26%): *Anarchie* 2, *Volkssouveränität* 1, *Machtkontrolle* 1.

Справедливое правосудие 4 (2,26%).

Идентификационная зона

Германия/ФРГ 3 (0,56%).
 Это не Германия 2 (1,13%).
 Бавария 1 (0,56%).

Культурно-историческая зона

Французская революция (1789) 1 (0,56%).

Интерпретационный компонент в целом включает в себя 54 когнитивных признака, это 43,50% от общего числа признаков, составляющих содержание концепта.

Регулятивной зоны нет.

АМЕРИКАНСКИЙ КОНЦЕПТ *СВОБОДНАЯ СТРАНА*

1. Образное содержание**Перцептивный образ**

Зрительный образ 4 (1,98%): *drugs 1, alcohol 1, party 1, money 1*.

Когнитивный образ

Чувства и эмоции 7 (3,97%): *happy 1* и др.

Психологический настрой 4 (2,65%): *no constant state of fear, hope 1* и др.

Отношение 2 (1,32%): *free of discriminations 1, patriotism 1*.

Образный компонент включает в себя 17 когнитивных признаков, это 11,25% от общего числа признаков, составляющих содержание концепта.

2. Информационное содержание

Наличие и соблюдение гражданских прав и свобод 27 (17,88%): *freedom of speech 10, freedom of movement 5, freedom of choice 4* и др.

Близость респондентам 20 (13,24%): *the USA 16, "IN GOD WE TRUST" on our currency 1* и др.

Демократический строй 11 (7,28%).

Равенство всех перед законом 5 (3,31%).

Избирательное право, свободные выборы 4 (2,65%).

Отсутствие надзора и диктата 2 (1,32%). Право на ношение оружия 2 (1,32%).

Независимость страны 1 (0,66%).

Информационный компонент включает в себя 72 когнитивных признака, это 48,15% от общего числа признаков, составляющих содержание концепта.

3. Интерпретационное поле

Утилитарная зона

Состояние обстановки 6 (3,97%): *peace* и др.

Реализуются мечты 5 (3,31%): *the ability to pursue happiness* и др.

Не останешься без возможности заработать 4 (2,65%).

Это страна возможностей 4 (2,65%).

Качественное социальное обеспечение 1 (0,66%).

Социально-политическая зона

Живут свободные люди 12 (7,95%).

Социальная ответственность 5 (3,31%): *freedom with responsibility* 1 и др.

Демократическое устройство 4 (2,65%): *free of politics, minimal government, not being lied to by government, independent institutions* 1.

Справедливое правосудие 3 (1,98%).

Отрицание вероятности существования 1 (0,66%): *there is no TRULY free country* 1.

Идентификационная зона

Это США 13 (8,61%).

Это не какая-то другая страна 2 (1,32%): *not Russia* 1 и др.

Это не США 1 (0,66%).

Интерпретационный компонент в целом включает в себя 62 когнитивных признака, выявленных в процессе ассоциативного эксперимента – это 41,05% от общего числа признаков, составляющих содержание концепта.

По данным анализа высказываний о свободной стране, содержащихся чаще всего на форумах и в газетных статьях, получены следующие группы когнитивных признаков, частично дополняющие **регулятивную** и **утилитарную** зоны **интерпретационного поля** соответствующих концептов.

Русский концепт

Утилитарная зона: в свободной стране: каждый имеет право выбора 8 (16%); где/что/как хочу, там/то/так и делаю 6 (12%); если захочу сделать плохое – сделаю 5 (10%); у всех равные права 3 (6%).

Регулятивная зона: в свободной стране: никто не должен кого-то к чему-то принуждать или что-то запрещать 7 (14%); каждый может высказывать свое мнение, как хочет 7 (14%); никто не обязан придерживаться мнения большинства или моральных норм 6 (12%); не нравится – уходи, а не выражай недовольство 3 (6%); никто не обязан ни перед кем отчитываться 2 (4%).

Оценочная зона: свободной страны нет – она только на словах 2 (4%).

Энциклопедическая зона: свобода конкуренции 1 (2%).

Немецкий концепт

Утилитарная зона: в свободной стране: каждый имеет право обладать своим мнением и высказывать его 13 (24%); каждый имеет право выбора 12 (22,22%); каждый может говорить/делать все, что хочет (даже если кому-то это не нравится) 8 (14,81%); у всех равные права 1 (1,85%).

Регулятивная зона: никто не должен кого-то к чему-то принуждать или что-то запрещать 12 (22,22%); каждый ответственен сам за себя 3 (5,55%); никто не обязан придерживаться мнения большинства или моральных норм 2 (3,70%); делай, что хочешь, но не вреди другим 1 (1,85%); не нравится – уходи, а не выражай недовольство 1 (1,85%).

Оценочная зона: свободная страна – это не хорошо, т.к. в свободной стране «может тот, кто имеет» (деньги/власть) 1 (1,85%).

Американский концепт

Утилитарная зона: в свободной стране: каждый имеет право выбора 11 (18,96%); каждый может говорить/делать все, что хочет (даже если кому-то это не нравится) 10 (17,24%); каждый имеет право высказывать свое мнение 5 (8,62%); у всех равные права 2 (3,44%); если захочу сделать плохое – сделаю 1 (1,72%).

Регулятивная зона: в свободной стране: никто не должен кого-то к чему-то принуждать или что-то запрещать 14 (24%); не нравится – уходи, а не выражай недовольство 3 (5,17%); делай, что хочешь, но не вреди другим 3 (5,17%); ты имеешь право не согласиться 4 (6,89%); ты никому не обязан давать отчет 1 (1,72%).

Оценочная зона: свободная страна – это не хорошо, т.к. свободны только богатые и власть держащие 2 (3,44%);

Идентификационная зона: это отличительная характеристика США 2 (3,44%).

Несмотря на то, что в русских, американских и немецких высказываниях оказались актуализированными по большей части одинаковые когнитивные признаки регулятивной и утилитарной зоны, их удельный вес в макроструктуре концепта для каждого из языков различен. Национальная специфика среди прочего заключается в следующем: только в русских и американских высказываниях актуализирован признак: «если захочу сделать плохое – сделаю», причем в русских он оказался более частотным, что свидетельствует о наличии восприятия свободной страны как такой, в которой каждый имеет право на злодеяние.

Образный компонент содержания русского концепта имеет самый большой удельный вес – 41,25%, в то время как в немецком языке его вес составляет лишь 9%. Концепт рождается как образ, появившийся в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции, формирование концепта в онтогенезе идет от образного, чувственного к более абстрактному (Попова, Стернин 2001, с. 70). Данное замечание

позволяет предположить, что концепт *свободная страна* в сознании русских людей находится скорее в зачаточном состоянии, а если не в зачаточном (информационный компонент все же составляет 33,18%), то по крайней мере – не до конца сформированном.

Среди перцептивных образов русского концепта лидируют зрительные. Образный компонент немецкого концепта достаточно мал, что особенно заметно в сравнении с весом соответствующего компонента содержания русского концепта, это позволяет предположить, что в сознании жителей Германии концепт «ein freier Staat» сформирован и развит. Среди перцептивных образов также абсолютно лидируют зрительные, выявлен один тактильный признак. О сформированности концепта дополнительно свидетельствует очень большой удельный вес информационного компонента (47,65%), содержащего существенные признаки концепта. Образный компонент американского концепта значительно менее объемен, чем у русского концепта, но чуть больше, чем у немецкого.

Вес утилитарного компонента по данным ассоциативного эксперимента в каждом из концептов приблизительно одинаков, что свидетельствует об относительно равном количестве когнитивных признаков, выраждающих отношение к свободной стране и знания, связанные с проживанием в ней. Заслуживает внимания значительная разница объема социально-политической зоны русского концепта (7,61%) с одной стороны, и немецкого и американского – с другой (14,12% и 17,21% соответственно). В русском национальном сознании концепт *свободная страна* в меньшей степени является политически детерминированным и связанным с особенностями государственного устройства. Информационные компоненты немецкого и американского концепта имеют почти одинаковый вес, с разницей всего в 0,03%. Как и в немецком языке, когнитивные признаки информационного компонента большей частью вербализованы политическими терминами, отсутствуют оценочные и эмоциональные определения. Общеоценочная зона русского концепта имеет наибольший удельный вес (4,93%) по сравнению с соответствующими значениями немецкого концепта (0,69%) и американского, где общеоценочный компонент не выявлен. (Большая часть респондентов имеет конкретное представление о свободной стране (США), его уже не оценивают, а описывают). Лексические единицы, вербализующие оценочные когнитивные признаки, выделяемые русскими респондентами, отличаются яркой экспрессией. Выделено 8 признаков (3,58%) со значением положительной оценки и 3 признака (1,35%) – со значением отрицательной. Малый удельный вес общеоценочного компонента не позволяет считать ни один концепт оценочным. Если же основываться на сравнении трех исследуемых концептов, то оценочным можно условно назвать только русский. Следует обратить внимание и на объем идентификационной зоны американского концепта (10,59%) по сравнению с русским (5,39%) и немецким (2,25%). Критерии идентификации свободной страны в американском национальном сознании четко

определены. Свободная страна идентифицируется как максимально похожая на США.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2002. – 191 с.

Л.В. Павлюк

Об изучении концептов в обыденном сознании

Концепты в обыденном и научном сознании различаются по целому ряду признаков, и эти различия существенно влияют на взаимопонимание специалистов и рядовых носителей языка. Например, представления о многих языковых понятиях существенно различаются у филологов и студентов, приступающих к изучению языковых дисциплин – русский язык и культура речи, стилистика, риторика и под.

Данную проблему мы рассмотрим на материале языковых и коммуникативных концептов, определяющих представления обыденного языкового сознания о культуре речи и культуре общения и определяющих речевую культуру личности индивида.

Нами ставятся следующие задачи:

- разработка экспериментальной методики выявления содержания концептов в обыденном сознании, сопоставление эффективности разных методик;
- выявление содержания языковых концептов в сознании нефилологов-студентов;
- выявление динамики развития этих концептов в процессе обучения студентов культуре речи и русскому языку;
- сопоставление бытовых и научных языковых концептов, установление их сходств и различий;
- выявление гендерной специфики исследуемых концептов;
- установление необходимого объема и содержания лингвистического концепта в профессиональном сознании будущего специалиста;
- разработка рекомендаций по эффективному формированию адекватного содержания языковых концептов в сознании студентов для их успешной профессиональной деятельности.

Предметом исследования, таким образом, выступает содержание основных языковых и коммуникативных концептов, релевантных для формирования культуры речи и культуры общения специалиста-нефилолога с высшим образованием.

Материалом исследования являются следующие концепты:

- 1) языковые концепты – *русский язык, иностранный язык, английский язык, немецкий язык, французский язык, испанский язык, грамотность,*

грамотный, жаргон, сленг, мат, норма языка, портить язык, изменения в языке, родной язык, иностранное слово, модное слово, язык, речь, орфография, пунктуация, лингвистика, хорошая речь, культура речи, правильная речь, литературный язык, разговорная речь, богатство речи, стиль языка, речевая ошибка;

2) коммуникативные концепты – *идеальный собеседник, хороший оратор, эффективное общение, вежливость, светское общение, речевой этикет, толерантность.*

Также предметом исследования обыденного языкового сознания выступает оценочно-прагматическое отношение к языку, включающее ответы на вопросы: нравится ли вам русский язык и чем; что не нравится вам в русском языке; есть ли у вас желание и потребность в совершенствовании уровня владения русским языком; для чего необходимо хорошо владеть русским языком; какие слова и выражения вам нравятся и не нравятся в русском языке; надо ли совершенствовать свое владение иностранным языком, каким; для чего необходимо сегодня хорошо владеть иностранным языком, каким; каких навыков в русском языке вам не хватает; что вы считаете ненужным или лишним при обучении русскому языку.

Для достижения поставленных целей предлагается экспериментальная методика, включающая взаимодополняющие процедуры:

- направленный ассоциативный эксперимент (русский язык – какой? грамотность – для чего нужна? к чему ведет? что дает?);
- метод субъективных дефиниций (русский язык – это...);
- метод анкетирования с ответом в свободной форме (Хотели бы вы повысить свой уровень владения русским языком? Для чего сегодня надо хорошо владеть русским языком? и т.д.).

Выдвигается гипотеза, что данная совокупность методик позволит описать содержание и структуру исследуемых концептов в обыденном сознании носителя языка.

При этом предполагаем, что:

1) направленный ассоциативный эксперимент с ответом в атрибутивной форме (какой?) позволит выявить оценочные характеристики и наиболее яркие когнитивные признаки концепта, см. исследование Л.А. Тавдгиридзе;

2) направленный ассоциативный эксперимент с ответами на конкретные функциональные вопросы (для чего нужен? к чему ведет? что дает?) позволит установить утилитарные признаки концепта;

3) метод субъективных дефиниций позволит выявить субъективные представления о сущностных признаках концепта;

4) метод анкетирования с ответом в свободной форме позволит информантам ответить на интересующие исследователя вопросы в субъективно выбранной ими форме, что облегчит информантам выражение мысли и дополнит результаты более «строгих» экспериментов.

Таковы основные принципы исследования обыденного языкового, когнитивного и коммуникативного сознания.

Р.Д. Сетаров

Использование зоонимов для отрицательной оценки человека

Оценка человеком животных проявляется не только в их номинации, но и в переносном употреблении этих названий. Зооморфизм – это использование названий животных для обозначения других объектов и среди них характеристики человека. Возможность такого переноса на человека объясняется, с одной стороны, сложившимися представлениями у человека о данном животном, а с другой стороны – особенностью мышления древнего человека, склонного к антропоморфизму. Зооморфизм и антропоморфизм – это две стороны одной медали: обозначая человека зоонимом, мы тем самым оцениваем это животное, приписывая ему те или иные человеческие качества.

Например, название парнокопытного жвачного животного *баран* используется для отрицательной характеристики человека. В русском языке зооним *баран* объективирует когнитивный признак «глупость». Глупого человека сравнивают с бараном – *глуп, как баран. Как бараны* – говорят о бездумной, беспорядочной толпе. *Как баран на новые ворота* – означает 'смотреть с недоумением, ничего не понимая'.

У концепта *баран* (Widder, Hammel, Rammelbock) в немецком языке также объективирован когнитивный признак отрицательной характеристики человека «глупость». Выражение *der blöde Hammel* означает 'дурац, болван' (букв. 'глупый баран'). *Hammelsprung* (букв. 'прыжок барана') означает способ голосования в парламенте, при котором все депутаты выходят из зала, а затем снова входят – сначала те, кто «за», потом те, кто «против».

В польском языке концепт *баран* (baran) объективирует в непрямой номинации когнитивный признак – «глупость». Выражение о бездумной, беспорядочной толпе – *jak stado baranow* (букв. 'как стадо баранов').

Название хищного животного *волк* вызывает у носителей исследуемых языков схожие ассоциации.

У концепта *волк* в русском языке объективируются следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) злобность – русский фразеологизм *смотреть волком* означает 'смотреть недружелюбно, угрюмо';

2) представляющий опасность – *волк в овечьей шкуре* – так говорят о лицемере, скрывающем дурные намерения под маской доброжелательства.

В турецком языке концепт *волк* объективирует следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

- 1) представляющий опасность – пословица *kurta koypin inanılmaz* означает 'нельзя волку доверить овцу';
- 2) хитрый – одно из значений выражения *kurt gibi* (букв. 'как волк') 'хитрый, как волк'.

В немецком языке выявляются следующие признаки концепта *волк*:

- 1) плохой – немецкая пословица *der Wolf stirbt in seiner Haut* (букв. 'волк умирает в своей шкуре') имеет русский эквивалент *горбатого могила исправит*; выражение *sich bessern wie ein junger Wolf* (букв. 'становиться лучше, как молодой волк') означает 'становиться все хуже';
- 2) незваный, появляющийся неожиданно – фразеологизм *wie der Wolf in der Fabel* (букв. 'как волк в басне') имеет значение 'легок на помине'.

В итальянском языке объективированы следующие признаки отрицательной характеристики человека концепта *волк*:

- 1) наводящий ужас – выражение *vedere il lupo* имеет значение 'перетрусить' (букв. 'увидеть волка');
- 2) представляющий опасность – итальянская пословица гласит: *chi ha il lupo per compare, porti il cane sotto il mantello* 'если водишься с волком, будь всегда начеку' (букв. 'кто крестный отец волку, тот должен жить под маской собаки');
- 3) появляющийся внезапно – выражение *chi ha il lupo nella bocca, l'ha sulla groppa* имеет значение 'про волка речь, а он навстречь'.

Концепт *ворона* объективирует в русском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

- 1) рассеянность, невнимательность – невнимательного человека, ротозея называют *вороной*;
- 2) глупость – по народным представлениям ворона – глуповатая, мстительная, непривлекательная птица.

Концепт *karga* ('ворона') объективирует в турецком языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

- 1) ненужность, малозначительность – выражение *kargayı bulbul diye satmak* означает 'умело продать, обмануть' (букв. 'продать ворону за соловья'); другое выражение *karga derneği* означает 'сборище бродяг, всякий сброд' (букв. 'общество ворон'); пословица о малозначительности ворон: *karga kendini kuş bilir* 'и ворона мнит себя птицею';

- 2) худоба – худого, тощего человека сравнивают с вороной: *karga gibi* (букв. 'как ворона').

Концепт *cornacchia* ('ворона') объективирует в итальянском языке когнитивный признак отрицательной характеристики человека – «несчастье». Ворона – вестник несчастья.

Концепт *гусь* объективирует в русском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) не внушающий доверия, ненадежный – неодобрительно о ненадежном, не внушающем доверия человеке говорят: *хорош гусь, каков гусь и т.п.;*

2) хитрый, ловкий – хитрого и ловкого человека называют *гусь лапчатый*;

3) злобный, агрессивный – выражение *дразнить гусей* имеет значение 'вызывать раздражение, злобу'.

Концепт *kaz* ('гусь') объективирует в турецком языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) глупость – одно из переносных значений зоонима *kaz* ('гусь') – 'глупец, дурак'; пословица *Agobun kazı gibi bakmak* означает 'смотреть, как баран на новые ворота' (букв. 'смотреть, как гусь Акопа');

2) шумность – одно из переносных значений зоонима *kaz* ('гусь') – 'горлопан'.

В немецком языке концепт *Gans* ('гусь') объективирует в непрямой номинации следующие когнитивные признаки:

1) глупость – немецкое *Gans* 'гусь' имеет переносное значение 'дура';

2) шумность – выражение *Wie eine Gans schnattern* означает 'болтать вздор' (букв. 'гоготать, как гусь'); фразеологизм *Gänse ohne Schnattern gibt es nicht* имеет русский эквивалент 'нет розы без шипов' (букв. 'гусей без гогота не бывает');

3) неуклюжесть – выражение *wie eine Gans watscheln* имеет значение 'ходить вперевалку' (букв. 'переваливаться, как гусь').

Концепт *gęś* ('гусь') объективирует впольском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) глупость – одно из переносных значений зоонима *gęś* – 'дура'. Польское *gąsie* 'гусенок' имеет переносное значение 'глупая, наивная девушка';

2) наглость – фразеологизм *rządzić się jak szara gęś* означает 'хозяйничать, как у себя дома' (букв. 'хозяйничать, как царский гусь');

3) агрессивность – выражение *niech cię gęś kopnie!* означает 'черт тебя возьми!' (букв. 'пусть тебе гусь даст пинка!').

Концепт *oca* ('гусь') объективирует в итальянском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) глупость – итальянское выражение *quanto sei oca!* (букв. 'ну что ты за гусыня!') означает 'ты ничего не понимаешь'; *Fare l'oca* (букв. 'притвориться гусем') 'притворяться, делать вид, что не знаешь';

2) неуклюжесть – в итальянском языке походку вперевалку также сравнивают с гусиной: *camminare come un oca* (букв. 'ходить как гусь');

3) шумность – выражение *strillare come un'oca del Campidoglio* можно перевести глаголом 'визжать' (букв. 'кричать, как капитолийские гуси'). Этот фразеологизм о гусях, которые спасли Рим.

Концепт *дикобраз* объективирует в русском языке следующий когнитивный признак отрицательной характеристики человека – неопрят-

ность, лохматость. Дикобразом неодобрительно называют лохматого, непричесанного, неопрятного человека.

Концепт *istrice* ('дикобраз') объективирует в итальянском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) злость – выражение *soffiare com' un istrice* (букв. 'задыхаться, как дикобраз') имеет значение 'задыхаться от злости';

2) угрюмость, необщительность – угрюмого, необщительного человека, мизантропа называют *istrice* ('дикобраз').

Концепт **жеребец** объективирует в русском языке следующий когнитивный признак отрицательной характеристики человека – похотливость. Мужчину, неприлично откровенно проявляющего физиологические наклонности, называют жеребцом.

Концепт *aygır* ('жеребец') объективирует в турецком языке следующий когнитивный признак отрицательной характеристики человека – грубость, невежественность. Одно из переносных значений зоонима *aygır* ('жеребец') – грубиян, мужлан, невежа.

В русском языке концепт **заяц** объективирует следующий когнитивный признак отрицательной характеристики человека – трусость (*труслив, как заяц*).

В итальянском языке концепт *lepre* – 'заяц' также имеет когнитивный признак – трусость. Выражение *dormire come la lepre* означает 'спать очень чутко' (букв. 'спать, как заяц').

В немецком языке концепт *Hase* 'заяц' объективирует тот же когнитивный признак отрицательной характеристики человека – трусость.

Концепт **зверь** объективирует в русском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) жестокость, грубость – жестокого, грубого человека называют зверем;

2) угрюмость, мрачность – об угрюмых, мрачных людях говорят: *смотрит зверем*.

Концепт *canavar* 'зверь' объективирует в турецком языке такой когнитивный признак отрицательной характеристики человека, как жестокость, свирепость. Выражение *canavar ruhlu* (букв. 'имеющий звериную душу') имеет значение 'жестокий, бесчеловечный'.

Концепт *bestia* 'зверь' объективирует в польском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) жестокость, свирепость – одно из переносных значений зоонима *bestia* ('зверь') – 'изверг';

2) ловкость, хитрость – другое переносное значение зоонима *bestia* ('зверь') – 'плут, пройдоха, шельма'.

Концепт *belva* 'зверь' объективирует в итальянском языке когнитивный признак – жестокость, свирепость.

Концепт **змея** объективирует в русском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

- 1) коварство, хитрость – коварного, хитрого человека называют змеей;
- 2) опасность – выражение змея *подколодная* – об опасном, коварном человеке.

Концепт *yılan* 'змея' объективирует в турецком языке такие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека, как:

- 1) коварство, подлость – одно из переносных значений зоонима *yılan* ('змея') – коварный, подлый человек;
- 2) омерзительность, противность – противного, омерзительного, неприятного человека сравнивают со змеей: *yılan gibi* 'как змея';
- 3) лживость – выражение *yılan hikâyesi* (букв. 'рассказ змеи') имеет русский эквивалент 'сказка про белого бычка';
- 4) опасность – пословица об опасности змей – *yılanın başını küçükken ezmeli* 'змею следует раздавить, когда она еще маленькая'.

Концепт *Schange* 'змея' объективирует в немецком языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

- 1) коварство – коварного человека сравнивают со змеей: *wie eine Schange* (букв. 'как змея');
- 2) изворотливость – изворотливого человека сравнивают также со змеей: *wie eine Schange* (букв. 'как змея').

Концепт *żmija* 'змея' объективирует впольском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

- 1) злость – одно из переносных значений зоонима *żmija* ('змея') – гадюка, ехидна, злой человек;
- 2) коварство, подлость – выражение о коварстве, подлости змей – *wygodować żmiję na własnym łonie* (букв. 'пригреть змею на своей груди').

Концепт *sèrpe, serpente* 'змея' объективирует в итальянском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

- 1) коварство, подлость – переносное значение зоонимов *sèrpe, serpente* ('змея') – коварный, подлый, ехидный человек; выражение о коварстве змей – *nutrire la sèrpe in seno* (букв. 'прикормить змею на груди') – означает 'пригреть змею на груди';
- 2) лживость – выражение *srpènte di mare* (букв. 'морская змея, чудище морское') имеет значение 'дугая сенсация, утка';
- 3) извилистость, зигзагообразность – извилистое, зигзагообразное передвижение называют *a sèrpe* (букв. 'змеей').

Концепт *осел, ишак* объективирует в русском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

- 1) глупость – глупого, тупого человека сравнивают с ослом или ишаком;
 - 2) упрямство – упрямого человека также называют ослом или ишаком.
- Концепт *eşek* ('осел, ишак') объективирует в турецком языке схожие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:
- 1) глупость – одно из переносных значений зоонима *eşek* ('осел, ишак') – 'дурак, осталоп';

2) упрямство – выражение *eşek inadı* означает 'ослиное упрямство'.

Концепт *Esel* ('осел, ишак') объективирует в немецком языке такие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека, как:

1) глупость – одно из переносных значений зоонима *Esel* ('осел, ишак') – 'дурак, глупец'; выражение *jemanden zum Esel machen* имеет значение 'одурачить кого-либо' (букв. 'сделать кого-либо ослом'); другое выражение *er paßt dazu, wie der Esel zum Lautenschlagen* имеет значение 'он не годится для этого' (букв. 'он подходит для этого, как осел для игры на лютне'); выражение *das hieße den Esel Griechisch lehren* означает 'это напрасный труд' (букв. 'это все равно, что учить осла греческому языку');

2) трусость – выражение *ein Esel in der Löwenhaut* имеет значение 'трус, прикидывающийся храбрецом' (букв. 'осел в львиной шкуре').

Концепт *osioł* ('осел, ишак') объективирует в польском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) глупость – фразеологизм *dardanelski osioł* означает: 'олух, тушица, дурак' (букв. 'полный осел'); выражение *ośla głowa* (букв. 'ослиная голова') имеет значение 'олух, дурак'; сатирический раздел в газете, в котором приводятся забавные промахи, ошибки, называется *ośla łączka* (букв. 'ослиная лужайка');

2) упрямство – упрямого человека сравнивают с ослом: *uparty jak osioł* (букв. 'упрямый как осел').

Концепт *asino* ('осел, ишак') объективирует в итальянском языке следующие когнитивные признаки отрицательной характеристики человека:

1) глупость – переносное значение зоонима *asino* ('осел, ишак') – 'болван, дурак'; фразеологизм *è meglio un asino vivo che un dottore morto* (букв. 'лучше ослом жить, чем ученым помереть') означает 'лучше дураком жить, чем ученым помереть';

2) работоспособность – выражение *lavorare come un asino* (букв. 'работать как осел') имеет русский эквивалент *работать как вол*;

3) нечистоплотность – выражение *lavare il capo la testa, le orecchie, la schiena all'asino* (букв. 'мыть голову, уши, спину ослу') означает: 'зря стараться'; фразеологизм *è come lavare il capo all'asino* (букв. 'это все равно, что голову ослу мыть') имеет русский эквивалент *дурака учить, что мертвого лечить*.

Анализ метафорических номинаций, паремий, фразеологических номинаций, устойчивых сравнений позволяет выявить национальную специфику соответствующих национальных концептов. Наиболее близки механизмы зооморфической номинации в русском и польском, итальянском языках, наиболее сильны различия в русском и турецком, немецком языках. Немалая часть переносных значений зоонимов сравниваемых языков пересекается, то есть совпадает частично. Это свидетельство того, что явление зооморфизма (использование названий животных, устойчивых сравнений и фразеологизмов с названиями

животных для характеристики человека) свойственно в большей или меньшей степени всем языкам.

Р.Д. Сетаров

Пересечение переносных значений зоонимов в славянских, германских, романских и тюркских языках

Более ста лет назад Август Шлейхер поставил задачу установления общих законов развития языка. Он утверждал, что «...звуковые образы представлений, полученных мыслительным органом посредством чувств и понятий, образованных в этом органе, у различных людей различны, но, по-видимому, в основном одинаковы, а у людей, живущих в одинаковых условиях, тождественны... В основном одинаковые и живущие в одних условиях люди изменяют свой язык тождественным образом» (Schleicher 1869, с. 96). Однако сходство в языках может быть результатом разных причин: общности происхождения этих языков, заимствования или калькирования семантической словообразовательной модели одним языком из другого языка, случайного совпадения и, наконец, результатом независимого развития по сходным законам, то есть результатом самостоятельной реализации в разных языках одинаковых языковых тенденций.

В языках существует большое количество языковых универсалий, то есть языковых явлений, свойственных всем языкам мира или, по крайней мере, их большинству. Например, пересекающиеся когнитивные признаки у разных народов объективирует зооним ***бабочка***.

В русском языке можно выделить следующие признаки зоонима ***бабочка***:

- 1) легкость – например, *порхать бабочкой*;
- 2) несерьезность, легкомысленность – женщин легкого поведения называют *ночными бабочками*;
- 3) красота.

В польском языке у зоонима *бабочка* (motyl, motylek, śma) объективируются в непрямой номинации следующие признаки:

- 1) легкость;
- 2) несерьезность, легкомысленность – одно из переносных значений зоонима *бабочка* 'ветреник';
- 3) красота;
- 4) имеющая большие крылья – переносное спортивное значение зоонима *бабочка* 'баттерфляй'; другое переносное значение зоонима *бабочка* (мн. число motylki) – 'дамское трико'.

У зоонима *бабочка* (farfalla) в итальянском языке объективированы следующие когнитивные признаки:

1) несерьезность, легкомысленность – одно из переносных значений зоонима *бабочка* (farfalla) 'легкомысленный человек, легкомысленная женщина';

2) имеющая большие крылья – переносное значение зоонима *бабочка* (farfalla) 'бабочка (галстук)'; другое переносное значение зоонима *бабочка* (farfalla) – 'стиль баттерфляй'.

Зооним *баран* в русском языке объективирует в непрямой номинации следующие когнитивные признаки:

1) глупость – глупого человека называют *бараном*; как *бараны* – говорят о бездумной, беспорядочной толпе;

2) твердоголовость – старинное стенобитное орудие с окованным железом наконечником наподобие бараньей головы называется *баран*.

В турецком языке можно выделить следующие когнитивные признаки зоонима *баран* (koç):

1) красивый, статный – красивого, статного молодого человека называют *бараном*: *koç yiğit* (букв. 'баран парень'); выражение *koç burun* означает 'нос с горбинкой' (букв. 'бараний нос');

2) твердоголовость – старинное стенобитное орудие с окованным железом наконечником наподобие бараньей головы называется *koçbaşı* 'баран' (букв. 'баранья голова').

У зоонима *баран* (Widder, Hammel, Rammelbock) в немецком языке объективированы следующие когнитивные признаки:

1) глупость – выражение *der blöde Hammel* означает 'дурак, болван' (букв. 'глупый баран'); *Hammelsprung* (букв. 'прыжок барана') означает способ голосования в парламенте, при котором все депутаты выходят из зала, а затем снова входят – сначала те, кто «за», потом те, кто «против»;

2) твердоголовость – старинное стенобитное орудие с окованным железом наконечником наподобие бараньей головы называется *Widder* 'баран'; переносное значение зоонима *баран* (Rammelbock) – 'сапер (воен. жарг.)'.

В польском языке зооним *баран* (baran) объективирует в непрямой номинации следующие когнитивные признаки:

1) глупость – бездумную, беспорядочную толпу называют *stado baranow* (букв. 'стадо баранов');

2) твердоголовость – старинное таранное орудие называется *baran* 'баран'.

Зооним *баран* (ariète, montóne) в итальянском языке объективирует когнитивный признак: твердоголовость – старинное таранное стенобитное орудие называется *ariète* (или *montóne*) 'баран'.

В русском языке можно выделить следующие когнитивные признаки зоонима *бык*:

1) сила, здоровье – сильного, здорового человека называют *быком*;

2) злость, угрюмость – об угрюмом человеке говорят: *смотрит быком*.

Зооним *бык* (öküz, boğa) в турецком языке объективирует следующие когнитивные признаки:

1) сила, здоровье – о сильном, здоровом человеке говорят *öküz gibi* "здоровый, сильный, бык";

2) глупость – одно из переносных значений зоонима *öküz* (бык) 'тупица, недотепа';

3) медлительность – выражение *öküz arabasi gibi* имеет значение 'очень медленно делать что-либо' (букв. 'делать как бык').

У зоонима *бык* (Stier, Ochse, Bulle) в немецком языке объективированы следующие когнитивные признаки:

1) злость, свирепость – рассвирепевшего человека называют быком (Stier);

2) упрямство – упрямого человека также называют быком (Stier);

3) глупость – переносное значение зоонима *Ochse* ('бык') 'дурак, болван'; о пестро и безвкусно одетом человеке немцы говорят *bunter Ochse* (букв. 'пестрый бык');

4) грубоcть – неотесанного, грубого человека немцы называют быком: *er ist ein Bulle von Kerl* (букв. 'он бык среди парней');

5) важность – в жаргоне немецких военных *бык* (Bulle) имеет значение 'важная шишка';

6) сотрудников уголовной полиции называют *Bulle* ('бык').

В польском языке в непрямой номинации объективированы следующие когнитивные признаки зоонима *бык* (byk):

1) сила, здоровье – о сильном, здоровом человеке говорят: *zdrowy jak byk* "здоров как бык";

2) большие размеры – о чем-то хорошо видимом, различимом говорят: *jak byk*;

3) опасность – удар головой в живот называется *byk*;

4) глупость – одно из переносных значений зоонима *byk* – 'ошибка'; *Palnąć byka* (букв. 'пальнуть в быка') имеет значение 'дать маxу, совершить промах'.

У зоонима *бык* (bie, manzo, tòro) в итальянском языке объективированы следующие когнитивные признаки:

1) глупость – одно из переносных значений зоонима *bie* (бык) – 'тупица, невежда'; выражение *tasta di bie* имеет значение 'дурья голова' (букв. 'бычья голова');

2) работоспособность – *Lavorare come un bie* – букв. 'работать как бык';

3) неповоротливость, неуклюжесть – одно из переносных значений зоонима *manzo* (бык) – 'увалень';

4) сила – одно из переносных значений зоонима *tòro* (бык) – 'сильный мужчина, здоровяк'.

Зооним *голубь* в русском языке объективирует следующие когнитивные признаки:

1) чистота, невинность – голубь белого цвета – символ мира;

2) красивый – *голубь* – ласково-фамильярное обращение к мужчине; *голубка* – ласковое обращение к женщине.

Зооним *голубь* (*güvercin*) в турецком языке объективирует когнитивный признак – нежность, кротость; ласковое обращение к женщине – *güvercini'm* 'голубка'.

В польском языке зооним *голубь* (*gołąb*) объективирует когнитивный признак – чистота, невинность; голубь мира – *gołąb pokoju*.

У зоонима *голубь* (*colombo*) в итальянском языке объективирован когнитивный признак – нежность, невинность; влюбленных называют голубками (*colombo*).

Зооним *корова* в русском языке объективирует следующие когнитивные признаки:

1) неуклюжесть, нерасторопность – толстую и неуклюжую женщину называют *коровой*;

2) безотказность, безропотность – безотказный источник доходов называют *дойной коровой*;

3) глупость, отсутствие ума – глупую женщину также называют *коровой*.

Зооним *корова* (*inek*) в турецком языке объективирует в непрямой номинации следующие когнитивные признаки:

1) глупость, отсутствие ума – одно из переносных значений зоонима *inek* (корова) – дурень, турица; школьного зубрилу также называют *inek* (корова);

2) безотказность, безропотность – безотказный источник доходов называют *sağılı inek* 'дойная корова';

3) одно из переносных значений зоонима *inek* (корова) – 'шлюха, сука'.

В немецком языке у зоонима *корова* (*Kuh*) объективированы следующие когнитивные признаки:

1) отсутствие вкуса – разряженную женщину пренебрежительно называют *Kuh* 'корова';

2) безотказность, безропотность – безотказный источник доходов называют *eine melkende Kuh* 'дойная корова';

3) глупость, отсутствие ума – одно из переносных значений зоонима *Kuh* (корова) – 'дуря';

4) вредность – одно из переносных значений зоонима *Kuh* (корова) – 'старая карга'.

У зоонима *корова* (*krowa*) в польском языке объективирован следующий когнитивный признак – безотказность, безропотность. Безотказный источник доходов называют *dojna krowa* 'дойная корова'.

Зооним *корова* (*vacca*) в итальянском языке объективирует когнитивный признак – одно из переносных значений зоонима *vacca* (корова) – 'шлюха'.

Зооним *мартишка* в русском языке объективирует следующий когнитивный признак – легкомысленность. Несерьезного, кривляющегося человека называют мартышкой.

В турецком языке у зооним *мартишка* (*maymun*) объективированы следующие когнитивные признаки:

1) уродливость – выражение *tautun herif* имеет значение 'уродина, образина' (букв. 'мартышка человек');

2) капризность, изменчивость – выражение *tautun iştahlı* имеет значение 'капризный, непостоянный, изменчивый человек' (букв. 'имеющий аппетит мартышки');

3) легкомысленность – *Maутunluk* – 'ужимки, кривлянье, паясничанье' (от. *tautun* – 'обезьяна');

4) ловкость, гибкость – прямое значение слова *tautuncık* – 'маленькая обезьяна', в переносном значении это – 'отмычка'.

У зоонима *мартышка* (*koczkodan*) впольском языке объективирован когнитивный признак – уродливость. Переносное значение слова *koczkodan* ('мартышка') – 'уродина' (о женщине).

Зооним *мартышка* (*mammone*) в итальянском языке объективирует когнитивный признак – уродливость. Переносное значение слова *mammone* ('мартышка') – 'страшилище' (в сказках).

В русском языке у зоонима *овца* объективированы следующие когнитивные признаки:

1) робость, безответность – робкого, безответного человека называют *овцой*;

2) глупость – глупую женщину называют *овцой*.

Зооним *овца* (*koypı*, *márgya*) в турецком языке объективирует следующие когнитивные признаки:

1) глупость – одно из переносных значений зоонима *овца* 'простак'. Выражение *koypı bakişlı* означает 'глупый, бессмысленный взгляд' (букв. 'взгляд овцы'). Другое выражение *koypı başlı* означает 'тупоголовый, глупый' (букв. 'имеющий голову овцы');

2) небольшие размеры – одно из переносных значений зоонима *márgya* (овца) – 'мелкая рыба'.

В немецком языке у зоонима *овца* (*Schaf*) объективирован когнитивный признак – глупость. Переносное значение зоонима *Schaf* (овца) – 'дурак'.

Зооним *овца* (*owca*) впольском языке объективирует следующий когнитивный признак – многочисленность. Переносное значение зоонима *owieczka* (овечка) – 'паства, прихожане'.

У зоонима *овца* (*pècosa*) в итальянском языке объективированы следующие когнитивные признаки:

1) глупость – выражение *un branco di pècore* (букв. 'стадо овец') имеет переносное значение 'бездумная, беспорядочная толпа' и соответствует русскому выражению *стадо баранов*;

2) волнистость шерсти – облака и волны в виде барашков называются *pecorèlla* (букв. 'овечка').

Зооним *петух* в русском языке объективирует следующий когнитивный признак – задиристость, запальчивость. Задиристого, запальчивого человека называют *петухом*.

В турецком языке у зоонима *nemух* (horoz) объективированы следующие когнитивные признаки:

- 1) глупость – выражение *horoz akilli* (букв. 'петушиный ум') означает 'безмозглый';
- 2) обидчивость – выражением *horoz herif* обозначают обидчивого человека (букв. 'петушиный человек').

Зооним *nemух* (Hahn) в немецком языке объективирует когнитивный признак – задиристость, запальчивость. Выражение *wie ein Hahn hochgehen* означает 'распетушиться, разойтись' (букв. 'вспылить, разволноваться как петух').

Впольском языке зооним *nemух* (kogut) объективирует в непрямой номинации следующие когнитивные признаки:

- 1) небольшой вес – переносное значение зоонима *kogut* (петух) – 'боксер легчайшего веса';
- 2) сексуальная активность – переносное значение зоонима *kogut* (петух) – 'бабник'.

Зооним *попугай* в русском языке объективирует следующие когнитивные признаки:

- 1) яркость, пестрота – ярко и пестро одевающегося человека называют *попугаем*;
- 2) разговорчивость – монотонно, бездумно говорящего человека называют *попугаем*;
- 3) отсутствие мыслей, глупость – человека, не имеющего собственных мыслей, также называют *попугаем*.

У зоонима *попугай* (pappagallo) в итальянском языке объективированы следующие когнитивные признаки:

- 1) отсутствие мыслей, глупость – переносное значение зоонима *pappagallo* (попугай) – 'зубрилка';
- 2) наглость – другое переносное значение зоонима *pappagallo* (попугай) – 'нахал';
- 3) сексуальная активность – выражение *pappagallo della strada* имеет значение 'бабник, юбочник' (букв. 'уличный попугай').

Зооним *свинья* в русском языке объективирует следующие когнитивные признаки:

- 1) нечистоплотность, неопрятность – грязного, неопрятного человека называют свиньей;
- 2) подлость, грубость – человека, поступающего подло, грубо, также называют свиньей.

Зооним *свинья* (Schwein, Sau) в немецком языке объективирует следующие когнитивные признаки:

- 1) нечистоплотность, неопрятность – грязного, нечистоплотного человека называют *Schwein* или *Sau* 'свинья';
- 2) везение, удача – выражение *er hat Schwein* означает 'ему здорово везет' (букв. 'у него свинья'). Переносное значение зоонима *Sau* (свинья) – 'козырь, туз'.

В итальянском языке зооним *свинья* (*ciacco*, *pòrco*) объективирует в непрямой номинации когнитивный признак – нечистоплотность, неопрятность. Переносное значение зоонимов *ciacco* и *pòrco* (свинья) – 'грязный, отвратительный'. Выражение *in pòrco lavoro* означает 'грязное дело' (букв. 'работа свиньи'). *Pòrco destino* – 'проклятая судьба' (букв. 'судьба свиньи').

В русском языке у зоонима *собака* объективирован когнитивный признак – злость, жестокость. Злого, жестокого человека называют собакой.

У зоонима *собака* (*корек*, *it*) в турецком языке объективированы следующие когнитивные признаки:

- 1) негативная оценка – переносное значение зоонима *it* (собака) – 'подлец, негодяй';
- 2) выносливость – выражение *it canlı* имеет значение 'выносливый, двужильный' (букв. 'живая собака').

Зооним *собака* (*Hund*) в немецком языке объективирует когнитивный признак – негативная оценка. *Der Hund* 'собака' – бранное слово.

В польском языке зооним *собака* (*pies*) объективирует следующий когнитивный признак – негативная оценка. Переносное значение слова *pies* (пес) – 'изверг, зверь'. Прилагательное *pieski* (собачий) имеет значение 'плохой, скверный', например: *pieska pogoda* 'скверная погода' (букв. 'собачья погода'), *pieskie życie* 'собачья жизнь'.

У зоонима *собака* (*cane*) в итальянском языке объективирован когнитивный признак – плохой. Переносное значение зоонима *cane* (собака) – 'плохой, скверный'. Выражение *fatica da cane* (букв. 'собачья работа') имеет значение 'тяжелая работа', *tenore cane* – 'дряной тенор' (букв. 'собачий тенор'), *lavoro fatto da cani* – 'плохая работа, халтура' (букв. 'работа, сделанная собакой').

Анализ совпадений переносной образной номинации в разных языках свидетельствует о том, что наиболее близки механизмы образной номинации в русском и польском, итальянском языках, наиболее сильны различия в русском и турецком, немецком языках, что связано с контрастом природных условий и культур.

Своеобразие языков проявляется в типичных метафорах, связанных с тем или иным образом, то есть в национальной специфике образной основы, в типовых сравнениях. Это определяет национальную специфику концептуализации мира разными национальными сознаниями.

Самобытность языков – это результат того, что связь между языком и мышлением не является прямолинейной и однозначной, что язык, образуя с мышлением единство, имеет свои внутренние, относительно самостоятельные законы развития.

Schleicher A. Die Deutsche Sprache / A. Schleicher – 2. verbesserte und vermehrte Auflage. – Stuttgart, 1869.

Т.А. Симанова

Русский язык в сознании студента-иностранца

Мы провели психолингвистический эксперимент, основной задачей которого было выявление признаков концепта *русский язык* в сознании студента-иностранца.

В качестве экспериментальной методики был использован направленный ассоциативный эксперимент *русский язык – какой?*

Был опрошен 51 студент-иностранец, обучающийся в Белгородском государственном технологическом университете им. В.Г. Шухова.

Следует обратить внимание на то, что все опрошенные изучают русский язык в рамках технической специальности и необходимого минимума для бытового общения, а значит, с высказываниями великих о русском языке и его значении или совсем не знакомы, или знакомы мало.

Время проведения эксперимента – октябрь-ноябрь 2006 года. Эксперимент осуществлялся в групповой и индивидуальной форме, причём в групповой форме он проводился только со студентами из бывших союзных республик (Казахстан, Киргизстан). В такой группе было 3-4 студента, которые опрашивались одновременно. С остальными студентами эксперимент осуществлялся в индивидуальной форме, т.к. общение с некоторыми испытуемыми было затруднено недостаточным знанием ими русского языка. В этих случаях иногда приходилось прибегать к помощи переводчика (студента со старшего курса).

Испытуемым предлагались анкета (в которой участник эксперимента указывал свои данные, в т.ч. и сколько времени он изучает русский язык) и инструкция: «Мы просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Нас интересует, как иностранные студенты воспринимают русский язык. Ответьте, пожалуйста, на вопрос: *русский язык – какой?* Напишите как можно больше определений, которые первыми приходят вам в голову». Время проведения эксперимента не ограничивалось. Словарями пользоваться не разрешалось, чтобы сохранить чистоту эксперимента.

От испытуемых было получено 230 реакций. При этом 1 человек дал 9 реакций, 5 человек дали по 8 реакций, 3 человека – по 7, 7 человек – по 6 реакций, 6 – по 5 реакций, 13 – по 4 реакции, 8 – по 3 реакции, 5 – по 2 реакции, 2 человека – по 1 реакции. Отказавшихся участвовать в эксперименте не было.

Некоторые испытуемые не придерживались строго инструкции, и в отдельных случаях давали ассоциаты, выраженные не только

определениями, как того требовало наше задание. Эти ассоциаты тоже были обработаны.

В результате эксперимента студентами выделены следующие характеристики русского языка (230):

трудный 65 (*трудный* 19; *очень трудный* 7; *сложный* 6; *трудная грамматика*, *очень сложная грамматика* 4; *трудная фонетика* 3; *трудноватый* 2; *трудный, т. к. у слова много значений*; *начинается очень трудно*; *трудно читать*; *трудное письмо*; *трудный, т.к. письмо и произношение разные*; *трудно понять смысл*; *нелёгкий, меняет буквы в конце слов, речь легче грамматики, очень сложный для нас*; *один из самых сложных языков*; *сначала сложный*; *сложно, невозможно иностранцу выучить этот язык глубоко*; *никогда не смогу говорить по-русски так, как русские*; *не могу много рассказать*; *могу на нём говорить, но не всё*; *малознакомый мне*; *на 50% могу использовать свои возможности, если что-то хочу сказать по-русски, много правил, надо много заниматься, чтобы хорошо знать*; *надо много думать на этом языке*; *его надо любить, чтобы учить*; *требует привыкания, чтобы правильно понимать*; *потом привычный*; *нет специальных словарей архитектурных терминов*; *неудобный*; *трудно обучаться как следует на этом языке*; *очень трудно использовать этот язык в философии*; *трудно узнавать по-русски об архитектуре в других странах 1) – 29,7%*;

красивый 22 (*красивый* 16; *прекрасный, очень красивый* 2; *просто красивый; красивые буквы* 1) – **9,6%**;

богатый 19 (*богатый* 15; *богатство слов* 2; *огромный запас слов; богатый – невозможно иностранцу выучить этот язык глубоко 1) – 8,3%*;

интересный 17 (*интересный* 13; *очень интересный; интересны слова, пословицы; очень интересный, особенно произношение; интересно учить* 1) – **7,4%**;

лёгкий 13 (*лёгкий, лёгкая фонетика* 3; *легко писать буквы* 2; *лёгкий, т.к. формы повторяются; легко воспринимается; нетрудный, знаю русский язык лучше некоторых наших переводчиков – замечаю ошибки; могу со многими говорить на этом языке, знакомиться; могу общаться более-менее свободно; удобный, т. к. грамматика помогает узнавать язык; удобная грамматика* 1) – **6,9%**;

хороший 7 (*хороший* 5; *он мне нравится; симпатичный* 1) – **3%**;

важный 6 (*важный* 3; *главный* 2; *главный язык, чтобы учиться в России* 1) – **2,6%**;

второй родной язык 6 (*второй родной язык* 3; *мой родной язык в России; язык моей семьи – жена русская; родной язык моего сына* 1) – **2,6%**;

древний 5 (*древний* 4, *исторический* 1) – **2,2%**;

неудобный 5 (*нет специальных словарей архитектурных терминов; неудобный; трудно обучаться как следует на этом языке; очень трудно*

использовать этот язык в философии; трудно узнавать по-русски об архитектуре в других странах 1) – 2,2%;

влиятельный 4 (один из шести языков в ООН; могучий; уважаемый; почти интернациональный 1) – 1,7%;

приятный 4 (приятный 3; приятно слушать 1) – 1,7%;

полезный 4 (помогает учиться в институте; помогает узнавать быт, обычай народа; благодаря русскому языку имею много русских подруг – не имей 100 рублей, а имей 100 друзей 1) – 1,7%;

не интернациональный 4 (не интернациональный, знают только в России, говорят только в России; редкий: не используется везде 1) – 1,7%;

известный 4 (известный; почти всемирный; известен во всём мире; популярный 1) – 1,7%;

великий 3 (великий 3) – 1,3%;

любимый 3 (любимый; очень любимый; люблю этот язык 1) – 1,3%;

хочу изучать 3 (очень привлекательный, чтобы его учить; я хочу изучать русский язык; очень хочу говорить по-русски, как по-французски 1) – 1,3%;

грубый 3 (есть грубые слова; грубоватый; чтобы говорить с врагом 1) – 1,3%;

иностранный 3 (мой первый иностранный язык; второй язык, мой второй язык 1) – 1,3%;

понятный 3 (понятный 3) – 1,3%;

непонятный 2 (непонятный, не очень-то понятный 1) – 0,9%;

нормальный 2 (нормальный 2) – 0,9%;

необходимый 2 (выбора не было: без этого языка – никуда; пришлось изучать несмотря ни на что 1) – 0,9%;

язык великой литературы 2 (создан для поэзии – люблю стихотворения на русском языке; язык Пушкина 1) – 0,9%;

бедный 1 (бедный) – 0,44%;

быстро меняющийся 1 – 0,44%;

выразительный 1 – 0,44%;

многофункциональный 1 – 0,44%;

язык великих людей 1 (язык великих людей 1) – 0,44%.

Отдельно отметим ряд ответов (8), в которых студенты сравнивают русский язык со своими родными языками: *похож на арабский, есть надежи; не похож на английский; труднее, чем английский; легко учится, если знаешь английский – похожи буквами; громкий, как немецкий: когда говорят, кажется, что ссорятся; не ровный, как кхмерский: интонация выше-ниже; не такой красивый, как кхмерский; не такой лёгкий, как сомалийский 1 – 3,5%*.

В эксперименте принимали участие студенты-иностранцы, изучающие русский язык: от трёх месяцев до 1 года (включительно) – 17 человек (33,3%), от 1 года до 5 лет – 25 человек (49%), и от 5 лет и более – 9 человек (17,7%).

Можно проследить динамику развития представлений студентов о русском языке по мере знакомства с ним. Охарактеризуем эту динамику на примере наиболее ярких признаков концепта русский язык в их сознании:

признак *трудный* устойчиво ослабляется по мере усвоения языка;

признак *красивый* сохраняется в группах до 1 года и от 1 до 5 лет, а затем существенно ослабляется (с 10 до 6%);

признак *богатый* усиливается по мере усвоения языка с 8 до 12 %;

признак *интересный* незначительно ослабляется;

признак *легкий* также ослабляется с 7 до 0,9%.

Ослабление признаков *легкий*, *трудный*, *интересный* объясняется ослаблением внимания студентов к этим качествам языка – они просто перестают об этом думать по мере усвоения русского языка; наоборот, на первый план выходят признаки *красивый* и *богатый*, отражающие продвинутый уровень усвоения языка и опыт его широкого практического использования.

И.А. Стернин

Топонимические концепты в провинциальной концептосфере

Нами было проведено экспериментальное исследование концептов *Москва* и *Ярославль* в сознании молодежи г. Ярославля. Была поставлена задача сравнить эти концепты в молодежной концептосфере как концепты, достаточно известные, объективно и субъективно освоенные и вместе с тем достаточно разные и «зависимые» от личного опыта носителей языка.

Выдвигалась гипотеза, что исследуемые концепты будут существенно различаться по своей концептуальной структуре в концептосфере испытуемых провинции.

Использовался метод направленного ассоциативного эксперимента: *Москва – какая?* Было получено 115 ответов от студентов Ярославского государственного педагогического университета. Опрос проводился в ноябре 2006 г.

Обработка результатов включала обобщение сходных ассоциатов, суммирование их частотности и когнитивную интерпретацию ассоциатов.

Результаты эксперимента

Москва 115: агрессивная, огромная, многолюдная, суевливая 10; шумная 7; столица 6; отвратительная (не люблю) 5; красивая, богатая, златоглавая, древняя, яркая, активная 3; с пробками, грязная, Красная площадь, великая, высокомерная, город-герой, чужая, третий Рим, утомительная, интересная, сильная, место, где есть работа 2; многонациональная, большая деревня, златолюбивая, незнакомая, культурная, бездуховная,

политическая, хмурая, знаменитая, чарующая, гламурная, модная, публичная 1.

Обсуждение результатов

Ядро концепта образуют когнитивные признаки *агрессивная, огромная, многолюдная, суетливая, шумная* (40%).

Ближнюю периферию концепта составляют признаки *столица, отвратительная (не люблю), красивая, богатая, златоглавая, древняя, яркая, активная* (25%).

Дальняя периферия включает признаки *с пробками, грязная, Красная площадь, великая, высокомерная, город-герой, чужая, третий Рим, утомительная, интересная, сильная, место, где есть работа* (23%).

Крайняя периферия включает признаки *многонациональная, большая деревня, бездуховная, златолюбивая, культурная, незнакомая, знаменитая, чарующая, гламурная, модная, публичная, хмурая, политическая* (12%).

Образное содержание концепта включает признаки *шумная 7, златоглавая 3, с пробками, грязная, Красная площадь 2* (14%).

Информационное содержание концепта включает признак *столица* 6 (5,2%).

Остальные признаки образуют обширное интерпретационное поле исследуемого концепта (80,8%).

Энциклопедическая зона 21 (18,3%): *огромная, златоглавая, древняя 3; с пробками, грязная, Красная площадь, сильная 2; многонациональная, златолюбивая, политическая, модная 1.*

Мифологическая зона 11 (9,6%): *красивая, яркая 3; великая, третий Рим 2; знаменитая 1.*

Социокультурная зона 7 (6,1%): *город-герой 2; многонациональная, культурная, бездуховная, политическая, публичная 1.*

Утилитарная зона 74 (60,2%): *агрессивная, огромная, многолюдная, суетливая 10; шумная 7; богатая, активная 3; высокомерная, чужая, утомительная, интересная, сильная, место, где есть работа 2; большая деревня, златолюбивая, незнакомая, политическая, хмурая, модная, публичная 1.*

Общеоценочная зона 7 (6,1%): *отвратительная (не люблю) 5; чарующая, гламурная 1.*

Заметна ярость утилитарной зоны и слабая представленность в концептосфере испытуемых остальных концептуальных зон.

Паремиологическая зона в интерпретационном поле не представлена, в сознании испытуемых не актуализированы паремиологические признаки – молодежь не знает или не считает актуальными известные старшему поколению, к примеру, такие паремии, как *Москва деньги любит, Москва не сразу строилась, Москва слезам не верит.*

Был также проведен эксперимент по выявлению оценочной акцентуации концепта. Двенадцати испытуемым – студентам ЯГПУ – было предложено прочитать список когнитивных признаков концепта, выделенных в результате проведенного эксперимента (см. выше результаты эксперимента) и выписать отдельно положительно-оценочные, отрицательно-оценочные и неоценочные признаки вместе с их частотой, а затем суммировать частоту положительных, отрицательных и неоценочных признаков соответственно.

Испытуемые должны были по своему усмотрению определять оценочный знак предъявленных им признаков и суммировать частоту этих признаков.

Результаты эксперимента

Положительно-оценочные признаки: 23, 23, 20, 24, 26, 20, 26, 27, 37, 23, 27, 20, средняя величина – 24,7 (22%);

отрицательно-оценочные признаки: 54, 57, 59, 52, 61, 61, 58, 55, 67, 53, 51, 64, средняя величина – 57,7(50%);

неоценочные признаки: 37, 40, 39, 43, 33, 30, 27, 32, 14, 24, 32, 32 – средняя величина – 31,9 (28%).

Как видно из полученных данных, оценочный когнитивный слой (положительно-оценочные и отрицательно-оценочные признаки – 72%) ярко выражен в концепте и в 2,5 раза ярче неоценочного слоя (28%), что позволяет сделать вывод о преимущественно оценочном характере концепта *Москва* в исследуемой концептосфере. При этом наблюдается более чем двукратное преобладание негативных оценок по сравнению с позитивными – 50% против 22%; таким образом, концепт *Москва* в сознании испытуемых – преимущество неодобрительно-оценочный. Неодобрительная акцентуация содержания концепта в основном сформирована утилитарной зоной интерпретационного поля, которая практически целиком является неодобрительно-оценочной.

В эксперименте с концептом *Ярославль* («Ярославль – какой?») было получено 145 ответов от студентов Ярославского государственного педагогического университета.

Результаты эксперимента

Ярославль 145: родной 21; древний 14; провинциальный 12; красивый 11; волжский 9; тихий 8; душевный 7; промышленный, уютный, деревня 4; зеленый, развивающийся, маленький, богатая история 3; церкви, степенный, Ярослав Мудрый, любимый, Золотое Кольцо, грязный 2; алкоголики, большой, великий, величественный, город, интересный, исторические памятники, компактный, лесной, медведь, набережная, областной, ориентируется на Москву, отсталый в информационных технологиях, памятники искусства, пустой, разный, раньше мыслился как

вторая столица, северный, скучный, современный, солнечный, спортивный, Стрелка, суетливый, удобный, шумный 1.

Обсуждение результатов

Ядро концепта образуют когнитивные признаки *родной 21, древний 14, провинциальный 12, красивый 11, волжский 9, тихий 8, душевный 7 – всего 82 ассоциата (56%)*.

Ближнюю периферию концепта составляют признаки *промышленный, уютный, деревня 4, зеленый, развивающийся, маленький, богатая история 3 – всего 27 ассоциатов (18%)*.

Дальняя периферия включает признаки *церкви, степенный, Ярослав Мудрый, любимый, Золотое Кольцо, грязный 2 – 12 ассоциатов (8%)*.

Крайняя периферия включает признаки *отсталый в информационных технологиях, современный, исторические памятники, ориентируется на Москву, великий, интересный, город, раньше мыслился как вторая столица, медведь, Стрелка, набережная, суетливый, памятники искусства, областной, лесной, скучный, северный, компактный, удобный, солнечный, большой, шумный, величественный, алкоголики, разный, пустой, спортивный – 27 ассоциатов (18%)*.

Образное содержание концепта включает признаки: *волжский 9, зеленый 3, церкви, грязный 2, Стрелка, набережная, солнечный 1 – 20 ассоциатов (13,8%)*.

Информационное содержание концепта включает признаки: *город, областной 1 – 2 ассоциата (1,4%)*.

Остальные признаки образуют обширное интерпретационное поле исследуемого концепта.

Энциклопедическая зона 43 (29,6%): *провинциальный 12, волжский 9, промышленный, деревня 4, развивающийся, маленький, город, раньше мыслился как вторая столица, Стрелка, набережная, памятники искусства, лесной, северный, алкоголики, большой, спортивный 1*.

Мифологическая зона 6 (4,1%): *Ярослав Мудрый 2, медведь, великий, величественный, солнечный 1*.

Социокультурная зона 23 (15,8%): *древний 14, богатая история 3, церкви, Золотое Кольцо 2, исторические памятники, памятники искусства 1*.

Утилитарная зона 56 (38,6%): *родной 21, тихий 8, душевный 7, уютный 4, зеленый, любимый, грязный 2, отсталый в информационных технологиях, современный, интересный, суетливый, скучный, компактный, удобный, шумный, разный, пустой 1*.

Общеоценочная зона 13 (8,9%): *красивый 11, любимый 2*.

Отсутствует паремиологическая зона.

Анализ оценочной акцентуации концепта показал следующее.

Положительно-оценочные признаки: *родной 21, красивый 11, тихий 8, душевный 7, уютный 4, зеленый, развивающийся, богатая история 3, степенный, любимый, 2, великий, интересный, компактный, удобный, солнечный, величественный, спортивный – 71 (50,5%)*.

Отрицательно-оценочные признаки: *провинциальный 12, деревня 4, грязный 2, отсталый в информационных технологиях, суеверивый, скучный, алкоголики, пустой 1 – 23 (17,5%)*.

Неоценочные признаки: *древний 14, волжский 9, промышленный, маленький 3, церкви, Ярослав Мудрый, Золотое Кольцо 2, исторические памятники, ориентируется на Москву, город, раньше мыслился как вторая столица, медведь, Стрелка, набережная, памятники искусства, областной, лесной, большой, разный 1 – 45 (32%)*.

Как видно из полученных данных, оценочный когнитивный слой (положительно-оценочные и отрицательно-оценочные признаки – 68%) ярко выражен в концепте и в 2 раза ярче неоценочного слоя (32%), что позволяет сделать вывод о преимущественно оценочном характере концепта *Ярославль* в исследуемой концептосфере. При этом в концепте *Ярославль* наблюдается трехкратное преобладание позитивных оценок по сравнению с негативными – 50,5% против 17,5%; таким образом, концепт *Ярославль* в сознании испытуемых – преимущество положительно-оценочный.

Позитивно-оценочная акцентуация содержания концепта в основном сформирована утилитарной зоной интерпретационного поля (в которой ярко выделяется признак *родной*) и общеоценочной зоной.

Сопоставление концептов *Москва* и *Ярославль* в провинциальной концептосфере позволяет сделать следующие выводы.

Оба концепта имеют достаточно объемное и яркое ядро, что характерно для широко известных испытуемым топонимических концептов; при этом ядро концепта *Ярославль* включает более половины всех выявленных когнитивных признаков.

Объем ближней периферии двух концептов существенно не отличается, а крайняя периферия оказывается объемней в концепте *Ярославль*, что, очевидно, обусловлено большей близостью концепта участникам эксперимента, в силу этого концепт содержит больше индивидуально-личностных признаков, которые и образуют крайнюю периферию.

Оба концепта включают образное содержание, информационное содержание и интерпретационное поле. Характерно, что существенных различий в объеме этих структурных компонентов у исследуемых концептов не выявлено – соотношение данных компонентов в структуре концептов примерно совпадает.

Образные компоненты в основном отражают топонимические достопримечательности, в концепте *Ярославль* отражены и природные

условия (*Волга, зеленый, солнечный*), в концепте *Москва – пробки на улицах*.

Информационное содержание обоих концептов невелико и отражает фактически правовой статус соответствующего города (*столица, областной город*).

Наибольший объем содержания обоих концептов занимают интерпретационные признаки.

Энциклопедическая зона более ярко представлена в концепте *Ярославль*, а мифологическая – в концепте *Москва*.

Социокультурная зона существенно заметнее представлена в концепте ***Ярославль*** (*древний, богатая история, церкви, Золотое Кольцо, исторические памятники, памятники искусства*), в концепте ***Москва*** социокультурная зона представлена менее ярко и более «формально» (*город-герой, многонациональная, культурная, бездуховная, политическая, публичная*). Очевидно, для участников эксперимента ближе и очевидней культурное значение их родного города, чем Москвы.

Аналогично ярость общеоценочной концептуальной зоны выше в концепте *Ярославль* – общая оценка своего родного города для испытуемых ближе и естественней, чем аналогичная оценка Москвы.

Обращает на себя внимание преобладание в концепте *Москва* утилитарной концептуальной зоны и более равномерное распределение когнитивных признаков по всем концептуальным зонам в концепте *Ярославль*.

При этом следует констатировать выявившуюся в эксперименте важность утилитарных зон для исследованных топонимических концептов, которые оказываются наиболее яркими и важными для сознания носителей языка.

Паремиологическая зона отсутствует в обоих концептах, зато в обоих присутствует мифологическая зона, отражающая мифологические сведения о городе.

Интересно, что энциклопедическая, социокультурная и общеоценочная зоны концепта *Ярославль* превышают по яркости соответствующие зоны концепта *Москва* – в этом, очевидно, отражается «эмоционально-патриотическое» отношение сознания к родному городу, в то время как Москва рассматривается преимущественно утилитарно, причем утилитарные признаки содержат в основном негативную оценку, отражают «утилитарные трудности» испытуемых в отношениях с Москвой.

Оба концепта оказываются преимущественно оценочными, но если в концепте *Москва* преобладает негативная акцентуация, то в концепте *Ярославль* – позитивная.

Таким образом, исследование подтвердило гипотезу о существенном различии концептуальной структуры топонимов в провинциальной концептосфере.

Актуализация концепта *жена* в русском и английском художественном тексте

Содержание концепта образуют многочисленные дифференциальные когнитивные признаки (отдельные элементы содержания концепта). Отдельные признаки концепта можно выявить в текстах публицистической и художественной литературы. Мы провели такое исследование на примере концепта *жена* в русском и английском художественном тексте.

Нами были проанализированы следующие произведения современной русской литературы: Ермаков О. «Зимой в Афганистане»; Курчаткин А. «Пикник»; Маканин С.В. «Кавказский пленный»; Орлов. В. «Альтист Данилов»; Павлов О. «Казенная сказка», «Конец века»; Поляков Ю. «Замыслил я побег...», «Козленок в молоке»; Рошин М. «Роковая ошибка»; Токарева В.С. «Астральный полет души на уроке физики», «Когда выпадет снег», «Маша и Феликс»; Улицкая Л. «Веселые похороны», «Второе лицо», «Сквозная линия»; Устинова Т.В. «Закон обратного волшебства»; повести и рассказы из сборников Д. Рубинной; Щербакова Г. «Отчаянная осень». Общее количество проанализированных словоупотреблений составляет около 1 млн. словоупотреблений.

Проанализированы следующие произведения на английском языке: *Bridge across forever* (R. Bach), *Bridget Jones's Diary* (Helen Fielding), *Chocolat* (Joanne Harris), *Cover of Night* (Linda Howard), *How to be good* (N. Hornby), *The Secret Dreamworld of a Shopaholica* (Sophie Kinsella), *The Known World* (Edward P. Jones), *Mercy* (Julie Garwood), *Success* (M. Amis). Общее количество проанализированных словоупотреблений составляет около 1 млн. словоупотреблений.

В русском художественном тексте выявлены следующие актуализации концепта *жена*:

1. Жена может наводить страх на мужа (7 примеров).
Ты весь трусишься, когда ее видишь, можно подумать, она тебе жена (Г. Щербакова).
2. На отношение к жене влияет положение ее мужа (7 примеров).
Одно дело – снимать студентку, другое дело – жену великого Ковалева (В. Токарева).
3. Жену нельзя обижать (6 примеров).
- *Жаль... жена просто извелась. Жалко смотреть. Все-таки не чужие* (Ю. Поляков).
4. Жена – типичный предмет разговора (5 примеров).
- *Как зовут твою жену? – спросила Татьяна* (В. Токарева).
5. Жена должна заботиться о муже (5 примеров).
И вообще, Лева был неухожен, будто у него не было ни одной жены (В. Токарева).

6. Муж может бросить жену (4 примера).

Из-за этого жен не бросают. Как не бросают жену из-за того, что ей вырвали больной зуб, а новый, вставной, на штифту, выглядит неважно и даже посинел у корня... (Ю. Поляков).

7. Жену муж окружает заботой, вниманием (4 примера).

- Понятно... – проговорила Люля. – Жена – священная корова (В. Токарева).

8. Жена должна быть хорошей хозяйкой (3 примера).

Башмаков не упустил возможность и глянул на жену с привычным упреком: вот ведь какие хозяйки бывают! (Ю. Поляков).

9. От жены муж скрывает измену (3 примера).

Не бойтесь, Олег Трудович, вы же взрослый человек, никто ничего не узнает. И ваша жена тоже (Ю. Поляков).

10. Бывшие супруги не находятся в дружеских отношениях (3 примера).

- Что же, Клавдия умела любить, – подумал Данилов с неожиданной нежностью к прежней жене (В. Орлов).

11. Иметь жену – счастье для мужа (3 примера).

Но что самое интересное, этот лох вытянул счастливый билет: она оказалась верной, заботливой и трудолюбивой женой (Ю. Поляков).

12. У жены есть свои права, с которыми нужно считаться (3 примера).

Полагалось сказать: «Я же жена!» – но выговорить такое неловко, потому что она сама еще не привыкла к этому слову, а Коля как-то тихо слинял, вот стоял, говорил что-то, а потом его мама объявила: «Спят!» (Г. Щербакова).

13. Муж хотел бы подчинить себе жену, изменить ее (3 примера).

Петр Никифорович посмотрел на жену с усталой укоризной отчаявшегося дрессировщика (Ю. Поляков).

14. Жене муж может не все рассказывать (2 примера).

Нинка вслед: «Смотри! Чтобы тебя жена не засекла!» (В. Токарева).

15. Жена не должна мешать выпивать мужу (2 примера).

Жена, во время застольй хватающая своего мужа за руку, несущую к устам наполненную рюмочку, всегда плохо заканчивает! (Ю. Поляков).

16. Жена может материально обеспечивать семью (2 примера).

- А как вы выкручиваетесь? – Жена работает (В. Токарева).

17. Женой муж может быть недоволен (2 примера).

- Автомобиль – как жена. Недостатки можно выявить только в процессе эксплуатации (Ю. Поляков).

18. Жену муж любит (2 примера).

Впрочем, все можно объяснить проще: Башмаков любил жену (Ю. Поляков).

19. Жену должен материально обеспечивать муж (2 примера).

Но сын объяснил: непrestижно быть бедным и сидеть на шее у жены (В. Токарева).

20. Жена агрессивно реагирует на уход мужа (2 примера).

Ведь диспетчер фирмы мог предупредительно позвонить накануне для подтверждения заказа и нарваться на Катю, а уходить из дома с арьергардовыми боями, выслушивая проклятия и насмешки жены, он не желал (Ю. Поляков).

21. К жене муж проявляетуважение (2 примера).

Все-таки к тому времени мы прожили с твоей матерью почти девять лет, а это – как ты говоришь? – вот-вот: не кот начихал... (Д. Рубина).

22. Жена должна быть достойным человеком (2 примера).

Все эти пять лет каждую минуту ты давал мне понять, что я – низкая, подлая тварь и недостойна быть ни твоей женой, ни матерью Филиппа (Д. Рубина).

23. Между женой и мужем должно быть взаимопонимание (2 примера).

И только галантный Уби Ван Коноби провозгласил тоск за жену новоиспеченного кандидата, ибо муж и жена не только одна сатана, но еще и как бы соавторы, единая научно-исследовательская группа (Ю. Поляков).

24. Жена должна быть верна мужу (2 примера).

Тогда возникла версия, будто он застал свою жену то ли с самим вождем, то ли с кем-то из членов Политбюро, а жена вместо раскаяния, как говорится, рассмеялась ему в лицо (Ю. Поляков).

25. Жена любит мужа, несмотря на его недостатки (1 пример).

Но ты не расстраивайся, тебя жена все равно любить будет... (Ю. Поляков).

26. Жена с мужем – близкие люди (1 пример).

Должна бы Клавдия была понять, что они с Наташей – близкие, брат с сестрой, муж с женой, а она тут чужая... (В. Орлов).

27. Мнения жены и мужа могут не совпадать (1 пример).

На попытки завистников через прессу доказать, будто в данном случае чрезвычайно уместна поговорка «Муж и жена – одна сатана», Бодалкина остроумно ответила тоже через прессу, что хоть муж и жена – едина плоть, но не един мозг! (Ю. Поляков).

28. С женой муж советуется (1 пример).

Я же ей подробно сообщил: жена, что делать? Зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? (О. Ермаков)

29. Муж может не демонстрировать нежности к жене (1 пример).

Именно это безмятежное неведение жены и вызывало в нем особенную жалость, незаметно переходящую в нежность, которую – для безопасности – приходилось даже немножко скрывать (Ю. Поляков).

30. Муж выполняет поручения жены (1 пример).

Выполняя волю жены, Башмаков купил хлеба и молока, а потом, опираясь на многолетний семейный опыт, добавил упаковку черкизовских сосисок и маленький торт «Триумф» (Ю. Поляков).

31. Жену и мужа объединяют общие воспоминания (1 пример).

Но об этом Олег узнал лишь через несколько лет, когда в разговорах с женой впервые стал мелькать грустно-трогательный вопрос: «А помнишь?» (Ю. Поляков).

32. Жене посвящают много сил, времени (1 пример).

Но настоящей его женой была музыка (В. Токарева).

33. Жена – хранительница домашнего очага (1 пример).

- Это не помешает моей музыке?

- Нет. Это помешает твоей жене (В. Токарева).

34. Жена должна принадлежать мужу (1 пример).

Важно – Эля и Мариша. Однако Эля – чужая жена (В. Токарева).

35. Смерть жены муж тяжело переживает (1 пример).

Он резко сдал после смерти жены, еще больше похудел и носил теперь все вещи, купленные в детских таварах (Г. Щербакова).

36. Неверные жены могут быть ласковыми (1 пример).

Они возвратились с удвоенной лаской, как возвращаются неверные жены (Д. Рубина).

37. От жены невозможно ничего скрыть (1 пример).

Как выпивающий мужчина никогда не перепутает на вкус пиво и «Зубровку» (хотя цвет примерно одинаковый), так жена выпивающего мужчины никогда не ошибется, что именно – пиво или «Зубровку» – употребил супруг, прежде чем заявится домой (Ю. Поляков).

38. Высокое положение жены заставляет считаться с ее мужем (1 пример).

С Корсаковым считаются. У него жена работает в Центробанке (Ю. Поляков).

39. С женой муж делится интересной информацией (1 пример).

«Ну, началось!» – подумали вы и принялись криком звать с кухни жену (Ю. Поляков).

40. Жена не любит, когда муж выпивает (1 пример).

- Скоро узнаете... Он пил?

- Да. Четыре раза заказывал. Даже жена стала ругаться... (Ю. Поляков).

41. Жена может относиться к мужу без снисхождения (1 пример).

Как уважающая себя молодая жена, Катя утром в презрительном молчании собиралась и уходила на работу в школу, а потом сердилась на мужа долго и самозабвенно (Ю. Поляков).

42. Жену невозможно изменить (1 пример).

Это ведь с возрастом понимаешь, что жаловаться людям на собственную жену так же нелепо, как жаловаться на свой рост или, скажем, рельеф физиономии (Ю. Поляков).

В русских произведениях актуализируются 42 когнитивных признака, в английских – 36 признаков.

1. Муж может бросить жену (4 примера).

There won't be any men leaving their families and postmenopausal wives for young mistresses, or trying to chat women up by showing off in a patronizing way about all the other women throwing themselves at them, or trying to have sex with women without any niceness or commitment, because the young mistresses and women will just turn around and tell them to sod off and men won't get any sex or any women unless they learn how to behave properly instead of cluttering up the sea-bed of women with their SHITTY, SMUG, SELF-INDULGENT, BEHAVIOR! (Helen Fielding).

2. Жена должна осознавать свои обязанности перед мужем (4 примера).

'Jose,' he says softly, 'this is stupid. Just come out and we can talk about it properly. You're my wife, Jose. Doesn't that deserve at least, another try?' (Joanne Harris).

3. Жена заботится о муже, о семье (4 примера).

'Moses, we gon start with the kitchen. A wife needs a place to fix her meals for her family. Thas where we gon start' (Edward P. Jones).

4. Муж дорожит женой (4 примера).

Consciousness can shape itself three-dimension into a waitress turned prophet of God; it can be a daisy, a spirit-guide, a biplane in a meadow; it can be an aviator just wakened from a dream, loving the smile of his wife asleep; it can be the kitten Dolly in mid-spring to the bed impatient where PLEASE is the catfood this morning? (R. Bach).

5. Женой муж может восхищаться (3 примера).

"What a lovely body! You're so ... impossibly lovely, and you're my wife! How can those fit together?" (R. Bach).

6. Между женой и мужем могут быть конфликты (3 примера).

I decide, on the spot, to let God into my heart, in the hope that my new-found faith can somehow be used as a vicious weapon in the marital war. (N. Hornby).

7. Разговор о жене собеседника типичен для общения (3 примера).

'What's his wife's name?' (N. Hornby).

8. Жена должна принадлежать мужу (2 примера).

No one in aviation likes strangers to touch their airplanes without permission—not so much because the airplanes could be damaged as because it is unjustified familiarity, as though a curious stranger might walk by and touch one's wife, to see what she feels like (R. Bach).

9. Жена не должна расставаться с мужем (2 примера).

I would hate, Master, for us to be took apart after she my wife (Edward P. Jones).

10. Жена может влиять на поведение мужа (2 примера).

11. Бывшие супруги находятся в недружеских отношениях (2 примера).

You needn't even bother telling your ex-wife you want to see your kids again (N. Hornby).

'Your missus. *La femme*. Does she care? About you working all night?' (N. Hornby).

12. Хорошая жена – счастье для мужа (1 пример).

I would like him to recognize that his life is OK, that his children are wonderful, that he has a loyal and loving and—sod it—a not unattractive or unintelligent wife, and enough money for babysitters and meals out and the mortgage... (*N. Hornby*).

13. Муж может давать жене советы (1 пример).

Now I realize that there are all sorts of suggestions a husband might make to a wife, and not all of them are worthy of respect (*N. Hornby*).

14. Жена и муж должны вместе решать проблемы (1 пример).

'I'm not looking for forgiveness. I want to talk about it. I want to explain. I want you and I to go out and attempt to communicate. As husband and wife' (*N. Hornby*).

15. Бывшие жены критикуют мужей (1 пример).

You see? Ex-wives: really, everybody should have at least one (*N. Hornby*).

16. Жена должна быть дружелюбна с мужем, выбирать слова в разговоре с ним (1 пример).

'Did you? Gosh. That's not very friendly, is it? Not a very nice thing for a wife to say to her husband' (*N. Hornby*).

17. От жены муж скрывает измену (1 пример).

'Wouldn't have lost my job, my wife wouldn't have found out...' (*N. Hornby*).

18. Жена может изменять мужу (1 пример).

And then you read the story about the poor bastard: his wife was sleeping with his best friend, he'd lost his job, his daughter had been killed in a road accident some months before... (*N. Hornby*).

19. Жена может не понимать мужа (1 пример).

I had hardly exchanged a word with Maureen, and I didn't even know her surname; but she understood more about me than my wife had done in the last five years of our marriage (*N. Hornby*).

20. Жена может агрессивно относиться к бывшему мужу (1 пример).

I heard Daniel on the phone arranging to meet Pukey tonight and he said in a topsy-bunny voice, 'Not too bad . . . so far,' and I knew he was talking about my reaction, as if I were an emotionally unbalanced ex-wife or something. Am seriously considering face-lift (*Helen Fielding*).

21. От жены муж может требовать подчинения (1 пример).

The threat calms him. I suspect he believes he alone has the right to make threats. 'You don't understand,' he whines. 'She's my wife. I care for her. I don't know what she's been telling you, but ?' (*Joanne Harris*).

22. Жена разделяет высокое положение мужа (1 пример).

I can feel the bubbles surging into my head, singing happily, 'I'm going to be a millionaire's wife! I'm going to be a millionaire's wife!' (*Sophie Kinsella*).

23. К жене муж может жестоко относиться (1 пример).

To know a man beats his wife – to know in secret – is one thing (*Joanne Harris*).

24. Свою жену муж может ревновать (1 пример).

"I don't envy your husband his airplane," I said. "I envy him his wife" (*R. Bach*).

25. Жена может вдохновлять мужа (1 пример).

"What was the question?" I said. "Oh. Where do I get my crazy ideas? Answer: sleep-fairy, walk-fairy, shower-fairy. Book-fairy. And in these last few years, from my wife (*R. Bach*)."

26. Семья, жена могут быть не главной ценностью в жизни (1 пример).

Finding a wife had been near the end of a list of things he planned to do with his life (*Edward P. Jones*).

27. Жена должна быть достойным человеком (1 пример).

He had received some education when he was twenty and twenty-one, educated just enough to appreciate a wife like Caldonia, a colored woman born free and who had been educated all her days (*Edward P. Jones*).

28. У жены много хлопот (1 пример).

"A woman, especially a married one, is nothing without her personal servant" (*Edward P. Jones*).

29. Жена должна быть верна мужу (1 пример).

"I still am your wife, so am I forgiven?" (*Edward P. Jones*).

30. Жена и муж разделяют проблемы друг друга (1 пример).

"A man would think that the debt of one be the debt of the other when two people are one and the same as man and wife" (*Edward P. Jones*).

31. У Жены и мужа теплые дружеские отношения (1 пример).

Skiffington would not remember in a few days who told him that Moses and his mistress had supper – "just like some man and his wife be eatin" – just before the slaves disappeared (*Edward P. Jones*).

32. К жене нужно бережно относиться (1 пример).

Elias took his wife's hand. It was not much, a day or even a week of good work to throw in the overseer's face; it was not worth a baby's life or his wife's sorrow, but it was what he had (*Edward P. Jones*).

33. Супруги могут не любить друг друга (1 пример).

What you don't ever catch a glimpse of on your wedding day – because how could you? – is that some days you will hate your spouse, that you will look at him and regret ever exchanging a word with him, let alone a ring and bodily fluids (*N. Hornby*).

34. Отношения между супругами – их личное дело (1 пример).

'None of this is the point.' And I really mean that. I want to find out how he could ask our daughter to choose between one parent and another, and why he was so unthinkingly cruel to Tom, and why he's been telling the parents of small boys called Joe Salter, or friends of the parents of small boys called Joe Salter, or even small boys called Joe Salter, about our marital difficulties (*N. Hornby*).

35. У супругов свой стиль общения (1 пример).

And he makes a zigzaggy gesture, the exact meaning of which is lost on me, but which I presume is intended to indicate wonky marital communication (*N. Hornby*).

36. Супруги делят обязанности между собой (1 пример).

Medical qualifications belong on my side of the great marital divide, and are therefore to be despised (*N. Hornby*).

Можно привести таблицу сравнительной частотности когнитивных признаков концепта *жена*, которые актуализируются в произведениях современной русской и английской литературы:

Когнитивные признаки	Количество примеров (рус.)	Количество примеров (англ.)
Жена наводит на мужа страх	7	0
На отношение к жене влияет положение ее мужа	7	1
Жену нельзя обижать	6	0
Разговор о жене собеседника типичен	5	3
Жена должна заботиться о муже	5	4
Муж может бросить жену	4	4
Жену муж окружает заботой, вниманием	4	0
Жена должна осознавать свои обязанности перед мужем	0	4
Жена должна быть хорошей хозяйкой	3	0
От жены муж скрывает измену	3	1
Бывшие супруги не находятся в дружеских отношениях	3	3
Иметь жену – счастье для мужа	3	1
У жены есть свои права, с которыми нужно считаться	3	0
Муж хотел бы подчинить себе жену, изменить ее	3.	1
Жене муж может не все рассказывать	2	0
Жена не должна мешать выпивать мужу	2	0
Жена может материально обеспечивать семью	2	0
Женой муж может быть недоволен	2	0
Жену муж любит	2	4
Жену муж должен материально обеспечивать	2	0
Жена агрессивно реагирует на уход мужа	2.	1
К жене муж проявляет уважение	2	0
Жена должна быть достойным человеком	2	1
Между женой и мужем должно быть взаимопонимание	2	0
Жена должна быть верна мужу	2	1
Жена любит мужа, несмотря на его недостатки	1	0
Жена с мужем – близкие люди	1	0
Мнения жены и мужа могут не совпадать	1	1
С женой муж советуется	1	0
Привычно отсутствие нежности к жене	1	0
Муж может выполнять поручения жены	1	0

Жену и мужа объединяют общие воспоминания	1	0
Жена помогает мужу в карьерном росте	1	0
Ведущее место в семье занимает жена	1	0
Жене посвящают много сил, времени	1	0
Жена – хранительница домашнего очага	1	0
Жена должна принадлежать мужу	1	2
Смерть жены муж тяжело переживает	1	0
Неверные жены могут быть ласковыми	1	0
От жены невозможно ничего скрыть	1	0
Высокое положение жены заставляет считаться с ее мужем	1	0
С женой муж делится интересной информацией	1	0
Жена не любит, когда муж выпивает	1	0
Жена может относиться к мужу без снисхождения	1	0
Жену невозможно изменить	1	0
Жена собеседника не представляет интереса	1	0
Женой муж может восхищаться	0	3
Между женой и мужем могут быть конфликты	0	3
Жена не должна расставаться с мужем	0	2
Жена может влиять на поведение мужа	0	2
Жене муж может давать советы	0	1
Жена и муж должны вместе решать проблемы	0	1
Жена должна быть дружелюбна с мужем, выбирать слова в разговоре с ним	0	1
Жена может быть неверна мужу	0	1
Жену может иметь только достойный человек	0	1
К жене муж может относиться жестоко	0	1
Свою жену муж может ревновать	0	1
Жена может вдохновлять мужа	0	1
Семья, жена могут быть не главной ценностью жизни	0	1
У жены много хлопот	0	1
У жены и мужа теплые дружеские отношения	0	1
К жене нужно бережно относиться	0	1
Супруги могут не любить друг друга	0	1
Отношения между супругами – их личное дело	0	1
У супругов свой стиль общения	0	1
Супруги делят обязанности между собой	0	1

В проанализированных произведениях и на русском, и на английском языках в равной мере актуализируются признаки, свидетельствующие о

том, что *жена должна быть хорошей хозяйкой, должна окружать мужа заботой, вниманием* (это третий по частотности признак в русских произведениях и первый в английских произведениях); *муж и жена – близкие люди; жена должна быть достойным человеком*. Муж в свою очередь любит жену, заботится о ней. Хорошая жена – счастье для мужа. Муж может требовать от жены подчинения. Между женой и мужем должно быть взаимопонимание. Также можно выделить признаки, указывающие на то, что жена и муж неверны друг другу, у них есть друг от друга секреты, муж может бросить жену.

Интересно отметить, что и в русских, и в английских произведениях актуализируется такой признак, как *на отношение к жене влияет положение ее мужа*. Но в русской литературе этот признак является одним из частотных (7 примеров), а в английской литературе он единичен (1 предложение с данным признаком).

Только в русских произведениях актуализированы такие признаки, как *жене наводит страх на мужа* (этот признак является одним из частотных признаков, 7 предложений с таким признаком были отмечены в русских произведениях); *жену нельзя обижать* (это второй по частотности признак), *у жены есть свои права, с которыми нужно считаться; жена может материально обеспечивать семью; жена помогает мужу в карьерном росте; от жены невозможно ничего скрыть*.

Наиболее частотными в английской литературе являются следующие признаки: *жене должна осознавать свои обязанности перед мужем; жена заботится о муже, о семье; муж может бросить жену; муж любит жену; муж может восхищаться своей женой; между женой и мужем могут быть конфликты*.

Частотные когнитивные признаки – это наиболее коммуникативно релевантные, следовательно, народ об этом часто говорит, часто обсуждает эту проблему.

В целом из 66 когнитивных признаков, которые объективируются в русских и английских художественных произведениях, 21% признаков совпадают, а 79% признаков различаются. Таким образом, национально-специфическое содержание концепта *жене* в русской и англоязычной концептосфере заметно превышает общие для двух культур концептуальные признаки. Концепт *жене* следует признать национально-специфическим.

Словарь современного детского языка В.К. Харченко как один из источников исследования детской концептосферы

В современном языкознании интенсивно развивается когнитивная лингвистика. Предметом изучения когнитивной лингвистики является процесс усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков, а одной из основных ее категорий – категория концептосферы. Концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления (Попова, Стернин 2006, с. 26).

Интерес к изучению концептосферы проявляется в основном в области национальной концептосферы. Однако исследования в области когнитивной лингвистики подтверждают и существование групповых концептосфер: профессиональной, возрастной, гендерной и др.

На наш взгляд, заслуживает внимания лингвокогнитивистов и детская концептосфера, т.е. концептосфера ребенка. Отличительная черта этой концептосферы, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, представляет собой совокупность концептов равных конкретному чувственному образу (Попова, Стернин 2001, с. 70), и интересен в этом смысле механизм превращения концептов, равных чувственному образу в собственно мыслительные единицы, что, по нашему мнению, и определяет формирование и развитие детской концептосферы.

По мнению выдающихся психологов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, развитие ребенка происходит в основном путем социального наследования, присвоения общественного опыта. Роль взрослого в таком развитии неоценима. Именно контакты с взрослыми, и в первую очередь с родителями, способствуют формированию детской картины мира, поэтому, на наш взгляд, одними из основополагающих концептами в концептосфере детей являются концепты МАТЬ, ОТЕЦ.

Одним из источников исследования детской концептосферы и составляющих ее концептов можно считать Словарь современного детского языка В.К. Харченко (Белгород, 2002). Объем словаря составляет 8263 единицы. В словаре отражено 12980 детских высказываний. В словаре в основном не даются толкования слов, а приводятся примеры употребления того или иного слова в детской речи. Например:

Родитель. Мальчика ругают: *И куда твои родители смотрят!* Он тут же поворачивается к бабушке: *Бабуль! И куда твои родители смотрят!* [м., 4 г.]; Ф. род. пад. мн. ч. «родителев» вм. «родителей. – Посмотрите, пожалуйста, нет ли в магазине моих родителев? [м., 7 л. 6 м.]; – Однажды, когда это окно было открыто, к птенчику прилетели его родители [д., 11 л. 6 м.] (Харченко 2002, том 2, с. 110-111).

Мапа. Обращение к маме и папе одновременно (Харченко 2002, том 1, с. 256).

Этот словарь может быть интересен исследователю как источник объективации концептов и как сборник детских высказываний, помогающих выделить когнитивные признаки того или иного концепта.

Рассмотрим концепт, представленный лексемой МАТЬ, на основе высказываний детей, зафиксированных в Словаре современного детского языка В.К. Харченко.

Методом сплошной выборки мы выявили следующие номинации концепта МАТЬ и ОТЕЦ: *мама, мамочка, мамуля, мамушка, мамка, мам, яя* (ребенок называет свою маму Яя: *Яя бабу называет «мам»*, т.е. мама ребенка называет его бабушку мамой); *пана, паночка, папанюшка*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в словаре нет отдельной статьи по лексеме *отец*, но присутствует статья по лексеме *мать*, которая отражает содержание обеих лексем:

Мать. Рассуждает, повторяя несколько раз: *Мама – это мать, пана – это отец!* (Харченко 2002, том 1, с. 258).

Кроме того, в детской речи в наименовании матери и отца ярко представлена положительная коннотация, которая выражается уменьшительно-ласкательными морфемами: -очки-, -ул-; -ушк-, -юшк-.

Когнитивная интерпретация результатов сплошной выборки, приведенных в словаре В.К. Харченко детских высказываний, позволяют выявить следующие когнитивные признаки изучаемых концептов.

Когнитивные признаки концепта МАТЬ

1. Мама имеет свою родную маму (2 высказывания).
 - Яя (так ребенок называет свою мать) *бабу называет «мам»* и др.
2. Мама имеет еще одну (неродную) маму (1 в.).
 - *Почему ты бабу Лиду (свекровь) зовешь мамой, ведь твоя мама – баба Оля?* и др.
3. Мама имеет детей (16 в.).
 - *Мама! Ты мама, а я дочка;*
 - *А кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – Мамой. – И у тебя будут дети?* (кивает);
4. Мама не спит после того, как уложит спать своих детей (1 в.).

Сказала брату, что уложила спать своих кукол Ваню и Катю. – *А почему ты сама не спишь? – Я ведь мама!*
5. Мама – объект выражения любви и радости (2 в.).

С отцом на кухне готовят обед, хорошее настроение, сочиняет: – Я с работы маму жду. / Я навстречу к ней иду. / Здравствуй, мамочка моя! / Без тебя скучаю я.
6. Мама пример для подражания (6 в.).
 - *Кем ты хочешь стать? – Как мамой! Дома убирать, есть готовить.*

7. Мама занимается домашним хозяйством (11 в.).
 - *Кем ты хочешь стать? – Как мамой! Дома убирать, есть готовить;*
 - *Кто метет двор? – Дворник! – Кто стирает белье? – Мама;*
 - *Ой! Сколько мама редиски сварила;*
 - *Значит, мне мама варит глазунью.*
8. Мама должна одобрять детей и их поступки (1 в.).
 - *Мама, тебе лучший вариант ребенка достался, а ты все недовольна!*
9. Мама должна поддерживать ребенка, разделять его мнение (2 в.).
 - *Мама, ведь учителя должны же помогать тем, у кого «двойки», а у нас в школе наоборот, еще вдавливают их.*
10. Мама является объектом положительной эмоциональной оценки (8 в.).
 - *Вот вы, мама, молодец с папой: набрали мне много новых носков (носков).*
11. Мама является источником информации об окружающем мире и о самом ребенке (8 в.).
 - *Мама, а каким ростом я сейчас вешаю;*
 - *Мама! Кто меня назвал Верой: ты или папа? – Папа. – Это потому, что он верит, что я его дочь.*
 - *Мама, ты взяла мою рубашку?*
12. Мама является источником чувства покоя и защиты (6 в.).
 Мама кладет уснувшую дочку на кровать, но девочка просыпается:
Мама, взянь меня обратно.

Когнитивные признаки концепта ОТЕЦ

1. Папа – это мужчина, имеющий ребенка (1 высказывание).
 Идет мимо мужчина с коляской. Карина: *Папа! Не мой!* (Из подъезда выходит ее отец.) – *Мой папа!*
2. Папа как взрослое лицо мужского пола (8 в.).
 - *Когда я буду большой, я буду папам;*
 Купается в ванне. – *Арсюша, набери воздуха, окунись с головой – вот так! – Нет, когда я буду папой, тогда и буду так делать.*
3. Папа как объект положительной оценки (10 в.).
Мама плохая! Баба плохая! – Так, с кем бы ты хотел жить? – С папой;
 - *Вот вы, мама, молодец с папой: набрали мне много новых носков (носков).*
4. Папа как объект отрицательной оценки (5 в.).
 - *Я думал, ты папа как папа, а ты и папа не папа!*
5. Папа может вынашивать детей (1 в.).
 - *Рома был у мамы в животе, он похож на маму, а я был у папы в животе, потому что я похож на папу и др.*

Исследование показывает, что концепт МАТЬ представлен 12 когнитивными признаками, 3 из которых, образуют ядро содержания концепта (мама имеет детей; мама занимается домашним хозяйством, мама является источником информации об окружающем мире и о самом

ребенке), 3 признака представляют ближнюю периферию (мама – пример для подражания; мама является объектом положительной эмоциональной оценки; мама является источником чувства покоя и защиты) и 5 признаков – дальнюю периферию (мама имеет свою родную маму; мама имеет еще одну (неродную) маму; мама – объект выражения любви и радости; мама не спит после того, как уложит спать своих детей; мама должна одобрять детей и их поступки).

Концепт ОТЕЦ представлен 5 когнитивными признаками, 2 из которых, образуют ядро содержания концепта (*папа как взрослое лицо мужского пола; папа как объект положительной оценки*), 1 признак представляет ближнюю периферию (*папа как объект отрицательной оценки*) и 2 признака – дальнюю периферию (*папа – это мужчина, имеющий ребенка; папа может вынашивать детей*).

Концепты МАТЬ, ОТЕЦ во многом оценочны, причем высказывания, объективирующие концепт МАТЬ, несут положительную оценку, концепт же ОТЕЦ выступает как двуоценочный с преобладанием положительной оценки. Интересно, что информационное поле концепта ОТЕЦ демонстрирует в своем содержании противоречащую действительности характеристику денотата концепта (папа может вынашивать детей), что является, на наш взгляд, возрастной особенностью содержания детской концептосферы.

Необходимо отметить, что исследование проводилось с опорой на словарь и содержащиеся в нем детские высказывания, поэтому необходимо для уточнения данных привлечь экспериментальные методики, что будет следующим этапом изучения концептов МАТЬ и ОТЕЦ в детской концептосфере.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж. 2006.

Харченко В.К. Словарь современного детского языка: В 2 т. – Белгород, 2002.

М.В. Шаманова

Территориальные особенности содержания и структуры концепта *общение*

Для описания содержания концепта *общение* и выделения составляющих его когнитивных признаков мы использовали следующие экспериментальные методики: свободный ассоциативный эксперимент, метод субъективных дефиниций (продолжите фразу: «Общение – это...»),

направленный ассоциативный эксперимент (предлагалось дать 5 реакций на вопрос: «Общение – какое?»), подбор симиляров. Период проведения экспериментов – 2003-2005 гг. Эксперименты проводились преимущественно в индивидуальной форме, в некоторых случаях в групповой форме с 10-15 испытуемыми за один сеанс.

Далее при обработке каждого из экспериментов мы использовали следующую методику:

- 1) составляли ассоциативное поле;
- 2) выделяли смысловые зоны ассоциативного поля (Ю.Н. Караулов), то есть смысловые группы ассоциатов, эти смысловые зоны при дальнейшей обработке интерпретировались нами как когнитивные классификаторы;
- 3) далее переходили к когнитивной интерпретации экспериментальных данных: выявлению классификационных признаков концепта, когнитивных признаков, описанию полевой структуры концепта и описанию его макроструктуры (Попова, Стернин 2006, с. 148);
- 4) данные различных экспериментов объединялись, определялся окончательный набор классификаторов и когнитивных признаков концепта, строилась модель концепта.

Экспериментальные методики позволяют не только выявить максимальное число языковых средств объективации концепта и на основании этого построить модель концепта в целом, но и выявить гендерные, возрастные и территориальные особенности содержания и структуры концепта.

Цель данной статьи – на основе экспериментальных данных выявить специфику содержания и структуры концепта в сознании жителей разных по численности населенных пунктов. Мы выделили три группы испытуемых: жители большого города (преимущественно г. Воронежа и г. Волжского Волгоградской области), жители малого города (г. Борисоглебска) и жители районного поселка и села.

В территориальном аспекте нами были проанализированы когнитивные классификаторы, когнитивные признаки и структура концепта.

На первом месте во всех группах испытуемых стоит классификационный признак *виды общения*. Жители разных по численности населенных пунктов определяют общение по родовому признаку: это беседа, разговор, диалог. Важными для всех групп испытуемых являются классификационные признаки *место (сфера) протекания общения, содержание, назначение, потребность в общении*, классификаторы *эмоциональный результат, знание предмета разговора* имеют приблизительно одинаковую яркость во всех группах испытуемых. Совпадают по частотности употребления в анализируемых группах некоторые когнитивные признаки: *наличие партнеров-людей, обмен информацией, доставляет удовольствие, протекает в форме дружеской беседы*.

Яркость классификационных признаков, выделенных жителями большого города, в целом является сниженной. Только три классификатора

в рассматриваемой группе имеют более высокую яркость по сравнению с жителями малого города и села. Это следующие классификационные признаки: *используемые средства обмена информацией* (в 1,4 раза ярче по сравнению с жителями села и в 1,2 раза по сравнению с жителями малого города), *культурный уровень общения* (в 1,3 и 1,2 раза соответственно) и *формы общения* (в 1,3 и 1,6 раза).

Некоторые классификаторы в этой группе ярче по сравнению с классификаторами, выделенными сельскими жителями: *оформление высказывания* (в 3 раза), *открытость общения* (в 1,7 раза), *типы общения, предоставляемые личности возможности, способы общения* (в 1,4 раза), *участие сторон в общении* (в 1,3 раза), *необходимые умения, факторы, объединяющие людей* (в 1,2 раза).

Таким образом, жители большого города больше внимания уделяют формам общения, тому, как надо вести общение, используемым средствам, характеризуют культурный уровень общения.

Анализ когнитивных признаков, выявленных в рассматриваемой группе, позволяет также сделать некоторые обобщения.

Для жителей большого города в общении важна, прежде всего, содержательная сторона (*интеллектуальное* 0,18%), а эмоциональная характеристика отсутствует.

С одной стороны, подчеркивается значимость общения: необходимость общения в целом, важность общения для развития человека, самовыражения, расширения круга знакомых, общение дает возможность избежать одиночества. С другой стороны, общение в данной возрастной группе представляется как *бесполезное, трудное* и имеющее ряд других негативных характеристик: *низкий культурный уровень, конфликтное, одностороннее, надоедливое*.

Рассмотрим яркость проявления классификационных признаков у жителей малого города.

Классификаторы, имеющие повышенную яркость у жителей малого города	По сравнению с жителями большого города	По сравнению с сельскими жителями
Партнеры	в 1,2 раза	в 1,4 раза
Оценка общения	в 1,9 раза	в 1,7 раза
Познавательная ценность общения	в 1,5 раза	в 1,3 раза
Вызывающий интерес	в 2,9 раза	в 1,5 раза
Эмоциональная характеристика общения	в 2 раза	в 1,4 раза
Типы общения	в 1,2 раза	в 1,7 раза
Представляемые личности возможности	в 1,2 раза	в 1,6 раза
Способы общения	в 1,3 раза	в 1,7 раза
Необходимые умения	в 1,7 раза	в 2,1 раза

Качества человека в отношении к общению	в 2,2 раза	в 2,2 раза
Внутренняя организация общения, его направленность	в 2,1 раза	в 1,2 раза
Факторы, объединяющие людей	в 2,5 раза	в 3 раза
Социальные факторы, обусловливающие общение	в 1,7 раза	в 1,3 раза
Жанровое оформление высказывания	в 2,3 раза	в 1,2 раза
Мыслительные процессы, сопровождающие общение	в 8 раз	в 2 раза

Жители малого города достаточно внимания уделяют организации общения (классификаторы *способы общения, внутренняя организация общения, жанровое оформление высказывания, необходимые умения*), содержанию общения (классификатор *вызывающий интерес, познавательная ценность*). Они оценивают общение (классификаторы *оценка, эмоциональная характеристика*).

Для анализируемой группы важно, с какими людьми они общаются (классификаторы *качества человека в отношении к общению, факторы, объединяющие людей*). Больше внимания уделяется складывающимся в процессе общения отношениям: *установление любовных отношений, интимное, установление духовной взаимосвязи, деловых взаимоотношений*. Важным фактором является наличие личностных качеств, коммуникативных умений.

В этой группе яркими являются когнитивные признаки, характеризующие и содержательную сторону общения (*познавательное 0,46%, содержательное 0,1%, несодержательное 0,36%, обсуждение серьезных тем 0,08%*), и эмоциональную сторону (*обмен чувствами 0,28%, веселое 1,23%, грустное 0,14%, холодное 0,12%*). «Эмоциональная» характеристика доминирует над «содержательной» (1,77% и 1% соответственно).

Специфичным является большое количество противоречивых когнитивных признаков: *приятное – неприятное времяпрепровождение, вызывает интерес – не вызывает интереса, сопровождается весельем – вызывает грусть, содержательное – несодержательное*.

Достаточно ярко проявляются некоторые классификационные признаки и у жителей села. Покажем их яркость по сравнению с другими группами в таблице.

Классификаторы, имеющие повышенную яркость у жителей села	По сравнению с жителями большого города	По сравнению с жителями малого города
Виды общения	в 1,3 раза	в 1,5 раза
Выражаемые взаимоотношения	в 1,3 раза	в 2 раза

Состав участников	в 1,4 раза	в 1,5 раза
Тематика	в 1,4 раза	в 1,1 раза
Время	в 1,5 раза	в 1,4 раза
Активность собеседников	в 3,2 раза	в 1,7 раза
Эстетическое восприятие	в 12 раз	в 3 раза
Источники получения информации	в 4 раза	в 4 раза

Наиболее востребованными в данной возрастной группе по сравнению с другими группами являются классификаторы *эстетическое восприятие общения, активность собеседников, источники получения информации*. Сельские жители более внимательны к теме разговора, к собеседнику и выражаемым взаимоотношениям. Важным для данной группы испытуемых является *установление дружеских взаимоотношений, установление взаимопонимания, установление доброжелательных отношений*.

Жители села отдают предпочтение общению в семье (данный признак в этой группе испытуемых в 1,3 раза ярче по сравнению с жителями малого города), которое протекает за столом (в 4,2 раза ярче по сравнению с жителями большого города).

Большое значение придается эстетической оценке общения: признак *красивое* в 12 раз ярче по сравнению с жителями большого города и в 3 раза по сравнению с жителями малого города.

Некоторые признаки являются противоречивыми: *протекает в малой группе – протекает в большой группе, длительное – короткое*.

Рассмотрим особенности полевой структуры концепта в различных территориальных группах испытуемых.

Ядро концепта совпадает в национальной концептосфере и в территориальных группах испытуемых и включает следующие когнитивные признаки: *представляет собой беседу, наличие партнеров-людей, обмен информацией, поддержание и установление взаимоотношений*. Один признак – *протекает на работе* – у жителей малого города имеет высокую яркость и также относится к ядерной зоне, хотя в национальной концептосфере он включен в зону ближней периферии.

Граница между зонами периферии оказалась размытой, в том числе между ближней периферией и дальней. Некоторые признаки, относящиеся в национальной концептосфере к зоне дальней периферии, в групповых концептосферах имеют повышенную яркость и могут быть отнесены к ближней периферии концепта. Так, признак *является потребностью, необходимостью* ярче в сознании жителей большого города и отнесен к зоне ближней периферии. По этому же принципу признаки *предполагает обсуждение одной темы или различных тем* (малый населенный пункт) и *представляет собой неприятное времяпрепровождение* (малый город) отнесены к зоне ближней периферии. Поскольку четких границ между зонами дальней и крайней периферии нет, то и существенной разницы

между наполнением этих зон в национальной концептосфере и в различных территориальных группах не наблюдается.

Таким образом, сопоставление и анализ классификационных и когнитивных признаков в национальной концептосфере и в различных территориальных группах позволяет говорить о специфике содержания и структуры концепта у жителей населенных пунктов, различающихся по численности населения.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2006.

М.Ю. Шевченко

Когнитивная интерпретация как прием исследования в лингвоконцептологии

Когнитивная интерпретация представляет собой необходимый этап любого описания концепта по данным языка (Стернин 2006).

Нами были проведены свободный и направленный ассоциативные эксперименты с целью выявления содержания концепта «культурный» в русском языковом сознании. Результаты ассоциативных экспериментов были подвергнуты когнитивной интерпретации для выявления когнитивных признаков, составляющих содержание концепта.

Свободный ассоциативный эксперимент

В свободном ассоциативном эксперименте участвовали 613 информантов (283 мужчин, 330 женщин). Возраст опрашиваемых – от 18 до 78 лет.

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте, который проводится в научных целях. Перед вами список слов. Прочитав очередное слово, напишите рядом с ним первое слово или выражение, которое приходит вам в голову. Если сразу реакции на слово не возникло, ставьте прочерк. Работайте быстро, не задерживаясь, не задавая никаких вопросов экспериментатору. Пишите так, как вы думаете. Все ваши ответы будут правильными. Не возвращайтесь к уже прочитанным словам и не вносите исправлений в уже написанное. Укажите Ваш пол и возраст. Спасибо».

В качестве слов-стимулов в данном эксперименте использовались следующие 5 слов (они перечислены в том же порядке, в котором предлагались информантам): *хаотичный, низкий, разумный, культурный, грубый*. Наличие дополнительных слов-стимулов *хаотичный, низкий, разумный, грубый* преследовало цель камуфлирования целевого концепта эксперимента.

При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные.

Всего было получено: первых реакций – 594, разных реакций – 137, единичных – 78, отказов – 19.

Результаты эксперимента

КУЛЬТУРНЫЙ 613: человек 153; вежливый 55; образованный 47; воспитанный 39; интеллигент 12; работник 11; мужчина 10; книга, образование, театр 9; интеллигентный, правильный, умный 8; начитанный 7; диалог, отдых, центр 6; искусство, обходительный, порядочный, учитель 5; аккуратный, добрый, интеллект, мальчик, профессор, фонд, хороший 4; гражданин, диплом, досуг, обходительность, революция, уровень, язык 3; вежливость, вечер, вопрос, воспитание, галстук, добро, добропорядочный, знающий нормы поведения в обществе, институт, музей, образ жизни, поэт, приятный, разговор, ребенок, спор, стихи, с хорошими манерами, цивилизованный, честный, чистота, этикет 2; академик, аккуратность, античность, болван, вид, внимательный, высокоразвитый, выставка, голос, город, гостеприимный, джентльмен, дипломат, директор, дисциплинированный, дом, женщина, кино, клуб, красивый, мероприятие, милый, Миша, мужчина с усами, музыка, начальник, нравственность, не плюется, не хамит, обмен, общительный, опрятность, опрятный, ответ, отличник, парк, педагог, пианино, пиджа^к, поход, правильный лексикон, правильно воспитанный, праздник, президент, преподаватель, пример для всех, примерный, продавец, произведение, ребята, редкий случай, скромный, словарь, слой общества, смокинг, собеседование, соблюдающий правила этикета, специалист, студент, субъект, телевидение, тон, уважаемый, уважение, уважительный, удивление, умственно развитый, ученик моего класса, ученый, фильм, фрак, характер, хорошо воспитанный, хорошо обращается, художник; Чехов, чиновник, я 1; отказы – 19.

Результаты эксперимента были подвергнуты когнитивной интерпретации. В результате были выявлены когнитивные признаки концепта, которые были упорядочены по степени яркости (которая определялась пропорционально количеству испытуемых, объективировавших в эксперименте данный когнитивный признак):

Человек 197

Вежливый 71

Образованный 70

Воспитанный 64

Интеллигентный 31

Посещает учреждения культуры 27

Деликатный 25

Хорошо говорит 18

С книгой 17

Явление 17
Умный 15
Эталонно ведет себя 14
Организация 10
Добрый 8
Порядочный 8
Нравственный 7
Работает преподавателем 7
Ученый 6
Аккуратный 5
Красиво одет 5
Мероприятие 5
Хороший 5
Имеет диплом 3
Общительный 3
Опрятный 3
Проявляется в музыкальной деятельности 3
Редко встречается 3
Соблюдает правила этикета 3
Внимательный 2
Всесторонне развитый 2
Имеет отношение к миру искусства 2
Не совершает грубых действий 2
Распространен в городе 2
Ответственный 2
Пользуется уважением 2
Поэт 2
Приятный внешне 2
Цивилизованный 2
Эстет 2
Вежливо отвечает 1
Красивый внешне 1
Мужчина с усами 1
Отличник 1
Плохой 1
Президент 1
Проявляется в особом тоне речи 1
Умеет принимать гостей 1
Дипломатичный 1

Направленный ассоциативный эксперимент

В направленном ассоциативном эксперименте участвовало 814 информантов (398 мужчин и 416 женщин). Возраст опрашиваемых – от 17 до 84 лет. Большая часть испытуемых среднего возраста (от 30 до 60 лет), что

позволяет судить о современном состоянии русской национальной концептосферы в сознании активного, трудоспособного населения.

Опрашиваемым предлагалась следующая инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Напишите, пожалуйста, первое пришедшее Вам в голову определение к слову "культурный": *культурный – какой?* Долго не раздумывайте. Укажите свой пол и возраст».

Получено 890 реакций. 19 испытуемых отказались выполнить задание. При обработке результатов учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные.

Всего были получены 902 реакции; разных реакций – 140, единичных – 45, отказов – 19.

Результаты эксперимента

КУЛЬТУРНЫЙ – КАКОЙ? 902: воспитанный 95; образованный 70; вежливый 53; соблюдающий правила и нормы поведения 51; грамотный 25; знающий правила этикета 22; обходительный 20; внимательный, добрый 18; учтивый 16; тактичный, умный 15; галантный 14; корректный,уважительный, хороший 13; всесторонне развитый 12; владеющий нормами литературного языка 11; деликатный, доброжелательный, интеллигентный, знающий правила поведения, любезный, общительный, отзывчивый 10; благонравный, остроумный, понятливый, цивилизованный 9; соблюдающий правила приличия, уважающий окружающих 8; благовоспитанный, благородный, заботливый, честный 7; без вредных привычек, веселый, знающий культуру своей страны, коммуникабельный, морально устойчивый, находчивый, негрубый, нравственный, приятный в общении, предупредительный, смекалистый, сообразительный, уважаемый в обществе человек 6; интеллектуальный, с которым приятно беседовать, общаться 5; великодушный, готовый помочь в любую минуту, духовно богатый, душевный, правильный, умеющий вести себя в обществе, в различных ситуациях 4; знающий историю своей страны, знающий нормы морали, интересный в общении, интересующийся искусством, милый, одетый со вкусом, порядочный, умеющий найти общий язык, умеющий сблизиться с людьми, уступающий место в транспорте, эстетически воспитанный 3; благодарный, верующий, замечательный, искренний, надежный, не обижающий других, не использующий нецензурных выражений, никогда не позволяющий себе сказать в адрес другого человека что-либо нехорошее, обидное; опрятный, оставляющий о себе хорошее впечатление, относящийся к культуре данной страны, относящийся с уважением к предкам, положительный, приличный, просвещенный, религиозный, с богатым внутренним миром, сдержаный, сердечный, смелый, соблюдающий традиции своей страны, соответствующий нормам морали, спокойный, умеющий себя подать, у которого есть, чему поучиться; уравновешенный, хороший друг, эрудированный 2; бесконфликтный, гармоничный во всех отношениях, достойный звания «личность», знающий правила общения, идущий в ногу со временем,

испытывающий уважение к женщине; когда ученик не выкрикивает с места, а поднимает руку; который не стесняется извиниться, если сделал что-то плохое; которому радуется душа, ласковый, лояльный, любящий классическую музыку, любящий свою Родину, не бросает бумажки на газон, не дерется, нежный, не скверносоловит, никогда не выставляет напоказ слабые места других, никогда не ударит другого человека, нонсенс нашего времени, обладающий внутренней культурой, обладающий достаточными познаниями в области мировой культуры, образ жизни у человека очень хороший, ответственный за свои поступки, относящийся к искусству, посещающий театры, прекрасный, правдивый, пунктуальный, рассудительный, сейчас такого нет, скромный, соблюдает культурность в разговоре, справедливый, уважающий мнение окружающих, умеет всегда помочь, умеет скрывать то, о чем думает; умеющий держать себя в руках, умеющий общаться, умеющий поддерживать разговор на любую тему, умеющий признавать свои ошибки, умеющий ценить человеческие взаимоотношения, человек с большой буквы, человек с высшим педагогическим образованием, человечный 1.

Когнитивная интерпретация результатов данного эксперимента позволяет говорить о следующих когнитивных признаках, объективированных в эксперименте:

Воспитанный 111

Образованный 73

Вежливый 69

Знает и соблюдает правила и нормы поведения 66

Умеет проявлять заботу, внимание 58

Удовлетворяет основным требованиям цивилизованного общества 52

Любит и умеет общаться 41

Грамотный 36

Умный 29

Добрый 28

Нравственный 27

Знает правила этикета 25

Умеет находить выход из ситуации 18

Уравновешенный 16

Любит шутить, имеет веселый нрав 15

Хороший 15

Интерес к своей стране 14

Всесторонне развит 14

Интерес к культуре и искусству 12

Не совершает некультурных действий 11

Уважает окружающих 11

Без вредных привычек 6

Религиозный 4

Великодушный 4

Красиво одевается 3

Милый 3
Ответственный 2
Проявляет ласку и нежность 2
Смелый 2
Отсутствие в современном обществе 2
Опрятный 2
Богатая нравственная сущность 1
Рассудительный 1
Справедливый 1

Таким образом, методика когнитивной интерпретации результатов ассоциативного эксперимента позволяет выявить когнитивные признаки концепта. При этом когнитивная интерпретация выступает обязательным компонентом лингвокогнитивного исследования – при отсутствии когнитивной интерпретации результаты ассоциативного эксперимента остаются в сфере языкового сознания и не могут рассматриваться как прием определения содержания и структуры концепта.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований // Новое в когнитивной лингвистике / Под ред. М.В. Пименовой. – Кемерово, 2006. – С.155-163.

И.А. Щербакова

Когнитивные признаки концепта *извинение* в русских паремиях

Одним из приёмов установления содержания и структуры концепта *извинение* является анализ паремий, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и его оценки. Этот приём хорошо показывает народное осмысление правил поведения.

В паремиях проявляется национальный менталитет, т.е. национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемой совокупностью когнитивных стереотипов нации (Попова, Стернин 2001). Именно по паремиям мы можем во многом судить об историческом менталитете русского народа. Менталитет тесно связан с концептосферой (сферой знаний народа). Образующие национальную концептосферу ментальные единицы являются основой образования когнитивных стереотипов – суждений о действительности.

Наличие в русской концептосфере концепта *извинение* определяет ряд ментальных стереотипов русского сознания, предлагающих или просьбу о прощении, или само прощение. Имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, диктуют некоторые фиксируемые

в концептах оценки явлений и событий. Например, извиняются перед людьми, занимающими высокий пост, старшими по возрасту, родными, а могут не извиняться перед людьми, вызывающими антипатию, недругами, младшими по возрасту.

Под паремиями понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, предназначенные для употребления в дидактических целях. Как правило, это пословицы, поговорки, авторские высказывания, ставшие афоризмами. Репрезентация того или иного концепта осуществляется всем текстом паремии.

Анализ материала, взятый из словарей пословиц и поговорок русского народа, позволил выявить следующие когнитивные признаки, присущие концепту *извинение*.

1. Является смягчающим вину обстоятельством (6 примеров): *Признание – половина исправления; За признание – половина наказания; Явиться с повинной; Нечистый попутал; Бес попутал; Дьявол попутал.*

Дьявол считается отрицательным существом, который внушает человеку желание совершать плохие поступки.

2. Может просить невиновный человек (5 примеров): *На деле прав, а на дыбе (пытка) виноват* (измученный, доведенный до исступления пыткой человек должно оговаривал себя); *У сильного всегда бессильный виноват; Без вины виноватые; Не всякая вина виновата; Третья вина виновата; Десятая вина виновата* (трудно искать виновного среди многих, поэтому раньше выстраивали в ряд всех подозреваемых и наказывали каждого третьего (или десятого) в ряду).

3. Извиняются за скромность угощения (5 примеров): *На малом – не взыщите, а большего не ищите; Чем богаты, тем и рады; Щи, но от чистого сердца* (относится не только к щам); *Извините за хлеб, за соль; Не обессудьте на хлебе – соль.*

4. Является результатом совершения греха (3 примера): *Умей грешить, умей и каяться; Грешить легко – трудно каяться; Кто сознался тот и покаялся.*

5. Извиняются за грубые слова (3 примера): *Извините на слове; Извините за выражение; Простите за выражение.*

6. Виновный подчиняется наказанию (3 примера): *Моя вина – твой меч; Голову кладу; Руби голову.*

7. Предполагает открытие правды (3 примера): *Как ни жаться, а в правде признаться; Каюсь как перед богом; Как на духу, всю правду скажу.*

8. Освобождает от наказания (2 примера): *Повинную голову меч не сечёт; Головы повинной не секут, не рубят.*

9. Не гарантирует, что нарушение не повторится (1 примера): *Каяться – кайся, да опять за то же не принимайся.*

10. Подразумевает необходимость прощать (2 примера): *И на старуху бывает проруха* (и опытный человек может ошибиться, совершив оплошность, промах); *Молодо – зелено, погулять велено* (говорится

снисходительно, когда чьи-либо поступки или слова свидетельствуют о молодости или неопытности).

11. Прощать можно до трех раз (1 пример): *До трёх раз прощай.*
12. Нужно больше прощать, так как человек может быть не виноват (1 пример): *Лучше десятерых виновных простить, чем одного невиновного казнить.*
13. Прощать надо быстрее, чем наказывать (1 пример): *Не спеши карать – спеши миловать.*
14. На первый раз нужно прощать (1 пример): *Первый раз прости, а второй прихворости.*
15. Просит прощения виноватый (1 пример): *Виноватый винится, а правый ничего не боится.*

Некоторые паремии используются для того, чтобы назвать типичные формы:

- просьба о прощении, обращённая к кому-либо (1 пример): *Не вели казнить, вели миловать;*
- выражение покорности (1 пример): *Принадаю к стопам твоим.*

Анализ русских паремий даёт нам основание сделать следующий вывод: *извинение* – это одна из составляющих правил этикета, содержащая просьбу о прощении, прощение поступков, признание вины, снисходительное отношение. Оно требует обдуманности, отсутствия спешных решений; допускает как расплату (при которой большую роль играют смягчающие обстоятельства) за вину, так и её отсутствие; направлено на сохранение мирных отношений.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М., 1957.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1984.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М., 1994.

Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. – Ростов н/Д, М., 2005.

КОММУНИКАТИВНОЕ СОЗНАНИЕ

Е.С. Жуленева

Феномен «албанского языка» в блоговом пространстве русского интернета

За последнее время в русской зоне интернета произошли коренные изменения, связанные, прежде всего, с массовым распространением разнообразных блоговых систем (блог – сетевой журнал), самое значительное место среди которых занимает Живой Журнал.

Блог интерактивен, как никакой другой жанр интернета, в этом заключается его основная черта. Находясь в пределах журнала, блоггер имеет возможность перемещаться по чужим журналам, помещать в них комментарии, оставлять ссылки на интересные ресурсы, вставлять картинки; такая связь дает возможность распространять информацию с немыслимой ранее скоростью и полнотой, не возникает эффекта сломанного телефона, так как всегда есть возможность обратиться к первоисточнику.

Помимо функции информирования, блог важен еще и как социальная система. И, как в любой социальной системе, в его границах выработался свой собственный «тайный» язык, создающий у использующего его ощущение причастности к сообществу. В русском интернет-пространстве такой язык получил наименование «албанского/олбанского» (название появилось в результате истории с американским пользователем scottishtiger, который, увидев текст на русском языке в livejournal.com, имел неосторожность возмутиться, почему на американском сайте кто-то пишет на непонятном ему языке). Такой вопрос не был оставлен без внимания русскоязычными пользователями Живого Журнала, и scottishtiger получил большое количество разнообразных комментариев, среди которых было предложение «выучить албанский»*. Очень скоро это выражение в форме «аффтар, учи албанский» получило всеобщее признание, наряду с другими эрративными словоупотреблениями, возникающими в результате «нарочитого грубого искажения стандартного написания слова и его последующей микрогрупповой канонизации в качестве утрированно-исправленного и иногда фиктивно приспособленного к реальному произношению» (Гусейнов 2005).

Таким образом, можно говорить о том, что впервые за время своего существования пользователи русскоязычного интернета сформировали блок несвязанных с английским языком выражений. В границах интернет-жаргона идет процесс постепенного замещения иноязычной (прежде всего – английской) эмоционально окрашенной лексики на русскую. И если

* Все выражения взяты из <http://www.wikipedia.org/>

прежде намеренно искажались английские выражения, то теперь можно говорить о феномене творческого осмысления собственно русской лексики. И этот процесс уже нельзя объяснить приспособлением непривычного звучания, хотя он и имеет те же самые корни – это игровое восприятие языка.

«Албанский язык» – это нарочито неграмотное словоупотребление; написание слов и выражений имитирует не просто устную речь, как это было раньше, а письменную речь абсолютно безграмотного человека. Такой феномен можно связать с культивированием образов основных антигероев эпохи: «блондинки» и «пэтэушника» – «людей очень низкого интеллектуального развития», то есть возникает эффект карнавального превращения, смещения верха и низа. Изначально образованные и грамотные люди примеряют маску необразованных и неграмотных.

Источники возникновения «албанского языка» это, прежде всего, сайты udaff.com и padonki.org, старый проект FIDO и ныне закрытый сайт fuck.ru. Именно в границах этих ресурсов разрабатывался жаргон «падонков», который во многом стал основой будущего «албанского». Среди таких выражений следует прежде всего отметить: «низачОт», «аффтар», «жжсош», пару «гламурненько»/«готичненько» и многочисленные слова, употребляемые с заменой -тс/-дс на -цц, среди которых особое место занимают «аццкий» и «деццкий». Важное место занимает инвективная лексика, тоже определенным образом обработанная.

Эффект «неграмотного письма» достигается несколькими основными способами, это:

- 1) написание по фонетическому принципу: «В Бабруйск, жывотное!», «фтопку!»;
- 2) намеренное оглушение/озвончение согласных (часто не соответствующее произношению): «превед», «медвед», «моск»;
- 3) удвоение согласных: «жосско», «аффтар»;
- 4) слитное написание словосочетаний и предложений: «Ржалимогтацтулам», «Ниасилил патамуита многабукафф»;
- 5) добавление Ъ на конце слов (даже при окончании на гласную): «труЪ» (от англ. *true* – правда, употребляется в выражениях типа «труЪ гот», «труЪ красавчег»), «рыдалЪ»;
- 6) замена (там, где соответствует произношению) буквы «Я» на сочетание «И(Й)А»: «и(й)ад», «и(й)я»;
- 7) национально окрашенное написание: «Ще десь?», «Зочем ви тгавите?»;
- 8) нарушение согласования или управления: «Картинки не грузяцо!»;
- 9) изменение родовой принадлежности слов (чаще всего к среднему роду): «сцылко», «медалько».

Все вышеперечисленные способы редко встречаются в изолированном виде, при написании возникает целый комплекс эрративов.

Кроме того, именно в границах «албанского языка» возникают первые русские акронимы, генетически не связанные с английскими (так,

общеупотребительное в рунете «*ИМХО*» восходит к англоязычному «*IMHO*» – «*по моему скромному мнению*»). Например: «*КГ/АМ*» – «*креатив гениальный – автор молодец*», «*АПВС*» – «*А почему Вы спрашиваете?*», «*Ъ*» – символ, обозначающий истинность, неподдельность чего-либо. Очень часто акронимами заменяются инвективные сочетания, в таком виде они даже проникают в устную речь, становясь общеупотребительными.

Как уже было отмечено, жаргон появился в границах ресурсов udaff.com и padonki.org, то есть первоначально функционально он был близок к арго (употреблялся в границах одного сообщества) и имел четко выраженную игровую литературную окраску. Г. Гусейнов соотносит их словесное творчество с такими языковыми субкультурами, как кадетская («млаой члаэк») и лабушская с их нарочитым искажением произносительной нормы и интересом к табуированной тематике (Гусейнов 2005). Возможно, именно в результате такой четко выраженной литературно-игровой направленности можно говорить о том, что абсолютное большинство единиц жаргона «падонков» имеют оценочный характер: «*Лесдарно – бездарно до безобразия, намёк на то, что автор не имеет литературного таланта*».

С распространением в блогах, жаргон «падонков» утерял многое из того, что было ему присуще изначально: прежде всего творческое осмысление языкового явления. Большинство блоггеров не создают новые единицы языка, они просто используют уже готовые. Помимо этого, массовость употребления этой лексики создала тенденцию к сокращению количества ненормативных единиц в потоке речи. «*Албанский язык*», в отличие от жаргона «падонков», не имеет столь ярко выраженной гендерной окраски. Сайт padonki.org – это, прежде всего, сообщество, имеющее все признаки «мужского братства»: жесткость, даже до некоторой степени брутальность в поведении, культивирование традиционных «мужских» ценностей и интересов (спорт, политика, алкоголь, секс), открытая гомофobia и национализм (хотя последние имеют подчеркнуто игровой характер). Все эти качества присущи творчеству «падонков» и их языку. Ничего подобного в пределах блогов мы уже не находим. Таким образом, на современном этапе своего развития жаргон перестал пополняться новыми единицами и даже постепенно происходит сокращение словарного запаса.

Вне контекста творчества сообщества «падонков» (в границах Живого Журнала) появилось только одно выражение, но именно оно стало своеобразным символом современного рунета, паролем и приветствием «посвященных». Это уже упоминавшееся слово «*превед*». История его появления связана с распространившейся в блогах репродукцией картины «*Bear Surprise*» Джона Лурье (John Lurie). На этой картинке изображён медведь, который застал туристов, занимающихся сексом, и поприветствовал их (в оригинале медведь говорит «*Surprise!*»). Текст в изображении был заменен Романом Яценко, после чего за очень короткий срок изображение было растиражировано по журналам, вызвав необычайный

интерес, многочисленные отклики и разнообразные творческие обработки темы «Медвед с преведом». Появился даже специальный смайлик, изображающий медведя с поднятыми в приветствии лапами (он существует в двух вариантах): «Ү», «օ/».

В устном употреблении слово «превед» не соответствует произносительной норме, для его адекватного восприятия от говорящего требуется голосовое выделение безударного «е» и озвончение конечного согласного. Как уже было сказано, такое намеренное искажение дает возможность показать принадлежность к определенной группе – в данном случае к блоговому сообществу.

Г. Гусейнов говорит о двух противоречивых тенденциях, возникающих в пределах эрративного словообразования: с одной стороны, это политика изоляционизма, когда сообщество замыкается внутри себя, агрессивно воспринимая все попытки внешнего воздействия, а с другой стороны – эрративы все равно получают широкое распространение в рунете (Гусейнов 2005). Это связано с контркультурным характером всей интернет-культуры, которая противопоставлена официальной культуре с ее многочисленными табу и запретами. С одной стороны, у пользователей ресурса в виртуальном пространстве возникает ощущение вседозволенности, а с другой – эта вседозволенность находится под постоянным пристальным контролем других пользователей.

Такая ситуации создает благоприятную среду для различных творческих экспериментов над языком. Этот процесс идет очень быстрыми темпами, и то, что было актуально еще несколько лет назад (например, англоязычные акронимы), сейчас уже потеряло свою значимость для носителей языка. Идет процесс оформления собственно русского, не связанного с английским, сетевого жаргона.

Гусейнов Г. «Берлога веблога». Введение в эрратическую семантику // «Говорим по-русски», март 2005,

http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm

А.С. Куркина

Неординарное вступление в контакт (на материале обращений в письмах А.П. Чехова)

Установление контакта с собеседником является важным параметром коммуникативной личности. Коммуникативный успех во многом зависит от того, как адресант начинает общение, как он называет собеседника.

Наименование адресата является результатом творческого акта в познавательной деятельности говорящего. При этом в основу номинации адресата могут быть положены различные признаки: как существенные,

объективные, так и несущественные, второстепенные или даже окказиональные (Мигирина 1980, с. 26). Обращаясь к своему собеседнику, адресант может акцентировать внимание как на физических и психических особенностях, так и на социальных проявлениях адресата.

Значительную часть начальных обращений в письмах А.П. Чехова составляют неординарные обращения, что характеризует его как весьма оригинальную и творческую языковую личность. Как правило, подобные обращения писатель использует в общении с родственниками и близкими знакомыми.

Чеховские обращения многофункциональны, они настраивают адресата на определенную тональность общения. Нередко они являются частью коммуникативной стратегии адресанта для создания оригинального «коммуникативного рисунка» сообщения с учетом интересов и свойств собеседника.

Обращения в письмах А.П. Чехова выполняют *этическую* (служат знаками вежливости), *фатическую* (служат для установления речевого контакта с собеседником), *прагматическую* (служат для воздействия на адресата) и *эмоционально-характеризующую* функции. Во многих речевых ситуациях обращение Чехова к собеседнику может выполнять одновременно несколько функций.

Среди неординарных обращений в чеховских письмах можно выделить несколько типов.

I. Экспрессивные ситуативно-оценочные обращения

Обращения подобного рода имеют максимально ситуативный и окказиональный характер, имеют в письмах А.П. Чехова обычно единичную встречаемость и используются по отношению к конкретному собеседнику.

А.П. Чехов именует адресата метафорическим именем по какому-либо временному, ситуативно обусловленному признаку. Писатель обращает внимание на несколько признаков, которые наиболее ярко характеризуют адресата: его психическое или физическое состояние, обозначившееся в определенный момент черту его характера, значимое событие в его жизни, его временное географическое местоположение. Данные обращения обладают большой выразительностью, образностью, эмоциональной насыщенностью. Ярко выраженная экспрессия делает эти обращения настолько неординарными, что заменить их нейтральными невозможно. Обращения этого типа можно разделить на 3 группы.

1. Обращения, гипертрофирующие какое-либо из свойств личности, одну из черт характера, физическое самочувствие адресата или тональность его настроения в конкретной ситуации

Подобные обращения часто содержат в себе в свёрнутом виде намек на содержание текста письма или акцентируют внимание на каком-либо отрывке из него. Данные обращения выполняют обычно конкретную pragматическую функцию и служат для воздействия на адресата. Они могут употребляться со следующими целями.

- С целью выражения упрека:

«Образованнейшая и лютейшая Любовь Александровна!» (т. 1, с. 36) – обращается в своем письме А.П. Чехов к Л.А. Камбуровой и сразу настраивает свою собеседницу и на последующий упрек, и на шутливый тон письма, в котором писатель корит Любовь Александровну за то, что она, написав брату огромное письмо, ни словом не упомянула об А.П. Чехове.

«Добрейший и тяжелейший на подъем Франц Осипович!» (т. 1, с. 248) – начинает свое письмо к Ф.О. Шхетелю Антон Павлович с комплимента и одновременно с упрека, который развернется дальше в письме в шутливо-менторский укор и дружеское приглашение на дачу.

Письмо к А.Л. Селивановой-Краузе, начинающееся с обращения «Бессердечная немка!» (т. 6, с. 293), также «не предвещает ничего хорошего», так как далее следует шутливый выразительный упрек в невыполнении поручения.

«Легкомысленный и посмения достойный брат мой Александр!» (т. 1, с. 44.) – пишет А.П. Чехов брату Александру и далее, сразу после обращения, приводит в шутливой форме по пунктам факты, говорящие о легкомыслии брата в конкретной ситуации.

- С целью выражения просьбы:

«Милейший Банк!» (т. 1, с. 179) – так начинает А.П. Чехов письмо своему другу М.М. Дюковскому и уже с самого начала акцентирует внимание на таком внутреннем качестве адресата, как щедрость и безотказность. Цель обращения очевидна – писатель просит денег взаймы, что подтверждается в последующем тексте письма.

- С целью извинения:

«Обманутый Человек! Простите за обман» (т. 1, с. 258) – обращается А.П. Чехов к Ф.О. Шхетелю и одновременно извиняется, заостряя его внимание на том, что невольно подвел адресата и далее объясняет причину этого недоразумения.

«Сердитая Лидия Алексеевна, мне очень хочется повидаться с Вами, очень – несмотря даже на то, что Вы сердитесь и желаете мне всего хорошего «во всяком случае» (т. 6, с. 307) – к Л.А. Авиловой.

- С целью сочувствия и медицинского наставления:

«Бедная, больная Ликиша!» (т. 4, с. 242) – пишет А.П. Чехов Лике Мизиновой; «Мое Вам почтение, недугующий Николай Александрович!»

(т. 2, с. 69) – обращается Чехов к А.Н. Лейкину. Оба эти письма посвящены медицинским наставлениям.

- С целью утешения:

Начиная свое письмо И.Л. Леонтьеву (Щеглову) словами: «*Милая трагическая Жанушка!*» (т. 3, с. 267), писатель делает намек на нервность натуры своего доброго знакомого, на его склонность все преувеличивать и драматизировать: «*Успокойте Ваши щеглиные нервы, и да хранит вас небо!*» – пишет Чехов далее в письме.

2. Обращения, акцентирующие внимание на временном географическом местоположении адресата

Данные обращения А.П. Чехов обычно употребляет со сравнительно-сопоставительной целью. По пути на Сахалин писатель в письмах к своим родным обращается: «*Друзья мои тунгусы!*» (т. 4, с. 65, 68, 70, 95), намекая на то, что все его близкие остались на севере, а он держит путь на восток. А в обращении к брату Александру: «*Европейский брат!*» акцентируется внимание не только на географическом местоположении адресата, но на цивилизованных условиях, в которых находится его брат (т. 4, с. 105). Со сравнительно-сопоставительной целью используется и концовка письма: «*Твой азиатский брат А. Чехов*».

3. Обращения, акцентирующие внимание на каком-нибудь поступке адресата или главном событии из его жизни (в основном на женитьбе или на рождении ребенка)

Для характеристики собеседника писатель использует окказиональные прилагательные: «*Доброчестственный брат мой, Александр Павлович! Первым делом поздравляю тебя и твою половину с благополучным разрешением и прибылью, а город Таганрог со свеженькой гражданкой...*» (т. 1, с. 53) – пишет А.П. Чехов своему старшему брату Александру и акцентирует внимание не только на таком счастливом и торжественном событии, как рождение ребенка, но и дает шутливую оценку возможностям и здоровью брата.

Похожие обращения с намеком встречаем и в письмах к брату от 24 или 25 июля 1891 г. и от 6 августа 1891 г.: «*Фотографический и плодовитый брат мой!*» (т. 4, с. 252); «*Плодовитая смоковница!*» (т. 4, с. 258).

А своему коллеге доктору П.Г. Розанову А.П. Чехов намекает на такое важное недавнее событие в его жизни, как женитьба: «*Женатый коллега!*» (т. 1, с. 181).

II. Экспрессивно-оценочные обращения, не закрепленные за конкретной ситуацией

1. Обращения, шутливо возвеличивающие собеседника

- Шутливо-почтительные обращения

Данные обращения употребляются А.П. Чеховым в основном в письмах дружеского характера к очень уважаемым им людям или к своим близким с целью выразить шутливую почтительность собеседнику. Для этого он часто использует официальные формулы речевого этикета, которые выполняют не столько этикетную функцию, сколько эмотивную и фатическую.

Приведем несколько примеров: «*Vаше Превосходительство!*» (т. 3, с. 189, 294) – к А.С. Суворину; «*Vаше Благородие!*» (т. 1, с. 206) – к М.М. Дюковскому; «*Vаше Высокородие!*» (т. 2, с. 146; т. 4, с. 311) – к А.С. Киселеву; «*Sire!*» (т. 1, с. 240; т. 2, с. 109, 123; т. 3, с. 40); «*Vive le roi!*» (Да здравствует король! – франц.) (т. 1, с. 195) – к Ф.О. Шехтелю; «*Sire!*» – к В.В. Билибину (т. 1, с. 195).

В письмах А.П. Чехова встречаются также обращения, построенные по образцу официальных формул речевого этикета. Данные обращения, похожие на шутливо-велеречивые титулы, писатель использует в основном в письмах к брату Александру: «*Vаше великолепие!*» (т. 5, с. 206); «*Vаше Целомудрие!*» (т. 1, с. 14); «*Vаше Вдовство!*» (т. 2, с. 314); «*Владыко!*» (т. 5, с. 349; т. 6, с. 16); «*Отче Александре!*» (т. 2, с. 334); «*Отче Повсекакие!*» (т. 6, с. 127); «*О. Архимандрит!*» (т. 2, с. 216); «*Литературный брандмайор!*»; «*Велемудрый секретарь!*» (т. 2, с. 120).

Некоторые официальные обращения А.П. Чехов смягчает элативами, намеренно нарушая при этом этикетную норму: «*Милейший надворный советник*» (т. 2, с. 155, 214) – к А.С. Лазареву (Грузинскому); «*Милейший маэстро!*» (т. 2, с. 66) – к Ф.О. Шехтелю.

Иногда А.П. Чехов обращается к собеседнику как «низший» к «высшему», шутливо подчеркивая свое крестьянское происхождение. Несколько раз в своих письмах к А.С. Киселеву писатель использует формулу обращения: «*Барин!*» (т. 2, с. 201), «*Милый барин!*» (т. 2, с. 273; т. 3, с. 37). А обращаясь к В.С. Миролюбову, пишет: «*Милостивейший государь Виктор Сергеевич, Отец и благодетель!*» (т. 5, с. 290).

Средством создания экспрессии в приведенных выше обращениях является языковая игра: А.П. Чехов преднамеренно употребляет стилистически маркированные знаки этикета в несоответствующей им ситуации.

- Обращения-комplименты, акцентирующие внимание на одной из положительных черт личности адресата или его внешности

Большая часть обращений этого типа содержит формы элативов (высшей степени качества): *талантливейший, счастливейший, добрейший, бескорыстнейший* и т.п.: «*Талантливейший из всех архитекторов мира!*» (т. 2, с. 37) – к Ф.О. Шехтелю; «*Счастливейший избранник Гименея, добрейший доктор и восхитительный мужчина!*» (т. 3, с. 302) – к Н.Н. Оболонскому; «*Многоуважаемый и добрейший, как самая добрая маменька, Леонид Николаевич!*» (т. 1, с. 215) – к Л.Н. Трефолеву; «*Добрейший из юмористов и помощников присяжного поверенного,*

бескорыстнейший из секретарей Виктор Викторович!» (т. 1, с. 189) – к В.В. Билибину.

А.П. Чехов употребляет также обращения, изобилующие эпитетами: «Милый мой collega, Татьяна Львовна, великая писательница земли русской!» (т. 5, с. 270) – к Т.Л. Щепкиной-Куперник; «Здравствуйте, Клеопатра Александровна, великая артистка земли русской!» (т. 5, с. 271); «Великая актриса земли русской!» (т. 6, с. 66, 122, 124) – к К.А. Каратыгиной; «Талантливая Мария Владимировна!» (т. 3, с. 84) – к М.В. Киселевой; «Прекрасный Игнациус!» (т. 6, с. 137); «Неистовый Игнациус!» (т. 6, с. 368) – к И.Н. Потапенко; «Elegantissime!» (т. 2, с. 41) – к Ф.О. Шехтелю; «Добрый Саша!» (т. 5, с. 277; т. 6, с. 77); «Бедный, но благородный брат!» (т. 5, с. 175) – к брату Александру; «Благородная сестрица!» (т. 4, с. 194) – к сестре М.П. Чеховой.

Высшей экспрессии в выражении восхищения достигают обращения с окказиональными прилагательными: «Золотая, перламутровая и фильтекосовая Лика!» (т. 4, с. 231); «Очаровательная, изумительная Лика!» (т. 4, с. 240); «Милая, великолепная Лика!» (т. 5, с. 254); «Добрая Лидия Стакиевна!» (т. 6, с. 224) – к Л.С. Мизиновой.

2. Обращения, шутливо дискредитирующие собеседника

Обращения этого типа А.П. Чехов использует только по отношению к своему брату Александру. Они имеют ярко выраженный экспрессивный характер. Как и другие экспрессивно-оценочные обращения, данный тип включает окказионализмы, например: *двуличновольнодумствующий, недоуменный ум, иудино окаянство, ббб* и т.д. Шутливо-дискредитирующие обращения акцентируют внимание на «отрицательных чертах» личности адресата, обычно являясь частью коммуникативной стратегии в создании таких речевых жанров, как поручение, приказание, нравоучение, совет, критическое замечание. Эти обращения писатель часто использует с шутливо-регулятивной целью.

- Обращения, указывающие на «безнравственность» собеседника:

«Безнравственный брат!» (т. 6, с. 275); «Брат наш мерзавец Александр Павлович!» (т. 1, с. 87); «Беззаконно живущий и беззаконно погибающий брат мой!» (т. 3, с. 163); «Беззаконно живущий и беззаконно погибающий брат наш Александр!» (т. 3, с. 200); «Бездельник!» (т. 2, с. 241); «Шантажист!» (т. 2, с. 25); «Гнусный шантажист!» (т. 2, с. 235); «Неблагодарный брат!» (т. 5, с. 248, 251, 299); «Недостойный брат!» (т. 5, с. 291; т. 6, с. 138); «Неблагодарный и недостойный брат!» (т. 5, с. 240); «Двуличновольнодумствующий Саша!» (т. 6, с. 68, 167); «Двуличновольнодумствующий брат наш! Сим извещаю твое благоутробие, что я уже вернулся из гнилого запада и живу на даче (зри выше адрес)» (т. 4, с. 230).

- Обращения, указывающие на «недостаток ума» собеседника:

«Голова садовая!» (т. 2, с. 32); «Недоуменный ум!» (т. 2, с. 275); «Недоуменный ум! Сейчас я имел неосторожность прочитать два твоих

открытых письма. Свою безграмотностью, бессодержательностью и отвратительным слогом они испортили мне то светлое настроение, которое я испытывал сегодня, прочитав свой рассказ «Верочка» (т. 2, с. 33).

- Обращения, указывающие на «дурные наклонности» собеседника: «Алкоголизм!» (т. 3, с. 246); «Пьяница!» (т. 3, с. 26); «Раскаявшийся пьяница!» (т. 3, с. 58); «Прорва!» (т. 2, с. 233).
- Обращения, указывающие на «ничтожность личности» собеседника: «Ничтожество!» (т. 2, с. 44); «Инфузория!» (т. 4, с. 25); «Ремешок от штанов!» (т. 1, с. 283); «Дубина! Хам! Штаны! Ум недоуменный и гугнивый!» (т. 2, с. 95); «Маленькая польза!» (т. 2, с. 264, 265); «Маленькая польза! Пожелав тебе самой большой пользы, ответствую тебе на твое письмо» (т. 1, с. 68); «Финюга, маленькая польза, взяточник, шантажист и всё, что только пакостного может придумать ум мой! Нюхаю табаку, дабы чихнуть тебе на голову 3 раза, и отвечаю на все твои письма, которые я читал и упрекал в нерадении» (т. 1, с. 192).
- Обращения, указывающие на принадлежность собеседника к «темным силам»: «666!» (т. 3, с. 77); «Столп злобы! О, иудино окаянство!» (т. 2, с. 250).
- Обращения, указывающие на «отсутствие» у собеседника литературного таланта: «Лжедраматург, которому мешают спать мои лавры!» (т. 3, с. 209); «Журнальный лилипут!» (т. 3, с. 237); «Ненастоящий Чехов!» (т. 2, с. 283); «Разбойник пера и мошенник печати!» (т. 2, с. 137); «Бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати!! Отвечаю на твое поганое и поругания достойное письмо по пунктам...» (т. 2, с. 317).

Рассмотрев разные типы экспрессивно-оценочных обращений, можно сделать вывод, что обращения с негативной оценкой собеседника явно преобладают над обращениями с положительной оценкой, особенно по отношению к брату Александру. Это объясняется, видимо, короткой коммуникативной дистанцией между собеседниками и, как следствие, игровым типом коммуникативных отношений.

III. Социально-ролевые обращения

В коммуникативном акте А.П. Чехов отмечает не только психологические, физиологические и личностные характеристики, но и социально-ролевые проявления собеседника. Любой человек, реализуя себя в социуме, осуществляет какую-либо социальную роль, которая может задавать модель коммуникативного поведения как адресата, так и адресанта. «Социально-ролевые наименования называют адресата по переменной социальной характеристике, актуализированной в момент коммуникативного акта: 1) по роду деятельности, должности, званию, чину; 2) по выполняемой в данный момент другой социально-значимой роли, проявляющейся в речевом поведении адресата» (Полонский 1999, с. 101-102). Приведем несколько примеров социально-ролевых обращений

в письмах А.П. Чехова. В некоторых обращениях писатель в момент коммуникации может акцентировать свое внимание на месте работы адресата, которое определенным образом характеризует адресата: «*Таможеный брат мой Александр!*» (т. 1, с. 41); «*Уловляющий контрабандистов-человеков-вселенную, таможеный брат мой, краснейший из людей, Александр Павлыч!*» (т. 1, с. 45) «*Карантинно-таможенный Саша!*» (т. 1, с. 176); «*таможенно-карантинный человече*» (т. 1, с. 229) – обращается Антон Чехов к своему брату Александру; «*Добрейший столоначальник Александр Павлович!*» – в письме от 25 января 1883 г. (т. 1, с. 49). Данные обращения содержат в себе информацию о том, что Александр с некоторых пор стал важным человеком, так как работает на таможне. Подобные социально-ролевые обращения находим и в последующих письмах к Александру, где А.П. Чехов в шутливо-ироническом тоне отмечает значимость информации о новом месте работы брата в журнале «*Пожарный*»: «*Пожарный Саша!*» (т. 4, с. 29); «*Пожарный брат мой! Теперь я верю в предчувствия и пророчества: когда в детстве ты орошал по ночам свою постель и потом в отрочестве, кроме орошения, занимался еще и тем, что бегал на пожары и любил рассказывать о пожарной команде, бегущей по каменной лестнице, – тогда еще следовало предвидеть, что ты будешь пожарным редактором. Итак, поздравляю. Туши, Саша, пожары своим талантливым пером на шереметьевский счет, а мы будем радоваться*» (т. 4, с. 364).

Иногда обращения могут содержать намек на должность адресата: «*Кокарда!*» (т. 1, с. 240) – к брату Ивану.

Письма к своему другу Ивану Леонтьевичу Леонтьеву (Щеглову) А.П. Чехов часто начинает с обращения: «*Капитан!*» (т. 2, с. 198, 267 т. 3, с. 191); «*Милый капитан!*» (т. 2, с. 161, 188, 204, 297); «*Милейший капитан!*» (т. 2, с. 245); «*Дорогой капитан!*» (т. 2, с. 248); «*Храбрый капитан*» (т. 2, с. 209), акцентируя внимание на чине адресата (капитана-от-артиллерии), участвовавшего в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Отметим, что повторенное неоднократно обращение «*Капитан*» закрепилось за адресатом и стало прозвищем.

В письмах А.П. Чехова встречаются также начальные обращения, акцентирующие внимание на роде деятельности адресата. Так, например, писатель несколько раз обращается к И.Л. Леонтьеву-Щеглову, называя его: «*Милый господин театрал!*» (т. 3, с. 179); «*г. Театрал!*» (т. 3, с. 250); «*Милый мой драматург*» (т. 2, с. 282).

Особенностью социально-ролевых обращений в письмах А.П. Чехова на функциональном уровне является их экспрессивность, что не свойственно стереотипным социально-ролевым обращениям. А на лексико-семантическом уровне неординарность данных обращений проявляется в том, что группа социально-ролевых наименований адресата формируется А.П. Чеховым не только именами существительными, но и окказиональными прилагательными, которые употребляются писателем в не свойственном для прилагательных значениях. Этот факт указывает на

игровой тип языковой личности, а также на игровой тип коммуникативных отношений между собеседниками.

IV. Антропонимические обращения

Одним из способов обращения, используемым Чеховым, является антропонимический. А.П. Чехов всегда стремится сделать имя собственное ярким адресатным знаком. В дружеских письмах к симпатичным и близким ему людям писатель часто обращается, используя уменьшительно-ласкательную форму собственного имени: «Ликуся!» (т. 5, с. 144, 146, 152); «Милая Ликуся!» (т. 5, с. 132, 203, 214, 235) – к Л.С. Мизиновой; «Милая Жанушка!» (т. 3, с. 50); «Милый Жанчик!» (т. 3, с. 59, 237) – к И.Л. Леонтьеву (Щеглову) и т. п. Однако А.П. Чехов стремится уйти от традиционных обращений. Для этого он применяет следующие авторские способы преобразования имени:

- преобразование имени адресата на иностранный манер:

Любезный друг Сашиньёх! (т. 1, с. 51) – к брату Александру; *«Mein lieben Johann!»* (Мой дорогой Иоганн! – нем.) (т. 3, с. 65); *«Johannes Leonis filius!»* (Иоанн сын льва! – лат.) (т. 3, с. 73) – к Ивану Леонтьевичу Леонтьеву (Щеглову).

- прибавление к краткому имени новогоозвучного слова:

К своим братьям А.П. Чехов иногда обращается, видимо, вдохновляемый детскими ассоциациями: «Саша-Таракаша!» (т. 2, с. 86), «Миша-терентиша!» (т. 1, с. 152).

- преобразование фамилии на манер прозвища:

«Гиляй» (т. 2, с. 129) – В.Г. Гиляровскому; «Милый Семаша» (т. 6, с. 322) – к М.Р. Семашко.

- присвоение адресату вымышленного или чужого имени и фамилии:

В письмах к родным и друзьям А.П. Чехов часто использует в качестве обращения вымышленное или чужое имя. Например, к Лидии Стахиевне Мизиновой, которую все Чеховы ласково называли «Лика», писатель обращается: «Цецилия Архимандритовна!» (т. 4, с. 157), «Милая Мелита!» (т. 4, с. 38); В.А. Тихонова Чехов называет «Милый Сарду» (т. 3, с. 300), «Ваше благородие, г. Сарду!» (т. 3, с. 284). Письмо к П.А. Сергеенко писатель начинает словами: «Только сегодня получил твое письмо, милейший Йорик...» (т. 2, с. 263). К Казимиру Станиславовичу Баранцевичу Чехов шутливо обращается: «Милый Кузьма Протапыч!» (т. 2, с. 292, 308). Обращаясь к дочери Алексея Сергеевича Киселева Александре Алексеевне: «Милостивая Государыня Василиса Пантелейевна!» (т. 4, с. 7), писатель также использует вымышленное имя, которое употребляет вместе с почтительным этикетным эпитетом «милостивая государыня».

В письмах к И.Л. Леонтьеву (Щеглову) Чехов обращается к своему адресату «Милый Альба!» (т. 2, с. 171, 180, 261) по имени известного испанского герцога-инквизитора, жестоко подавившего восстание в Голландии в XVI веке: «Милый Альба! Называю Вас так, потому что ваш трагический почерк – последнее слово инквизиции. Он, пока я прочел Ваше

письмо, вывихнул мне глаза» (т. 2, с. 166). Последний пример показывает, что в случае, если признак, характеризующий адресата, оказывается не временным, а постоянным, наименование адресата становится прозвищем.

Но самый богатый арсенал шутливых обращений данного типа мы встречаем в письмах к брату Александру. Примечательно, что А.П. Чехов только дважды называет брата «Чехов!» (т. 2, с. 21; т. 6, с. 182) и многократно «Гусев!» (т. 2, с. 23, 23, 109, 114, 120, 134, 136, 140, 141), «Милейший Гусев!» (т. 2, с. 85, 125, 153) или «Г. Гусев!» (т. 2, с. 49, 300) «Господин Гусев!» (т. 6, с. 228). Многочисленны также производные от «Гусев»: «Гусиных!» (т. 2, с. 127); «Гуськов!» (т. 2, с. 147, 258); «Гусинский!» (т. 2, с. 172); «Милый Гусополо!» (т. 2, с. 184); «Гусиади!» (т. 2, с. 202); «г. Гусятников!» (т. 5, с. 233).

Наряду с новой фамилией А.П. Чехов часто присваивает своему брату и новое имя: «Уважаемый Акакий Спиридоныч господин Гусев!» (т. 2, с. 162); «Новый Виктор Крылов!» (т. 3, с. 188); «Лука Иваныч!» (т. 2, с. 89); «Любезный брат Александр Виссарионыч!» (т. 6, с. 296, 299); «Любезный Никанор Гаврилович!» (т. 6, с. 360); «Многоуважаемый Никанор Иванович!» (т. 6, с. 366); «Повсекакий!» (т. 6, с. 303).

Иногда А.П. Чехов может вообще «лишить» своего старшего брата фамилии, имени и отчества, обратившись к нему как к дворовому слуге или крепостному: «Человек!» (т. 3, с. 166).

Достаточно трудно этимологизировать приведенные выше антропонимы, так как мы не можем знать всех дискурсов А.П. Чехова, «рожденных» в процессе коммуникации с другими языковыми личностями. Практически все антропонимические наименования адресата, используемые писателем, имеют «интимно-кодовый» характер. Можно только предположить, что, например, фамилия Гусев получила происхождение от слова *гусь*, которое братья Чеховы наделили семами *несовершенство, глупость*. В письме к брату Александру от 17 или 18 апреля 1883 г. А.П. Чехов характеризует женщину с точки зрения интеллектуальных и творческих способностей: «Она хороший врач, хороший юрист и т. д., но на поприще **творчества** (выделено нами. – А.К.) она гусь. Совершенный организм творит, а женщина ничего еще не создала» (т. 1, с. 65).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Неординарные обращения в дискурсе языковой личности А.П. Чехова полифункциональны. Большинство этих обращений имеет оценочно-характеризующий и экспрессивный характер. А.П. Чехов использует начальные обращения в качестве оригинального образного средства, которое употребляется писателем не только с целью привлечения внимания, но и с целью воздействия на собеседника. Значительная часть нестандартных обращений выполняет прагматическую (воздействующую, регулятивную) функцию. Обращения в письмах Чехова могут выражать укор, сочувствие, просьбу, комплимент, побуждение к действию, приказ, нравоучение, интимный код, призыв отнестись к словам адресанта и к

самой ситуации с юмором и т. д. Неординарные начальные обращения являются частью коммуникативной стратегии писателя.

2. Вступая в общение с симпатичными и близкими ему людьми, А.П. Чехов стремится к разрушению этикетных шаблонов, тем самым сокращая коммуникативную дистанцию с собеседниками. Количество неординарных обращений обратно пропорционально величине коммуникативной дистанции между собеседниками. Больше всего нестандартных обращений А.П. Чехов употребляет в письмах к старшему брату Александру. Стремление к использованию неординарных обращений характеризует А.П. Чехова как игровую языковую личность.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – М.: Наука, 1974. – Т. 1-6.

Мигирина Н.М. Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке. – Кишинев: Штиинца, 1980.

Полонский А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности. – М.: Русский Двор, 1999.

Н.М. Хади, О.Н. Чарыкова

Особенности использования обращений в форме личного имени в русском бытовом общении конца XIX – начала XX века

Как известно, обращение служит не только для привлечения внимания и установления контакта с адресатом. Оно выполняет и социально-индикационную функцию, поскольку выступает в процессе общения как индикатор социальных и межличностных отношений между коммуникантами. В соответствии с ролевой теорией принято различать вертикальные и горизонтальные отношения между коммуникантами. Применительно к конкретной ситуации общения более ёмкими представляются используемые Л.Г. Крысиным термины *симметричный – асимметричный* (Крысин 1977, с. 16). Например, роли сослуживцев, одноклассников, соседей по квартире и т.п. симметричны, поскольку ни один из них не имеет каких-либо преимуществ, обусловленных характером роли, а роли сына и отца, ученика и учителя, квартиранта и хозяина, просителя и должностного лица и т.п. воспринимаются как асимметричные.

Анализ обращений, используемых в прозе А.П. Чехова, позволил выявить особенности употребления различных форм имени в русском бытовом общении конца XIX – начала XX века.

Обращение в форме полного имени репрезентирует следующую информацию об адресате – это, как правило, взрослый человек любого социального положения. Такое обращение может быть использовано как в симметричных, так и в асимметричных речевых актах. Однако более широко данная форма используется в следующих вертикальных речевых актах.

1. При обращении человека более высокого социального статуса к человеку менее высокого социального статуса. Например, к слугам и крестьянам, как правило, обращались только по имени (даже в том случае, если адресант моложе адресата).

Ты же смотри, Андрей! Из редакции никого! Не велел хозяин (обращение распорядителя вечера к лакею в рассказе «Тряпка»).

Фортецкий настройщик Муркин... вышел из своего номера в коридор и ...прокричал: «Семён! Коридорный!» («Сапоги»).

Послушай, Клим! Зачем ты так гонишь лошадь? (обращение землемера к крестьянину-вознице в рассказе «Пересолил»).

...Пелагея, знай, ...я не люблю, если кто в кухне сидит (барыня обращается к кухарке в рассказе «Кухарка женится»).

Агния, позови барина! (обращение барыни к горничной в рассказе «Переполох»).

2. При обращении старшего по возрасту к младшему по возрасту.

Например, в рассказе «В цирульне» крёстный отец обращается к хозяину цирюльни по имени – *Макар*). Следует отметить, что иногда полное имя может быть употреблено и при обращении к ребёнку. Обращение полным именем к детям обычно выражает иронию, или недовольство поведением, или носит высокопарный характер. Вот пример из рассказа «Живой товар»: *Когда он (Бугров)...напивался, брал на руки Мишутку и, плача, говорил ему при Грохольском и Лизе: «Сын мой! Михаил! ... Я...подлец! Продал мать твою!»*.

Кроме того, обращение в форме полного имени используется и в симметричных речевых актах представителей любой социальной среды.

Садись, Илья! Не бойся! Привыкай! Закусок-то сколько, закусок! (в рассказе «Закуска» чиновник обращается к своему другу – тоже чиновнику).

Погляди, Максим, какой чудный окорок! Будь полный сбор, купил бы (обращается один актер к другому в рассказе «После бенефиса»).

Подрубить корягу надо! – решает наконец Любим. – Герасим, сходи за топором! (обращение одного плотника к другому в рассказе «Налим»).

Слыши, Степан? – повернулся почтальон к ямищику... – Мы на Гуляевский бугор попали! («Ведьма»).

Следует отметить, что, если у лиц, имеющих относительно высокий социальный статус, такое обращение обычно свидетельствует о дружеских или приятельских отношениях, то в простонародной среде оно является общепринятым и может употребляться даже по отношению к адресату более старшего возраста, чем адресант. Например:

Василий быстро раздевается и лезет в воду. – Я счас... – бормочет он.
– ...А ты бы ушёл, Ефим! Нечего тебе тут старому человеку не в своё дело мешаться! («Налим»).

Обращение посредством полного имени (независимо от социального статуса коммуникантов) является также употребительным при общении супругов или мужчины и женщины, находящихся в близких отношениях. Вот несколько примеров обращений к мужчине женщин разных сословий.

Досифей! – послышался женский бас. – Где же ты? (обращение помещицы Хлыкиной к мужу в рассказе «Последняя моргиканша»).

Наталья, ставь самовар! – кричит Надежда Степановна... – Говорят, Павел Матвеевич приехал! *Павел, где ты?* (обращение жены к мужу в рассказе «Лишние люди»).

Николай, вы уверены, что не ошибаетесь? (обращение женщины к домашнему врачу, её бывшему возлюбленному, в рассказе «Доктор»).

Не губи ты меня, Степан! Не бери греха на душу. Со мной повенчал Бог, со мной и живи (обращение крестьянки к мужу в рассказе «Барыня»).

В симметричных речевых актах аналогичного характера и мужчины разных сословий могут использовать полное имя при обращении к женщинам.

Ты, Матрёна, не плачь... – бормочет он [токарь]. – Потерпи малость (обращение токаря к старухе жене в рассказе «Горе»).

А-га-фья!.. Агафья! – То вернувшийся и встревоженный муж искал по деревне свою жену («Агафья»).

Вывертов [помещик] подошёл к кровати, на которой лежала жена, и сказал: «Я, Арина, этого так не оставлю («Упразднили!»).

Я был бы рад надежде не меныше вас, Ольга, но её нет, – ответил Цветков (обращение доктора к матери больного мальчика, его бывшей возлюбленной, в рассказе «Доктор»).

Использование формы полного имени при обращении к близкому человеку может быть как нейтральным, так и указывать на проявление негативных эмоций.

Торчаков... поглядел на жену и сказал: «А нехорошо, Лизавета, что мы не дали тому казаку разговеться (в рассказе «Казак» мещанин так обращается к жене, которую в другой ситуации называл Лизой).

Личное имя в функции обращения используется А.П. Чеховым во всех возможных морфологических и фонетических вариантах: от полного канонического до деминутивного и уничижительного. Следует отметить, что в рамках текста произведения в зависимости от характера отражаемой ситуации посредством разных форм имени может именоваться одно и то же лицо.

Безаффиксная форма деминутивного имени в симметричных языковых актах используется для обращения к представителю любого социального слоя и имеет нейтральный характер или положительную эмоциональную окраску.

Это, Феня, я заказал... Рыбы захотелось. Если тебе не нравится, то пусть не подают (обращение мужа к жене Федосье Васильевне в рассказе «Переполох»).

Нельзя так, Петя! Так друзья не делают (обращение отставного корнета Помоева к мировому судье Шестикрылову в рассказе «Интеллигентное бревно»).

Жена глядит на меня выпученными глазами и не верит: «Да ты ли это, Коля?» («Симулянты»).

Господа, кто же будет аккомпанировать? – говорила она [Софья Васильевна] плачущим голосом. – *Надя, идите хоть вы аккомпанируйте!* (обращение одной дамы к другой в рассказе «Заказ»).

В асимметричных языковых актах обращение в такой форме имени возможно по отношению к более молодому адресату или по отношению к лицу более низкого социального статуса.

Ваня! – обратился генерал к своему племяннику, юноше-гимназисту... («Петров день»).

В комнату вошла горничная. – Лиза, вы не знаете, зачем это меня... обыскивали? – спросила у неё гувернантка («Переполох»).

Имена, образованные по модели на -к(а), от сокращённых основ в вертикальных языковых актах при обращении к взрослому лицу низкого социального положения являются уничижительными или пренебрежительными.

Василий! – кричит барин, повернувшись к усадьбе. – *Васька!* Прибегает кучер Василий («Налим»).

Гони, Митика! Шибче! (обращение барина к кучеру в рассказе «Не судьба»).

Петъка! – крикнул Восьмёркин лакею. – *Поди позови сюда Дуняшку, Любку и прочих!* («Свистуны»).

В асимметричных речевых актах коммуникантов, принадлежащих к одному социальному слою, употребление такой формы обращения часто является индикатором негативной эмоции по отношению к адресату.

Не разгорается, чтоб он треснул! – орёт где-то вдова, ставя самовар. – *Катька, подай угли!* («Талант»).

Подобное явление наблюдается и в симметричных речевых актах коммуникантов, имеющих относительно высокий социальный статус.

Я уже начинаю сердиться, Вера! А, чёрт возьми! ... Верка! (обращение рассерженного присяжного поверенного к жене в рассказе «Заблудшие»).

Некоторые авторы (Данилина 1969, с. 151, Сироткина 1998, с. 90) считают, что по отношению к детям и подросткам (в особенности в произведениях художественной литературы) эти формы приобретают, как правило, не уничижительное, а уменьшительное или фамильярное значение. С этим мнением можно согласиться.

Важное, брат Пашка, ты себе пузо отрастил, – сказал он [доктор] и вздохнул. – *Ну, показывай свой локоть* (обращение доктора к мальчику- пациенту в рассказе «Беглец»).

Старик не расслышал вопроса. Он рассеянно поглядел на молодого и ответил...: «А я, Санька, всё думаю про тот ярлык, что в Ивановке солдату показывали («Счастье»).

В разговорно-бытовой речи такие формы нередко приобретают фамильярно-дружеское значение. Однако в таком значении они возможны в симметричных речевых актах лишь между хорошо знакомыми (близкими) людьми любого возраста и социального положения.

Любопытно поглядеть, какой из тебя, Петьяка, судья вышел (обращение отставного корнета Помоева к мировому судье Шестикрылову, мужу его сестры, в рассказе «Интеллигентное бревно»).

Таким образом, можно говорить о многозначности данного эмоционально-оценочного суффикса.

В оценке стилистической окраски имён, образованных по модели на -ух(а), -юх(а), можно согласиться с Т.А. Сироткиной, что они грубоватые, насмешливые, но ирония в них не злая. Часто эта окраска стирается, и имя приближается к нейтральному. Имена, образованные по этой модели от полных основ, чаще употребляются в диалектах по отношению к ребёнку. Редким, но возможным является употребление такой формы имени и анализируемом материале.

Ну, будет... будет, говорит он [отец – член окружного суда Зайкин], трогая мальчика за плечо. – Виноват, Петюха, прости («Лишние люди»).

Обращения в форме деминутива с уменьшительно-ласкательными суффиксами в рассказах А.П. Чехова достаточно частотны и используются во всех социальных группах для выражения ласкового отношения как в симметричных, так и в асимметричных речевых актах.

Никиша! – обратился шафер к жениху, кивая на брюнета. – Как фамилия этого артиста? («Гордый человек»).

В рассказе «Трифон» муж, обращаясь к жене, которая куда-то вышла, зовёт её, используя такие деминутивные формы: **Настюша!** **Настя!** **Настенька!**

Особенно употребительны такие формы в речевых актах с интенцией просьбы.

Ты же, Васечка, тово... – забормотал Тигров... – презентуй мне сегодня двадцать талеров («После бенефиса»).

В рассказе «Барыня» жена упрашивает своего мужа не идти на службу к помещице и употребляет следующие деминутивы от имени Степан: **Стёпа**, **Стёпушка** и **Стёпунька**. В рассказе «Невидимые миру слёзы» чиновник упрашивает жену угостить пришедших с ним приятелей и использует такие деминутивные формы: **Машенька!** **Машуня!** **Манечка!** **Манюня!**

Таким образом, в качестве составляющей части речевого акта обращение в форме личного имени реализует в процессе коммуникации разные интенциональные функции, выявление которых возможно как в рамках реального диалога, так и при его имитации в художественном тексте. В рассмотренных речевых актах вокативы в форме личного имени

служат индикаторами коммуникации и выражают, помимо регулятивного, индексальное и эмоциональное содержание. Регулятивное содержание связано с установлением, поддержанием и размыканием контакта, «индексальное содержание характеризует психологический склад и социальный статус говорящего» (Карасик 1992, с. 45), эмоциональное – репрезентирует психическое состояние в момент речи (радость, раздражение и т.д.) и отношение к адресату (симпатия, антипатия и др.).

Данилина Е.Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращённых» формах имён в русском языке // Ономастика. – М.: Наука, 1969. – С. 149-162.

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 1992. – 330 с.

Крысин Л.Г. О некоторых понятиях современной социальной лингвистики // Язык и общество: Межвузовский научный сборник. Вып. 4. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. – С. 3-19.

Сироткина Т.А. К вопросу о стилистической окраске антропонимов // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 90-93.

К.Г. Щипунова

Речевые формулы в ситуации знакомства

Нами было проведено исследование способов завязывания знакомства молодыми людьми.

Группе молодых воронежцев было предложено написать, какими речевыми репликами они пользуются, если хотят завязать знакомство, или какие реплики используют окружающие, если хотят завязать с ними знакомство.

В опросе всего приняло участие 112 человек (66 женщин и 46 мужчин). Испытуемыми стали студенты вузов г. Воронежа – ВГУ и ВГМА, в возрасте от 16 до 29 лет.

В результате опроса была получена 421 речевая формула. Языковой материал был распределен на две группы – формулы установления контакта и формулы завязывания собственно знакомства.

Формулы установления контакта

Намерение познакомиться 63:

Можно с Вами познакомиться? 25; Можно познакомиться? 11; Давайте познакомимся? 7; Давай познакомимся? 6; Можно с тобой познакомиться?; Не хотите познакомиться? 2; Я давно мечтала

познакомиться с Вами; Будем знакомы?; Очень приятно познакомиться; Не поймите превратно, но хочется с Вами познакомиться; Я хочу с тобой познакомиться; Не хотите познакомиться с красивой женщины?; Можно познакомиться, давно Вас приметил?; Мне очень-очень приятно с Вами познакомиться; Очень рады познакомиться; Не могу ли я с Вами познакомиться? 1.

Просьба или предложение оказать помощь, услугу 60:

Вы не поможете сделать (что-л.)...?; Не подскажете, как пройти...? 13; Не подскажете, где находится? 6; Девушка, а не подскажете...? 4; Вы мне не поможете?; Не найдется закурить? 3; Вам помочь?; Не подскажете, как пройти в библиотеку?; Дайте, пожалуйста, свой мобильный 2; Вы не могли бы мне помочь?; Девушка, Вас не подвезти?; Вы такой небритый, хотите помочь?; Извините, не могли бы Вы мне помочь?; Не могли бы Вы мне подсказать?; Не могли бы Вы помочь донести сумку до дома?; Девушка, я боюсь переходить через дорогу, Вы мне поможете?; Не подскажете, как доехать...?; Вы не скажете, где я?; Дай позвонить? Мне нужна твоя мобила; Мне надо срочно позвонить! Я знаю одно место, где офигеннейшие циркули! 1.

Комplимент 45:

Вы красивый (ая) 13; У Вас красивые глаза 5; Хорошо выглядите 3; Приятно с вами поболтать 3; Вы очень обаятельны! 2; Ты супер, мы хотим быть с тобой всегда!; Без тебя мы не сможем жить!; С тобой так интересно, просто общаться; У вас приятный голос; У Вас классная попка (фигура)!; Классная модель телефона!; По-моему, эта рубашка подойдет вам больше; Какая классная у тебя собака!; Ваша рожица очень располагает к общению; Мне очень понравился ваш затылок; У Вас умное лицо. Очень люблю людей с умными лицами!; Какая красивая у Вас улыбка!; Круто, моё любимое имя!; Девушка, Вы так красиво мне улыбнулись, что я забыл, куда шел! Давайте вспоминать вместе!; Девушка, Вы мне очень понравились!; У тебя редкое имя, красивое; Девушка, почему грустите, ведь жизнь прекрасна, и Вы неотразимы!; Я очарован...; Девушка не уходите, мне без вас так плохо 1.

Запрос ситуативной информации 32:

Который час? 14; Вы не подскажете, который час?; Не подскажете, сколько времени? 7; Где находится нофелет?; Как пройти?; Во сколько открывается магазин?; Девушка, это у Вас гитара?; Какая марка машины прокатила мимо?; Как вчера закончился матч Барселона-Челси? 1.

Собственно приветствие 26:

Привет 13; Здорово 8; Привет, девушки; Здорово, братиша 2; Катюха! Привет! 1.

Ситуативные реплики 26:

Я Вам не помешаю? 3; Куда Вы так спешите?; Куда Вы идете? У Вас шнурок развязался 2; Куда вы едете?; Извините, кто Вы по знаку зодиака?; Можно мы присядем на лавочку с Вами?; Не правда ли красивый закат?; А в какой парикмахерской Вы стриглись?; Можно к Вам присесть?; Как зовут Вашу собаку?; У Вас нет курвиметра? Как, у Вас нет?! И у меня нет. Вася; Вы ко мне?; Это не Вы потеряли?; Ты откуда? 1.

Приглашение к совместному действию, деятельности 23:

Можно пригласить Вас на танец? 5; Можно Вас проводить? 4; Не хотите прогуляться?; Не хотите ли чашечку кофе? 3; Не хочешь с нами выпить? 2; Пойдем на остановку вместе?; Не хотите принять участие в конкурсе?; Не хотите посмотреть каталог?; Девушка, не хотите приятно провести вечер?; Давайте дружить с первого взгляда!; Давайте с Вами поженимся, и у нас будут прекрасные дети! 1.

Вопрос о настроении, делах 14:

Как дела? 7; Как настроение? 5; Как жизнь? 2.

Намерение составить компанию, пригласить в компанию 12:

Можно составить Вам компанию? 5; Девушка, а можно Вам составить компанию 3; Девушка, Вы не составите мне компанию?; Не составить Вам компанию?; Не желаешь составить компанию?; Давайте я составлю Вам компанию? 1.

Намек на предварительное знакомство 11:

Мы раньше не виделись (не встречались)? 9; По-моему, мы с Вами знакомы?; Простите, мы с Вами не знакомы? 1.

Вопрос о роде деятельности 10:

Чем занимаешься? 5; Где ты учишься, работаешь? 2; Привет, как учеба?; На каком курсе, факультете учишься?; Вы учитесь? 1.

Просьба оставить номер телефона 7:

Не оставите (дадите) свой телефон? 6; Можно узнать Ваш номер телефона? 1.

Извинение за допущенную неловкость 6:

I am sorry 5; Простите, я такая неловкая 1.

Вопрос о семейном положении 5:

Вы замужем? 2; Вашей маме зять не нужен? 2; Девушка, Вам муж не нужен? 1.

Запрос о наличии свободного времени 4:*Что Вы делаете сегодня? 3; Вы свободны сегодня? 1.*Вопрос о возрасте 1:*Сколько Вам лет? 1.***Формулы завязывания знакомства**Запрос имени 50:

Как тебя зовут? 26; Как Вас зовут? 14; Можно узнать как Ваше имя? 2; Можно узнать, как Вас зовут?; Молодой человек, как Ваше имя?; А ты кто?; Как зовут такую симпатичную девушку?; Как зовут такую красивую девушку?; Красавица, как Ваше имя?; Девушка, а Ваше имя не секрет?; Могу я узнать Ваше имя? 1.

Самопредставление 30:

Привет, меня (имя) зовут! А тебя? 11; Привет, меня зовут... 7; Меня (имя) зовут; Привет, я (имя), а ты? 4; Привет, я (имя) 3; Вы не против? (имя) 1.

Взаимное представление 2:

Привет! Как дела? Меня зовут (имя), а тебя как? – ... – Ну, вот и познакомились!; Привет! – ... – Нет, мы не знакомы. Но это можно исправить! 1.

Выявились некоторые единичные реплики, которые не поддаются тематической классификации, но используются молодежью при знакомстве: *Слышь, браток ...; Убери руки, урод! Как скоро Вы убежите от меня? А если я к Вам прямо сейчас, прямо тут пристану? О чем Вы мечтаете в жизни?*

Судя по результатам анкетирования, установление контакта абсолютно преобладает над собственно знакомством, а точнее, является, видимо, его первым и основным этапом.

Обращает на себя внимание разнообразие используемых молодыми людьми формул знакомства и неформальность большинства из них.

Х. Эккерт

Из наблюдений над русским и немецким научным общением

Можно указать на некоторые отличия традиций научного общения в Германии и России.

В Германии на научные мероприятия принято не опаздывать, приходить вовремя. Слушатели садятся, равномерно рассредоточившись по залу.

Часто сидят отдельно друг от друга, разделенные несколькими пустыми стульями.

Слушатели и участники приходят одетые достаточно формально. Мужчины – обычно в костюмах, галстуках, женщины тоже в достаточно строгой одежде.

Докладчик не может снять пиджак, повесить его на стул и выступать в рубашке. Мобильные телефоны не звонят, это считается неприличным.

Вступительное слово официальных лиц при открытии научного мероприятия занимает 3-5 минут, не более, после чего переходят к программе.

Председательствующий, представляя докладчика, дает краткую характеристику ему: кто он, какое имеет научное звание, из какого учебного заведения, чем занимается, каковы его научные труды, объявляет тему доклада. Часто при этом демонстрируются некоторые работы докладчика – председательствующий показывает их собравшимся перед началом доклада.

Председательствующий заботится не только об организации самого выступления, но и о технической стороне выступления – обеспечивает подключение проектора, разносит раздаточные материалы, может подвинуть доску, экран. Часто технику обслуживает специальный студенческий технический персонал.

Доклады начинаются точно по программе, которая неукоснительно соблюдается. Регламент соблюдается точно – как продолжительность выступления, так и продолжительность обсуждения.

Тщательно соблюдается последовательность выступлений – перестановки в порядке докладов, столь принятые у русских, не допускаются.

Раздаточный материал раздает студенческий вспомогательный персонал, либо докладчик кладет материалы на первый стол, и все присутствующие могут взять эти материалы. Сам докладчик раздаточные материалы не раздает.

Ходить по аудитории во время научного доклада у немцев не принято.

Научные доклады на немецких конференциях и научных семинарах довольно продолжительные.

Пленарный доклад может длиться час, и потом полчаса обсуждаться. Секционные доклады обычно полчаса, а обсуждение потом сразу нескольких докладов. Русские доклады обычно намного короче.

Реакция немецких слушателей во время научного доклада весьма сдержанная, выражения лиц вежливо-нейтральные. Немецкие слушатели слушают доклады в основном молча, внимательно глядя на докладчика.

Не принято разговаривать друг с другом во время доклада на личные темы либо обсуждать отдельные положения доклада и высказывать друг другу оценку положений докладчика или возникающие соображения.

Русские во время официальных, особенно пленарных, выступлений часто разговаривают друг с другом, следя лишь за основным содержанием доклада – для русских важно понять главное, а потом, если потребуется, познакомиться с докладчиком, обменяться адресами, подарить свои публикации, получить его публикации. Непосредственное общение – даже во время чужого доклада – для русских важно и ценно.

Вопросы немецкие слушатели задают докладчику сидя, как правило, не представляясь. Стоя, вопросы задают на конгрессах и больших конференциях: поднимают руку, и им предоставляет слово председательствующий. Если он знает спрашивающего, он может назвать его по имени.

Дискуссия у немцев на секционных заседаниях и небольших конференциях может быть острой и оживленной, но ведется строго по существу вопроса, затронутого в докладе; на конгрессах и больших конференциях может затрагивать общие теоретические вопросы.

Эмоциональный характер немецкая дискуссия обычно не приобретает, поскольку в немецкой дискуссии принято обсуждать конкретное содержание докладов, а не давать оценку доклада и тем более – личности докладчика.

Вопросы у немцев не принято задавать в жесткой, категоричной форме, ставя под сомнение правильность самой теоретической концепции ученого или правильность интерпретации им отдельных примеров.

В России это возможно, научная дискуссия предполагает прояснение позиций и предъявление возражений, порой довольно категоричных, в том числе теоретических и по интерпретации результатов.

У немцев дискуссия скорее направлена на выявление аргументов докладчика, оснований для его выводов.

В немецком научном общении принято защищать свою научную позицию, отход от нее является проявлением слабости.

Правила ведения научной дискуссии в современной Германии отличаются от правил ведения дискуссии во времена ГДР, когда было принято скорее развивать и продолжать идеи докладчика.

Немцы сейчас уже больше не стремятся избегать публичного несогласия, споров. Это яркая черта их современного коммуникативного поведения.

Обязательны кофе-брейки, продуман обед участников. Вечером, если нет культурного мероприятия – экскурсии или ужина в ресторане, участникам предоставляется свободное время.

Русские организаторы научных конференций делают больше секций по интересам и стараются спланировать все свободное время участников для того, чтобы они имели возможность общаться неформально.

Участниками конференции научная литература во время конференции не продается. Нет традиции, чтобы ученые привозили свои работы и продавали коллегам во время конференции. На больших конференциях научную литературу привозят и продают крупные издательства.

Нет традиции привозить книги и дарить коллегам во время конференции, это встречается реже, чем в российском научном общении. Принято поинтересоваться у коллеги, нужна ли ему такая книга и пообещать ее прислать позже.

Нет традиции рекламировать свои издания, раздавать рекламные листовки своих изданий.

Важной чертой российского научного общения является кулуарное общение – в перерыве между заседаниями, за обедом или кофе, даже во время автобусной экскурсии по достопримечательностям, в гостинице в номере у кого-нибудь из коллег, где собираются знакомые, чтобы пообщаться, обсудить научные проблемы, поделиться своими планами, рассказать о написанном и опубликованном, подарить свои труды, уточнить почтовые адреса и адреса электронной почты, пригласить друг друга на конференции, оппонировать своим аспирантам и т.д. и т.п.

У немецких ученых нет такой традиции, они четко разделяют официальное научное общение на конференции или во время научного доклада, и неформальное общение, в ходе которого не принято касаться научных проблем.

Можно сказать, что, по сравнению с русскими учеными, немецкие ученые личностному научному общению предпочитают в настоящее время общение по электронной почте или письменное.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-------------------	---

Вопросы теории

Попова З.Д. (Воронеж) Субъект-пациент в русской языковой картине мира	4
Стернин И.А. (Воронеж) Вариативность структурной организации концептов	7
Стуколова Г.П. (Воронеж) Теоретические проблемы изучения синтаксической фразеологии	13
Фридман Ж.И. О (Воронеж) некоторых дифференциальных характеристиках психологически реального значения слова	20
Чарыкова О.Н. (Воронеж) Грамматическая категоризация концепта в национальном языковом сознании	27

Языковое сознание

Бурцева В.Г. (Воронеж) Гендерная дифференциация значений по данным ассоциативного эксперимента	31
Книга А.В. (Воронеж) К проблеме контрастивного анализа наименований явлений природы	33
Ковалева Т.Г. (Воронеж) Прилагательные со значением «национально-территориальные параметры» в русском и немецком сознании.....	39
Павлова С.В. (Воронеж) К изучению имен событий в русском и английском языках.....	45
Хаустова Э.Д. (Воронеж) Русские паремии с наименованиями обуви и одежды как отражение национально-культурных особенностей восприятия мира	48
Лаврёнова О.А. (Воронеж) Лексикографическая история русского ВЕТРА (от В.И. Даля до С.А. Кузнецова)	52
Медведева А.В. (Воронеж) Перенос по функции как семантический процесс	55

Медведева А.В. (Воронеж) Некоторые аспекты возникновения переносного значения слова	58
Паничкина О.В. (Липецк) Семное описание значения и национальная специфика семантики слова	64
Мандрукевич А., Ухова Л.В. (Ярославль) Гендерные особенности восприятия языковой личности (результаты социолингвистического исследования).....	69
Рудакова А.В., Зади Синан (Воронеж) Лексикографическое значение как первый этап исследования психологически реального значения слова	71
Чубур Т.А. (Воронеж) Национальная специфика семантики наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках	75
Новичихина М.Е. (Воронеж) О некоторых истоках формирования «народных» названий в языковом сознании.....	78

Когнитивное сознание

Атланова Е.О. (Борисоглебск) Номинативное поле концепта новое слово и моделирование содержания концепта	80
Досимова М.С. (Астрахань) Экспериментальное исследование концепта <i>женщина</i>	84
Дуссалиева Э.А. (Астрахань) Экспериментальное исследование концептов <i>мужчина, мужик</i>	88
Зацепина Е.А. (Борисоглебск) О построении номинативного поля концепта <i>вежливый</i>	92
Зиновьева О.А. (Воронеж) Концепт <i>Франция</i> в поэтической концептосфере А.С. Пушкина	96
Иванова М.М. (Воронеж) Когнитивные признаки концепта <i>предприниматель</i>	100
Киселёва Г.В. (Борисоглебск) Культурный концепт <i>Урюпинск</i> по экспериментальным данным	106
Литвинова Л.А. (Воронеж) Концепт <i>деревня</i> по данным словарей	111
Литвинова Ю.А. (Воронеж) Концепт <i>город</i> в русском языковом сознании (по данным словарей, пословиц и поговорок)	113

Мержоева З.С. (Саратов) Концепт <i>родство</i> в русском и ингушском языковых сознаниях	115
Морозова И.А. (Борисоглебск) О гендерной специфике концепта	119
Онищенко М.С. (Ульяновск) Особенности макроструктуры концепта <i>свободная страна</i> в русской, немецкой и американской национальной концептосфере	128
Павлюк Л.В. (Москва) Об изучении концептов в обыденном сознании	136
Сетаров Р.Д. (Елец) Использование зоонимов для отрицательной оценки человека	138
Сетаров Р.Д. (Елец) Пересечение переносных значений зоонимов в славянских, романских, германских и тюркских языках	144
Симанова Т.А. (Белгород) Русский язык в сознании студента-иностраницы	143
Стернин И.А. (Воронеж) Топонимические концепты в провинциальной концептосфере	154
Трущинская А.С. (Воронеж) Актуализация концепта <i>жена</i> в русском и английском художественном тексте	160
Чернышова Е.Б. (Борисоглебск) Словарь современного детского языка В.К. Харченко как один из источников исследования детской концептосферы	170
Шаманова М.В. (Борисоглебск) Территориальные особенности содержания и структуры концепта <i>общение</i>	173
Шевченко М.Ю. (Борисоглебск) Когнитивная интерпретация как прием исследования в лингвоконцептологии	178
Щербакова И.А. (Борисоглебск) Когнитивные признаки концепта <i>извинение</i> в русских паремиях	183

Коммуникативное сознание

Жулунева Е.С. (Ярославль) Феномен «албанского языка» в блоговом пространстве русского интернета	186
Куркина А.С. (Воронеж) Неординарное вступление в контакт (на материале обращений в письмах А.П. Чехова)	189

Хади Н.М., Чарыкова О.Н. (Воронеж) Особенности использования обращений в форме личного имени в русском бытовом общении конца XIX – начала XX века	199
Щипунова К.Г. (Воронеж) Речевые формулы в ситуации знакомства	204
Эккерт Х. (Германия) Из наблюдений над русским и немецким научным общением	207
Содержание.....	211